
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 31 ИЮЛЬ 1979
745
3

Центральный стадион имени В. И. Ленина в день торжественного открытия VII летней Спартакиады народов СССР.

ГОРИ, ОГОНЬ СП

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

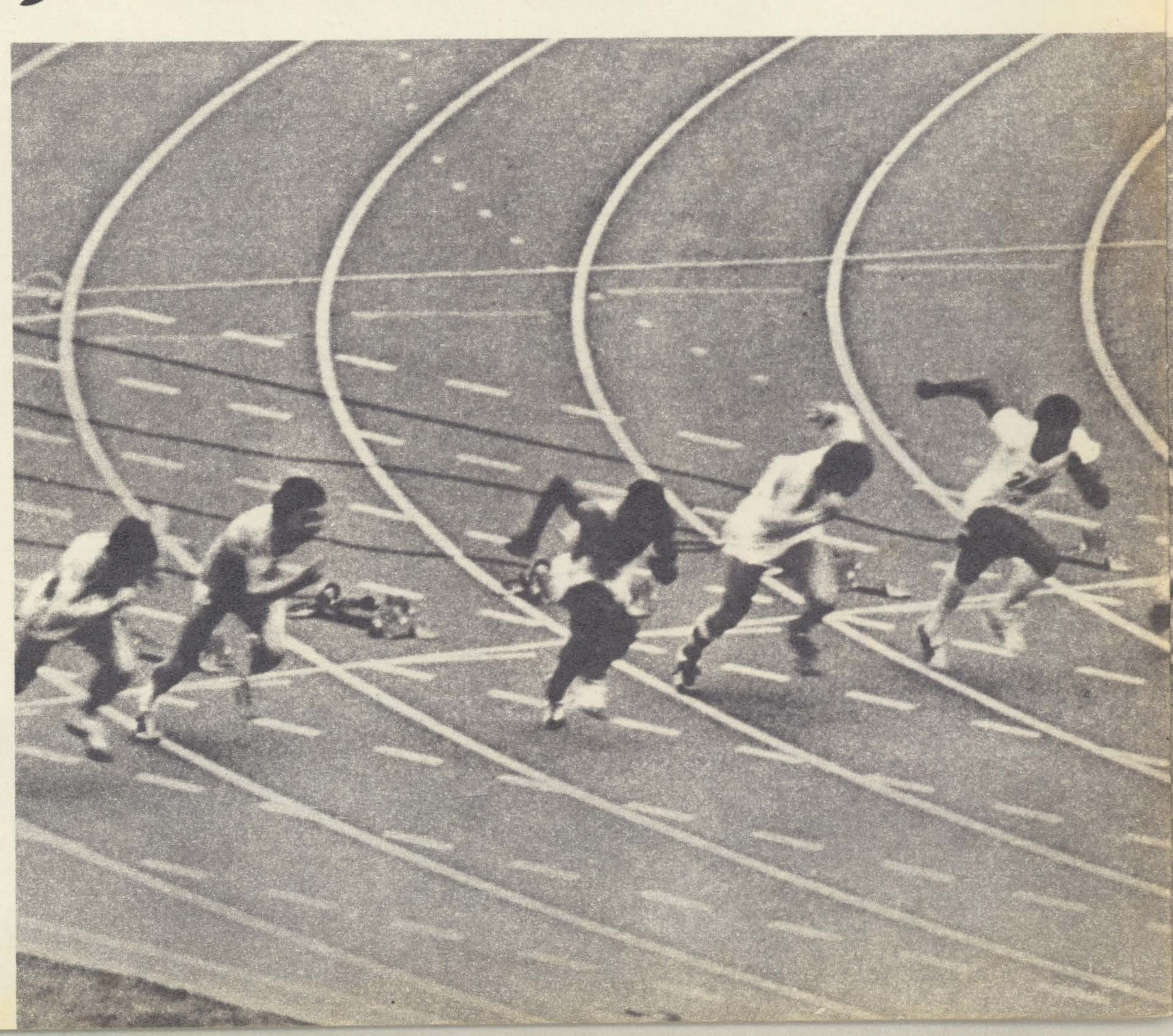

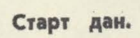
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

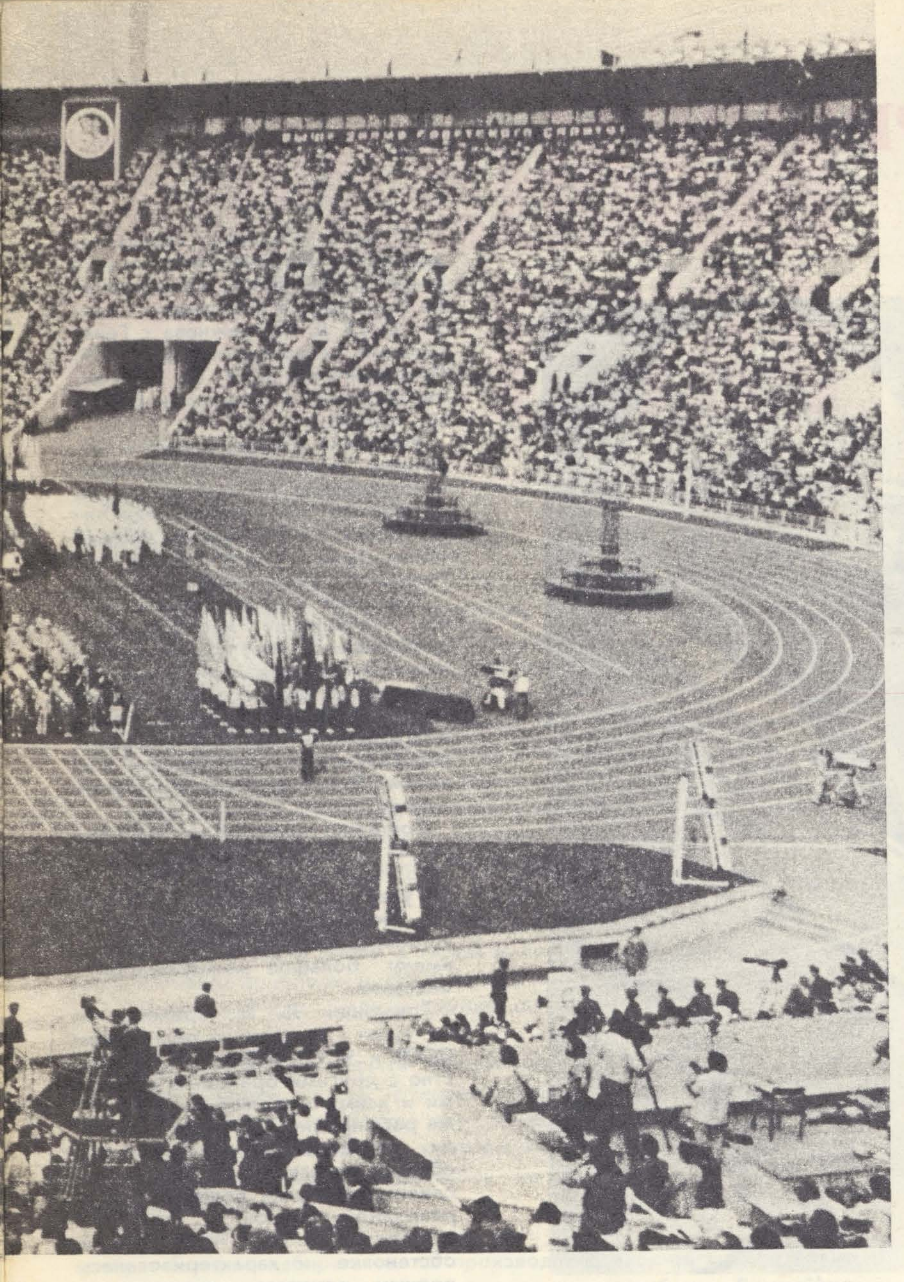
Основан 1 апреля 1923 года

№ 31 (2716)

28 ИЮЛЯ 1979

Старт дан.

АРТАКИАДЫ!

Олимпийский мишка на Спартакиаде.

Знаменитый кубинский спринтер С. Леонард, чемпион Спартакиады в беге на 100 метров, беседует с советским спринтером А. Шляпниковым.

В. ВИКТОРОВ

Фото А. БОЧИНИНА

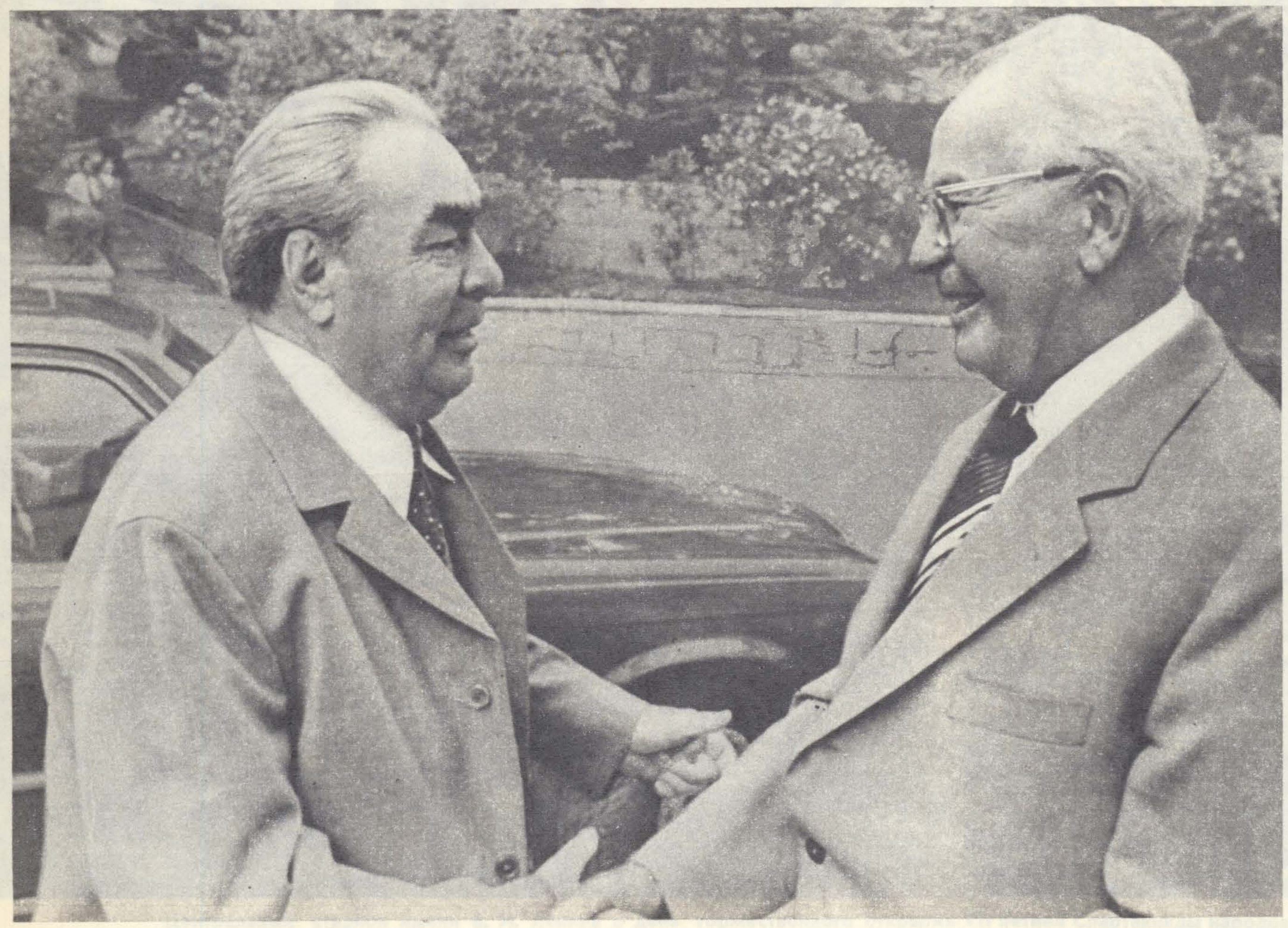
Праздник торжественного открытия Спартакиады давно уже стал праздником советского народа. Лучшие режиссеры и сценаристы массовых зрелищ, самые искушенные художники и опытные тренеры задолго до того дня, когда заполняются трибуны главного стадиона страны, создают зрелище огромного охвата, неисчерпаемой выдумки и красочного разнообразия. Но то, что мы увидели в часы открытия финальной части VII Спартакиады 21 июля, превзошло все наши ожидания. А еще раньше праздник был озарен приветственными словами Леонида Ильича Брежнева, обращенными к участникам и гостям VII летней Спартакиады народов СССР. Эти слова звучали со страниц газет и над стадионом, где собралось 100 тысяч человек: «Летняя Спартакиада народов СССР, в которой приняло участие более ста миллионов человек, вышла на финишную прямую. Она стала праздником советского спорта, ярким свидетельством достижений политики партии и государства в развитии физической культуры, их постоянной заботы о здоровье советских людей, гармоничном воспитании подрастающего поколения».

И мы увидели этих людей, не мыслящих себе жизни без физической культуры: и ветеранов спортивного движения, и тех, кто находится в расцвете своих сил, и воспитанников детских юношеских школ.

Вместе с трибунами участники праздника продолжительными аплодисментами встретили товарищей Ю. В. Андропова, А. П. Кириленко, В. В. Кузнецова, Б. Н. Пономарева, Н. А. Тихонова, И. В. Капитонова, М. В. Зимянина, К. В. Русакова, М. С. Горбачева.

Но вот прозвучали позывные, извещающие о начале праздника, и вся восточная трибуна в один неуловимый миг стала огромной многоцветной эмблемой Спартакиады. Эта эмблема состояла из многих сотен разноцветных флажков.

ВСТРЕЧА Л. И. БРЕЖНЕВА С Г. ГУСАКОМ

Во время встречи.

Телефото В. Мусаэльяна (ТАСС)

18 июля в Крыму состоялась дружеская встреча Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с Генеральным секретарем ЦК КПЧ, Президентом ЧССР Г. Гусаком, находящимся в Советском Союзе на отдыхе.

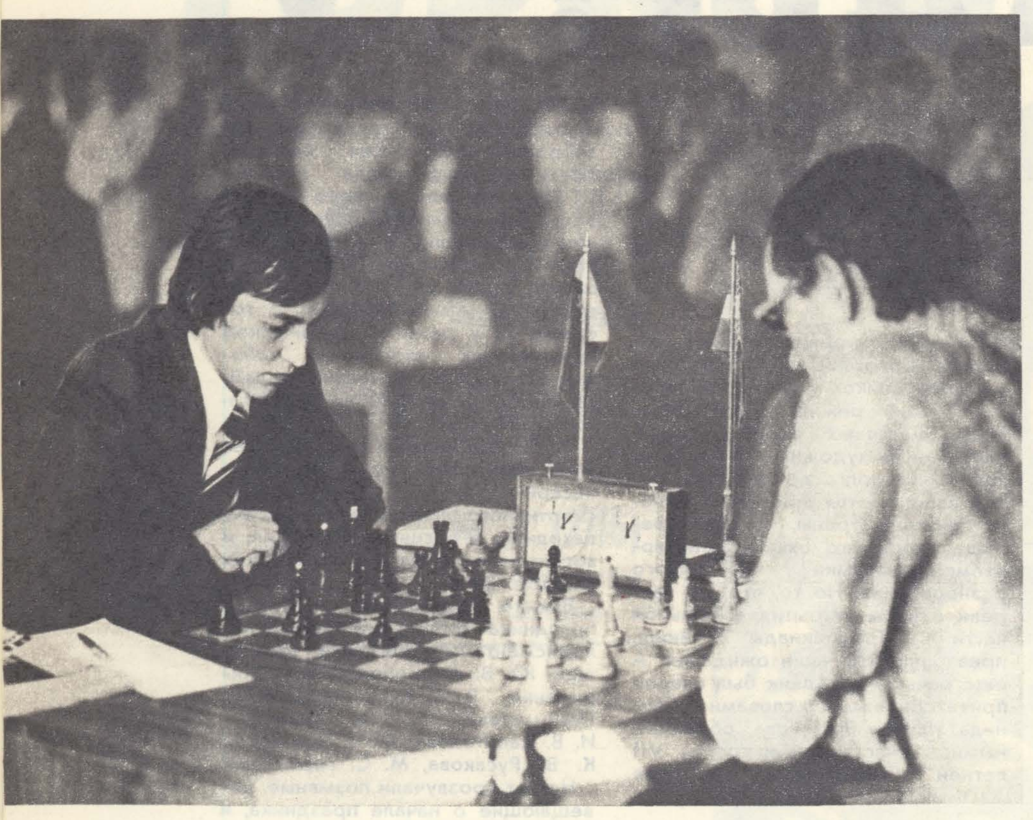
Участники беседы с удовлетворением отметили, что советско-чехословацкое сотрудничество продолжает по всем линиям укрепляться с большой пользой для обеих стран и для всего социалистического содружества.

Товарищи Л. И. Брежнев и Г. Гусак подчеркнули необходимость дальнейшего расширения кооперации и специализации производства как на двусторонней основе, так и в рамках осуществления долгосрочных целевых программ сотрудничества, одобренных Советом Экономической Взаимопомощи.

Состоялся также обмен мнениями по актуальным вопросам мирового развития. Л. И. Брежнев и Г. Гусак выразили общее мнение, что итоги советско-американской встречи в Вене на высшем уровне имеют большое международное значение.

Товарищи Л. И. Брежнев и Г. Гусак заявили о решимости СССР и ЧССР добиваться совместно с другими братскими странами и всеми миролюбивыми силами расширения мер доверия между государствами — участниками общеевропейского совещания, слияния разрядки политической с разрядкой военной.

Встреча прошла в сердечной обстановке и характеризовалась полным единством взглядов по всем обсуждавшимся вопросам.

Чемпион мира Карпов ведет спор с молодым мастером И. Ивановым (Узбекская ССР).

И так в течение всего двухчасового праздника безмолвная музыка красок звучала над восточной трибуной, над всем стадионом, то напоминая о близящихся Олимпийских играх, то призывая мир для всего мира, то поднимая алую волну от подножия трибуны до самой ее вершины, куда с факелами в руке, зажженными от электропечи завода «Серп и молот» и от Вечного огня могилы Неизвестного солдата, устремились два наших прославленных бегуна — Валерий Борзов и Людмила Кондратьева. А после того, как в гигантской чаше был зажжен огонь, осветивший огромный красочный парад, в котором приняли участие представители 17 команд и многочисленные гости почти из 90 стран мира, начались выступления различных коллективов.

Но Спартакиада — не только праздничное зрелище, но и спортивная борьба, и она, начавшись на беговой дорожке после старта скороходов, развернулась на далеком двадцатикилометровом пути, уступив мéсто на арене стадиона другим представителям легкой атлетики.

В тот вечер на Центральном стадионе имени В. И. Ленина были разыграны четыре комплекта призовых медалей по спорту «номер один», как называют легкую атлетику, и тут мы должны сразу же отказаться от праздничного тона и перейти к суровой прозе спортивной борьбы. Нет, мы не можем делать вид, что не озабочены результатами первого легкоатлетического дня. Ведь впереди нас ждут новые соревнования, и в первую очередь XXII Олимпийские игры, которые будут проходить на этой же арене, и мы не можем считать удачным этот день.

Да, прекрасно прошла ходьба на двадцать километров, и украинский скороход Н. Винниченко установил высшее всесоюзное достижение. Да, волнующим был бег советских спортсменок на 3 тысячи метров. Но, кроме этих двух видов легкой атлетики, были разыграны еще два и притом почетных, классических, с которых начинается программа легкоатлетов на всех Олимпиадах, и здесь нас ждали неудачи.

В толкании ядра у женщин после первых же попыток стало ясно, что борьбу за призовые места поведут две спортсменки из ГДР и одна из Чехословакии. И мы не ошиблись: на пьедестал почета поднялись И. Слупянек, М. Пуфе

НАПРЯЖЕННЫЙ ПУЛЬС ТРУДА

Воронежские монтажники завершили строительство первой очереди химического завода минеральных удобрений в Россоши. Вот они, передовые монтажники треста № 5.

Фото В. Кожевникова (ТАСС)

СООБЩЕНИЕ ЦСУ СССР: ТЕМПЫ ПРОИЗВОДСТВА РАСТУТ

Страна шагнула во второе полугодие четвертого года пятилетки. Только что ЦСУ СССР подвело итоги выполнения планов развития Советского Союза в первой половине нынешнего года. Дальнейший рост экономики и народного благосостояния — главная тенденция нашего развития. Выполнен полугодовой план реализации продукции. Объем промышленного производства по сравнению с соответствующим периодом прошлого года увеличился на 3,5 процента.

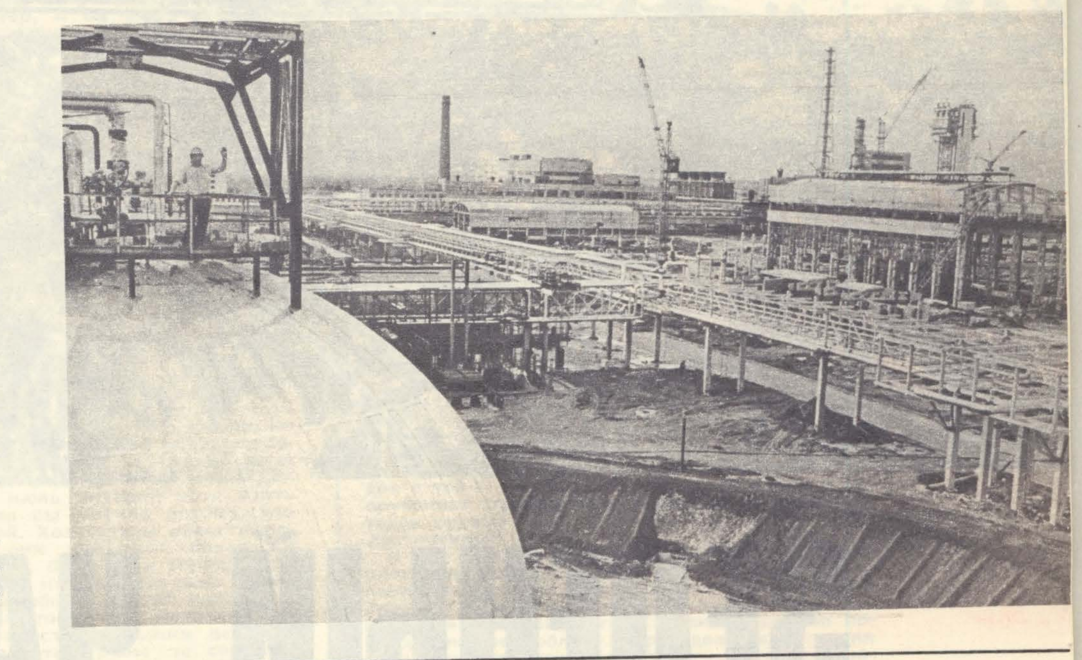
Производительность труда за полугодие возросла на 2,5 процента — это в целом, а во втором квартале — на 3 процента. Это дало около трех четвертей прироста в промышленности. Увеличилась и прибыль.

Страна больше, чем в прошлом году, вырабатывает электроэнергии, добывает газа и нефти с газовым конденсатом, делает стальных труб, станков, приборов и средств автоматизации, а также вычислительной техники, выпускает сельскохозяйственных машин, мотоциклов и мебели.

Более двухсот семнадцати миллионов гектаров — вот как велико нынче поле нашей страны. Труженики села уже приступили к уборке урожая 1979 года. Повсеместно идет сенокос, заготовка кормов. Поголовье скота и птицы возросло, а это ко многому обязывает, тем более что производство мяса сохранилось на уровне первого полугодия минувшего года...

Сообщение ЦСУ СССР красноречиво говорит о том, что жизнь требует быстрее набирать темпы производства, вводить в дело новые резервы повышения эффективности и качества работы. Ближайшие месяцы — решающий этап выполнения годовой программы.

Так выглядит новый завод.

и Х. Фибингерова. Не обрадовали нас и стайеры. В течение всей десятикилометровой дистанции только один наш бегун — А. Антипов — пытался вести спор за победу с двумя зарубежными гостями — эфиопом М. Ефтером и австралийцем Г. Барретом, но победить он так и не смог. А ведь мы еще не забыли тех времен, когда на длинных дистанциях сверкали имена советских бегунов Владимира Куца и Петра Болотникова. Где же они, их наследники?

Конечно, на таких грандиозных соревнованиях, как Спартакиада или Олимпиада, команда, имеющая равноценный состав спортсменов, всегда может рассчитывать на то, что неудача одних уравновесится успехами других, но нам кажется, что наши легкоатлеты на это рассчитывать не должны. Не рассчитывают же наши борцы, фехтовальщики, велогонщики, гимнасты, боксеры, что их вывезет успех бегунов, прыгунов и метателей? Все они просто побеждают...

Спартакиада ширит свой шаг. На старт выходят представители все новых и новых видов спорта. Звучат имена новых победителей, все ярче разгорается огонь спортивной борьбы.

Чемпионка VII Спартакиады по толканию ядра И. Слупянек (ГДР).

В водное поло играют команды Москвы и Казахстана.

Старт байдарок-двоек.

Г. Валюкевич (Белорусская ССР) добился победы в тройном прыжке.

Люцерна — главное поле забот.

ЗЕЛЕНЫЙ ЧАС ПОКОСА

Механик Владимир Бакрин.

На току горячая пора.

Володя Федоров: «И мы косили»

Николай БЫКОВ

Фото Б. КУЗЬМИНА

За околицей белокаменного Суздаля, где лежат широченные поля Владимирской государственной областной опытной станции, удивил стойкостью костер безостый. Он и в нынешнюю жару победно пламенел характерным для него красноватым отливом метелок, будто гордился своей природно-селекционной выдержкой и готов был в страшное бездождье постоять за своих зеленых собратьев: и за сладкий клевер, ласковую тимофеевку, жестковатую ежу сборную, и за ковровые вику и овес, и за люцерну, и за бесчисленное племя лугового разнотравья. Там, где поле севооборота было чуть лучше ухожено, люцерна тоже не сдалась.

Тихо доживала последние минуты люцерна четвертого года жизни, отдавая миру медовый аромат синих соцветий, а пчелам — загустевший нектар. Гуд от пчел стоял такой, что не слышно было самоходной косилки,— она наплывала от Сельца, выбривая зеленое угодье почти до земли. Тяжелые темно-золотые пчелы разлетались перед настигавшим их хедером и снова падали на соцветия люцерны. Безостановочно сновала туда-сюда славная в работе и красивая на вид косилка-измельчитель с высокой остекленной кабиной. Захват — четыре метра! Десять минут — и тележка полная, а это три с половиной тонны сочащейся зеленым соком массы. Пахло медом, резаной травой над рукотворным лугом. Люцерну скашивал, измельчал и буксировал тракторную тележку Алексей Васильевич Кабанов. Один. Зеленую массу его товарищи-трактористы, не теряя минут, отвозили с поля на ток. Весь процесс уборки трав отлажен, максимально механизирован, отработан — этим Владимирская опытная станция гордится по праву. Конечно, когда на травы урожай, тогда в полях работают еще и пресс-подборщики, готовят тюки душистого сена.

Нынче тактика иная: всю траву сразу пустили на витаминную муку, на гранулы.

Кормодобытчиков станции, обеспечивающих немалое — тысяч пять — поголовье скота, молодняка и свиней, я знаю не первый год. Люб мне смекалистый, энергичный механик элитного тока Владимир Бакрин! Владимир года два назад возглавлял бригаду по приготовлению гранулированных кормосмесей. По существу, он один из тех механизаторов, которые сами с азов постигли все премудрости новой в нашей стране технологии.

Былая заготовка сена — дело многотрудное, энергоемкое, требовавшее больших затрат и сил и средств, а главное, времени. А результат? Нечерноземье от дождей страдает чаще, чем от засухи, подобной нынешней. И всегда мучительной была проблема сушки трав, сохранения сена в его лучшем виде. Кто не знает, что при всей поэзии покосной страды на лугах травы чаще перестаивали, а само сено дольше, чем надо, чем можно было терпеть, лежало в валках и неизбежно теряло нежные цветки и листочки, самую питательную для скота часть растения. Если бы не нынешняя прекрасная косилка-измельчитель из ГДР, которая с ходу перерабатывает всю выбритую сочную массу люцерны, немного бы в такой вот жаркий день осталось ее: просеялась бы самая лакомая, сытная часть сквозь валки на землю...

Так вот на опытной станции первыми в области стали думать о сохранении полноценных кормов, о современной технологии приготовления кормосмесей в виде гранул. Той фабрике кормов — иначе не скажешь,— которую можно увидеть здесь в действии, уже лет пять, наверное. Работа малого числа хорошо подобранных механизаторов отлажена, стала привычной, каждый знает «свой маневр». За освоение новой технологии и производственные успехи сам бригадир Владимир Бакрин удостоен в свое время премии Ленинского комсомола. Его опыт монтажа кормового комплекса изучают и другие хозяйства области.

Почему такая забота именно о кормах? Как сказал директор опытной станции Егор Фролович Толкачев, мак сто лет не родил, и никто не умер, а полноценные корма — основа ведения хозяйства. Не имея их прочного запаса, нельзя получить плановых привесов и надоев. Объем работ и затрат по накоплению сена, силоса, сенажа всегда был непомерно велик, иным хозяйствам не по плечу. А поголовье растет повсеместно, растут повсеместно и планы развития животноводства. И вот наступили времена, когда традиционное сено даже вкупе с зерновыми концентратами частенько оказывалось бессильным обеспечить рост привесов и надоев. Ведь гектар однолетних трав не дает больше тонны-полутора кормовых единиц, а надо животноводству страны, чтобы он, тот же гектар, давал значительно больше! Нужда заставила перейти на новый тип кормов. Однолетние травы, клевер и люцерна — основа гранулированных кормосмесей. Создали специализированную бригаду кормодобытчиков, вооружили ее новой технологией и техникой. Приготовление гранулированных кормосмесей и витаминной муки — счастливая находка и одновременно уход от бескормицы, в иных местах хронической.

— Килограмм наших гранул,— уточнил Владимир Бакрин,— стоит не менее двух килограммов отличного сена. В гранулах каротин почти полностью сохраняется. А запах! Сам бы ел...

Помню, как Владимир водил нас по всей технологической линии первого тогда узла на станции. Под началом его была так называемая сквозная комсомольско-молодежная бригада. Ребятам все было внове: сама идея, незнакомые машины, привезенные в ящиках, да и вид продукции — травяная мука да гранулы. Вроде как сухари коровам на зиму!.. Но освоили, пошло дело: «Не боги горшки обжигают». Крестьянские навыки, смекалка природная, знания, полученные в техникуме,— все это и помогло Бакрину, демобилизованному солдату, овладеть новшеством. Сам он местный, суздальский, родители — колхозники.

— После армии пошел было в шоферы, возил начальника, да не по мне та работа, я ведь в армии на боевой машине служил. Так что ушел от баранки на станцию. На опытную, меня это слово поманило...

Когда затеяли создать узел по переработке трав, то начали с расстановки сил и монтажа новых агрегатов. Одни косили, другие тележками доставляли резку с поля на ток. А новый ток монтировали чуть ли не ночами, сами. Бакрину помогали товарищи по техникуму — Алексей Михайлов и Николай Теплухин. Начало было положено еще в семьдесят третьем году. К июлю тогда управились. День и ночь с ребятами рядом был старый механик опытной станции Иван Алексеевич Федотов.

— Мы многое тогда ворочали руками. А готовили корма в две смены. По двенадцать человек в каждой... Теперь трое управляются. А всего у нас две установки, вот-вот третью запустим...

Первая линия состояла из агрегата витаминной муки и гранулятора. Сначала гранулы делали без добавок. Они получались жесткими, может быть, даже и малосъедобными. Куда лучше гранулы с добавками пшеницы или ячменя, овса или гороха! Такие гранулы стали лакомым кормом для коров и свиней, для молодняка.

В первый сезон Бакрин и его бригада приготовили триста восемнадцать тонн гранул. А через год — в десять раз больше! Скот на станции вздохнул с облегчением, кормов с тех пор здесь стало вдоволь. («Как-то будет в нынешнем году!» — сокрушается директор опытной.) Работы поначалу было много, пришлось в заводскую технологию вносить поправки: взяли универсальный кормораздатчик, к нему сделали привод, и сразу высвободились двое рабочих. Бывало, двое оттаскивали тяжелые мешки от гранулятора, но ребята вскоре приспособили транспортер, и он безостановочно отправляет гранулы в бункера для хранения. Приспособили где надо активную вентиляцию, механизировали охлаждение. Чтобы ввести добавки, поставили две мельницы, смонтировали бункер и дозатор. За сутки вначале выдавали до тринадцати тонн! А в 1975 году получили польскую сушилку — отличная вещь, и стали готовить по двадцать тонн. И заработки выросли до трехсот рублей. Обязательства брали всегда высокие, надеясь на травостой, конвейер и технику. И что же, выполняли планы на сто семьдесят — сто восемьдесят процентов. Конечно, хорошо бы в этом году выполнить план, то есть заготовить две тысячи тонн гранул. Нелегкая задача: травостой плох, в переработку пойдет все вплоть до мякины и отходов на механизированном току.

Год такой, уж так он складывается, что работа в поле и на лугах требует небывалого напряжения. И самоотверженности, и полной отдачи физических сил, и даже личного времени. Взять корм для скота надо весь, до стебелька, несмотря на редкую нынче скупость лугов, пастбищ, выпасов. Жаль, что далеко не во всех хозяйствах Владимирской области прониклись деятельной тревогой за судьбу заготовок сена, силоса, сенажа, травяной муки. Для некоторых, считай, июль упущен; хотя взять всю траву следовало бы именно потому, что хил нынче травостой. Хозяйствам области помогают горожане, они наезжают большими коллективами на луга, близкие к городам, но нередко случается так, что трудное дело на покосах с легкостью необыкновенной шефы меняют на час веселый пикника... Показательно другое: завидное упорство, с каким денно и нощно спешат натаскать травы те семьи — стар и млад,— которые держат коров, телок, овец, коз. Повсюду встречал я озабоченных женщин, старушек, парней, мальчишек, выкашивающих и выжинающих траву обочин, неудобий, ложков и косогоров. Траву, только что срезанную, скошенную, носят и возят на велосипедах, в колясках мотоциклов, иной раз и на грузовиках после работы. Понятно, продержаться, не свести личную корову на торг или на убой очень не просто. Но надо. Тем более, что такие же резервы — трава опушек, неудобий, оврагов есть и в каждом колхозе и в каждом совхозе...

День и ночь не останавливается зеленый конвейер за околицей белокаменного Суздаля. Под началом у нового бригадира Юрия Шерменева всего двадцать человек: и те, что косят, и те, что возят, и те, что «выпекают» гранулы. На каждом узле трое. За десять часов две установки выдают на-гора до сорока тонн гранул.

— Мы и каротин теперь пальцами чувствуем. Берешь в руки гранулы — и чувствуешь!— уверяет Владимир Бакрин, однако за содержанием каротина строго следит лаборатория.

...Зеленый воздух полдня струится и колеблется над полем, высвобожденным от груза люцерны. Теперь бы дать ему дождя да еще подкормить — глядишь, второй урожай будет не меньше! Но дождя все не было...

...А ночью он разбудил землю. Пролился первый дождь! И сразу подскочила относительная влажность воздуха: с тридцати шести процентов до семидесяти пяти; и забрезжила надежда на спасение трав. И хлеба. Может, обойдется? Каждая капля сейчас — добро в закром. От небушка многое еще зависит. Но уже не все. Нет, не все. Гудят пчелы, гудят моторы, день и ночь сыплются литые гранулы, сытно пахнущие свежеиспеченным хлебом. А хлеб этот для животных в самой дорогой цене.

Зеленая страда продолжается. Скоротечен зеленый час покоса...

Суздаль.

БОЛЬШАЯ АТОМНАЯ ЭНЕРГЕТИКА

Что такое «социалистическая экономическая интеграция в действии»? Вот недавний пример. В июне XXXIII сессия СЭВ приняла соглашение о кооперации в производстве оборудования для атомных электростанций. Можно сказать, что подобного соглашения в истории СЭВ еще не было. Около 50 промышленных объединений и предприятий восьми стран объединяют свои усилия для выпуска сложного оборудования. Среди них и наш «Атоммаш».

В заводских цехах уже идет работа, близок день рождения первого волгодонского реактора. Подобного предприятия нет в мире! А я вспоминаю первые шаги нашего сотрудничества в области атомной энергетики, электростанцию в Рейнсберге, недалеко от столицы ГДР,— первую АЭС, построенную в социалистической стране после Советского Союза. Провел на этой стройке три года, три месяца и три дня — с мая 1963-го по август 1966-го, работал главным инженером по монтажу и наладке реакторной установки. Много приобрел там друзей, с которыми и сейчас поддерживаю связь — всех даже не перечислишь. 200 заводов с той и другой стороны участвовали в сооружении станции. Ядерная энергетика делала тогда первые шаги. Дневали и ночевали в недостроенных цехах!

И вот 9 мая 1966 года — день пуска. В 12.00 прозвучала сирена, перед панелью щита управления перерезана красная лента, и сменный инженер нажал кнопку прибора, показывающего входящую мощность. Стрелка медленно поползла по циферблату. Через два часа станция вышла на проектную мощность. Потом состоялась пресс-конференция. Приехали корреспонденты из ФРГ, Швеции, Финляндии. Нас засыпали вопросами: надежна ли электростанция? Безопасна ли? Дорога ли? Не прогорите? Скептиков было много. Ответ им — первая в ГДР АЭС, которая работает и сейчас без единой аварии.

Рейнсберг... Я горжусь этой строчкой в своей биографии. Эта стройка стала пусть скромной, пусть небольшой, но убедительной «выставкой» возможностей нашего сотрудничества.

Мощность АЭС в Рейнсберге — по теперешним масштабам смешно сказать — 70 мегаватт. В 1978 году мощность всех атомных электростанций в странах — членах СЭВ составляла 2 865 000 киловатт. Рейнсберг и имени Б. Лейшнера в ГДР, Козлодуй в НРБ, Ясловские Богуницы в ЧССР — вот адреса действующих атомных, построенных при содействии СССР. Все работают с полной нагрузкой. Сейчас наша страна помогает строить первую АЭС в Венгрии, вторую в Чехословакии, третью в ГДР. Не так далек день, когда мирный атом даст электроэнергию на Кубе, в Польше и Румынии. К 1990 году в странах — членах СЭВ намечено построить АЭС общей мощностью около 37 миллионов киловатт. Вот она, большая атомная энергетика, о которой мы вместе мечтали в Рейнсберге. Теперь каждая из стран-участниц будет специализироваться на выпуске определенного оборудования для ядерных электростанций. Чехословакия, скажем, станет изготавливать реакторные установки, парогенераторы, главные циркулярные трубопроводы. Болгария — системы биологической защиты, арматуру, Венгрия — механизмы обслуживания реактора, оборудование спецводоочистки, Польша — компенсаторы объема, дизель-генераторы. Советский Союз будет выпускать основную продукцию атомного машиностроения — реакторы энергетические в комплекте, паровые турбины и большой ассортимент других видов приборов и аппаратуры для АЭС.

Есть у меня мечта. В монтаже самого маленького в ГДР реактора — в Рейнсберге — я участвовал. Надеюсь принять участие и в установке самого мощного. Я уверен — мечта сбудется!

Станислав ЕЛЕЦКИЙ,
главный инженер производственного объединения «Атоммаш»

Волгодонск,
Ростовская область.

ПОБЕДА ПАТРИОТОВ

Фото ТАСС

Час победы пробил! Длительная героическая борьба никарагуанского народа против кровавой диктатуры закончилась полной победой. Регулярные части Фронта национального освобождения имени Сандино (ФНОС) вступили в Манагуа. Временный президент Ф. Уркуйо, следуя примеру сбежавшего в США диктатора Сомосы, спешно покинул «бункер» и отбыл в Гватемалу. Солдаты и офицеры национальной гвардии в панике разбегаются и сдаются. А еще совсем недавно они изощрялись в жестокости по отношению к мирным жителям, патриотам, всем, кто проявил хоть какое-то сочувствие сандинистам.

Но ничто не помогло убийцам. Кровавая власть рухнула под напором восставшего народа. Никарагуа ликует. Страна встречает зарю свободы. Трудные и ответственные задачи стоят перед новым правительством страны: диктатор оставил после себя разрушенные города, развалённую экономику, разграбленные банки и магазины. В своем первом обращении «К героическому народу Никарагуа! Ко всем братским народам и демократическим правительствам мира!» Временное демократическое правительство горячо поздравило народ с долгожданной победой и призвало его мобилизовать все силы для возрождения страны.

Советские люди с пристальным вниманием следили за мужественной борьбой никарагуанского народа. В своем послании Временному демократическому правительству национального возрождения Никарагуа Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев горячо поздравил Временное демократическое правительство национального возрождения и героический никарагуанский народ с победой над силами внутренней реакции и империализма, увенчавшейся падением ненавистной диктатуры и установлением в стране власти патриотических, демократических сил. Он отметил, что Советский Союз выражает готовность нормализовать дипломатические отношения и развивать разносторонние связи с Никарагуа на благо народов обеих стран, в интересах укрепления всеобщего мира и международного сотрудничества.

Повстанцы в никарагуанской столице Манагуа.

Бойцы ФНОС конвоируют пленных гвардейцев Сомосы.

Малыш уже испытал ужасы войны.

Патриоты в захваченном ими у карателей бронетранспортере.

Группа бойцов ФНОС.

Сотни тысяч мирных жителей лишились крова.

Жертвы карателей Сомосы.

Людмила ЖИВКОВА, член Политбюро ЦК БКП, Председатель Комитета искусства и культуры Народной Республики Болгарии

ПРИГЛАШАЕМ НА АССАМБЛЕЮ ДЕТЕЙ!

15—25 августа в Софии под почетным патронажем Первого секретаря ЦК БКП, Председателя Государственного совета Народной Республики Болгарии Тодора Живкова и генерального директора ЮНЕСКО Амаду Махтара М'Боу будет проходить Международная ассамблея детей «Знамя мира». Накануне этого события специальный корреспондент «Огонька» Валентин Сидоров встретился с членом Политбюро ЦК БКП, Председателем Комитета искусства и культуры Народной Республики Болгарии ЛЮДМИЛОЙ ЖИВКОВОЙ, возглавляющей инициативный комитет ассамблеи.

«Мы, дети Болгарии, вместе с нашими любимыми учителями, писателями, художниками, музыкантами и композиторами решили предложить, чтобы наша страна летом 1979 года стала вашим и нашим общим домом. Мы приглашаем вас на Международную ассамблею детей, которую мы назвали «Знамя мира». Наша страна невелика, но ее сердце может вместить музыку всех детей, слова всех детей, все наши песни, все рисунки, стихи и танцы...

...Мы верим, что голубь, сделанный из листа школьной тетради, может улететь дальше космического корабля. Мы убеждены, что нарисованное нами солнце может озарить всю планету, как правда. Мы верим, что песня, словно улыбка, может облететь весь мир, может растопить лед равнодушия. Может быть, то, чего не могут и не знают взрослые, достижимо для нашего юного мира...

...Мы не хотим сеять ветры и пожинать бури. Мы хотим сеять песни, чтобы завтра пожинать гимны!»

Эти строки взяты из письма болгарских детей, обращенного к детям всего мира.

На гостеприимной болгарской земле соберутся творцы двухтысячного года — будущие художники, музыканты, писатели всей планеты. Десять дней в Софии и других городах Болгарии они будут встречаться друг с другом, писать стихи, петь песни, участвовать в веселых играх и карнавалах. На форуме будет царить дух бескорыстно-радостного знакомства и дружбы; никаких конкурсов, на которых идет борьба за призовые места, планом фестиваля не предусматривается.

На десять дней юным представителям искусства будут отданы газеты и журналы, радио и телевидение. Их произведения будут демонстрироваться в выставочных залах, исполняться на музыкальных концертах, звучать на литературных встречах! Будут изданы сборники и альбомы с произведениями участников ассамблеи.

Кульминацией международного форума явится открытие монумента колоколов. Из разных стран мира — Франции и Швеции, Индии и Непала, СССР и США — приходят в Софию отлитые национальными мастерами колокола самой разнообразной формы, расцветки, орнамента. Колокол — емкий и исключительно глубокий символ: это и напоминание о прошлом, и предупреждение, и призыв к пробуждению, и зов будущего. Памятник, под сводами которого будут сливаться в унисон голоса разных колоколов, должен служить олицетворением единства всех людей земли.

Послание болгарских детей нашло живой и горячий отклик в сердцах юных жителей нашей планеты. В штаб ассамблеи — Софийский дворец пионеров — со всех концов земли стекались рисунки, скульптуры, вышивки, рукописи стихов, нотные тетради. И, право, не имеет существенного значения, что порою хромает рифма или несовершенна техника рисунка: все это — дело поправимое. Но сколько в этих произведениях непосредственности, взволнованности, какая искренняя жажда выразить себя!.. Трогательна картина десятилетней девочки из Советского Союза: «Хороша страна Болгария...». Солнце, море, красочный берег. С особой тщательностью выписаны пальмы. Не беда, что в Болгарии не растут эти экзоти-

ческие деревья. Просто воображение маленькой художницы соединило с понятием Болгарии все то, что излучает радость и свет.

Индийские дети подарили международному форуму слоненка. Он будет доставлен на самолете в дни ассамблеи. Здесь его ждет торжественная встреча. Увенчанный гирляндами, он пройдет по улицам города...

Инициатива Болгарии получила широкий международный резонанс. Достаточно сказать, что в подготовительный комитет ассамблеи вошли такие известные деятели культуры, как писатель Джанни Родари (Италия), художник Святослав Рерих (Индия), писатель Артур Лундквист (Швеция), дирижер Герберт Караян (Австрия), писатель Яннис Рицос (Греция). Советский Союз представлен в комитете Дмитрием Кабалевским и Сергеем Михалковым.

Помощнику Генерального секретаря ООН д-ру Эстефании Алдаба-Лим принадлежат следующие слова: «Ассамблея, которая проводится в рамках Международного года ребенка,— это очень своеобразное, единственное в своем роде мероприятие».

— Товарищ Живкова, расскажите, пожалуйста, в чем вы видите задачу предстоящей встречи детей в Софии?

— Сущность ассамблеи непосредственно связана с эволюцией человечества и определяется необходимостью того, чтобы в развитии каждого ребенка постоянно и последовательно раскрывалась его творческая сущность, чтобы с раннего возраста внимание и сознание детей было обращено к прекрасному в жизни, а силы и энергия развития направлены к беспредельному миру совершенства. В рамках ассамблеи мы проведем культурные мероприятия национального и международного характера, связанные с изобразительным искусством, литературой, музыкой. Следуя своим потребностям творить по законам красоты и естественному стремлению к прекрасному, тысячи маленьких творцов из разных стран, со всех уголков нашей планеты встретятся в выставочных и концертных залах, на театральной сцене. Язык искусства даст им возможность поделиться своими мечтами, стремлениями, взглядами на настоящее и будущее. Разнообразные культурные мероприятия ассамблеи не разъединят детей и не замкнут их в узких рамках какой-то одной области. Ассамблея объединит вокруг основной цели и девиза «Знамя мира» все мероприятия и инициативы, сосредоточит творческие поиски детей планеты вокруг идеала мира, созидания и совершенства.

— А взрослые? В чем будет заключаться их участие?

— Болгарские ученые и деятели искусства, занимающиеся вопросами развития детского сознания, проблемами детского творчества, пригласили специалистов всего мира, работающих в этих областях, и тех, кто интересуется этими вопросами, принять участие в Международном симпозиуме на тему «Ребенок: творческое начало и эволюция». Симпозиум будет проходить одновременно с ассамблеей детей «Знамя мира». Параллельная работа этих мероприятий позволит ученым и специалистам всего мира собраться и обсудить исключительно актуальную проблему места и роли человека-творца в этом динамичном, развертывающемся эволюционном процессе.

— Хотелось бы узнать, как родилась идея провести такое крупное международное мероприятие?

— В нашей стране на современном этапе построения зрелого социалистического общества во всех сферах жизни развертываются масштабные процессы. Можно проследить, выделить и проанализировать основные, характерные тенденции, силы и направляющие идеи, которые уже завтра, с полным наступлением зрелости общества, станут основной базой, необходимой предпосылкой и условием для выдвижения новых, еще более масштабных целей и задач перед людьми и обществом. С каждым днем возрастает социальная роль культуры, сознание тысяч людей, активно приобщающихся к развертывающемуся и углубляющемуся культурному процессу, все глубже проникает в сущность этого понятия, этого феномена.

Стремление ко всеобъемлющим и всесторонним знаниям, к постижению и применению универсальных законов и закономерностей в жизни и развитии людей и человеческого общества, к созданию и утверждению условий естественного и целесообразного развития всех людей планеты — это широкие тенденции, не изолированные и не ограниченные рамками одной или отдельных наций. В них проявляется естественное общечеловеческое стремление к социальной справедливости, красоте, глубине и широте развития и существования.

Изменение условий, в которых протекает человеческая эволюция,— общественных, социальных, экономических и природных в их совокупности — раскрывает сущность преобразовательного культурного процесса, силу и энергию этого движения, направления, пути и формы их проявления. Этимология понятия «культура» уводит нас в глубокую древность, эру зарождения человеческой цивилизации. В ней отражается сущность извечного человеческого стремления к свету, потребность общения и слияния с самым чистым и вечным элементом существования, свойственная человеку. Огненное начало, которое пульсирует в каждом жизненном процессе и которое превращает человека в творца, может пробудиться и воспламениться лишь под воздействием и необходимостью культуры.

На современном историческом этапе культура все решительнее занимает главенствующее положение в развитии человечества, в том числе и болгарского народа. Поэтому тенденции эволюции — видимые или невидимые для нас — получают развитие во всех уголках земли, на всей планете, так как новые этапы эволюции все более будут связаны с коллективными усилиями всего человечества. Мы можем радоваться, что именно нынешним поколениям выпала большая, ответственная задача — на деле показать высокое предназначение человека, показать достоинство тех, кто борется за развитие и совершенствование всего человеческого общества, за формирование и развитие жизни и действительности по законам красоты.

Почему снова и снова мы говорим об этом? Потому что без этих условий, созданных в нашей стране, без возрастающей роли и влияния культуры и искусства в международном масштабе была бы невозможна реализация идеи об организации такого крупного мероприятия, связанного с творчеством, с будущим мира, идеи, которая мобилизует творческие силы нации и привлекает внимание международной общественности.

Не случайно дети являются символом будущего. От условий, заботы и внимания, которые уделяются развитию и формированию человека с момента его рождения, зависит, в каком направлении движения будут обращены его силы, как проявятся его способности, как продолжится его эволюция в последующие годы. Дети — это символ вечного начала в беспредельном спиралеобразном развитии общества. Дети — это надежда, это вера, дети — это будущее, во имя которого необходимо сознательно переживать каждый настоящий момент.

Под знаком Международного года ребенка все человечество, все сознательные и прогрессивные люди должны бороться за создание более благоприятных материальных и духовных условий, чтобы всем народам, каждому человеку была предоставлена возможность развиваться, творить, проявлять свою творческую индивидуальность. Разумеется, Год ребенка решит и очень много проблем, непосредственно связанных с нежным детским возрастом, но прежде всего он поставит на повестку дня вопросы изменения условий существования и развития детей, за что мы, их родители, несем самую большую ответственность.

— Мы знаем, что в Болгарии успешно реализуется комплексная культурная программа, рассчитанная на много лет вперед. Какова сущность этой программы?

— Болгарский народ может и должен гордиться тем, что сейчас, в условиях социализма, перед страной, перед всеми нами стоит масштабная задача разработки единой национальной программы эстетического воспитания. Цель ее — создание необходимых условий и предпосылок для развертывания творческого начала в каждом человеке во имя совершенствования его сознания и формирования его как всесторонне развитой и гармоничной личности. Несомненно, динамичное развитие исторических процессов, происходящих на нашей планете, вызовет необходимость еще более углубленной работы над проблемами потенциальных сил человека. Идея всестороннего и гармоничного развития, независимо от того, в какой форме она рассматривается — в форме эстетического воспитания или любой другой, все больше будет привлекать внимание и вызывать интерес не только отдельных специалистов и ученых, самых светлых и прогрессивных умов человечества, но и широкой общественности, будет ломать рамки и условности прошлого, искоренять предрассудки, объединять усилия, поиски и стремления ученых, деятелей культуры и отдельных людей, устремленных в будущее. Именно поэтому инициатива Народной Республики Болгарии организовать международную ассамблею детей «Знамя мира» и научный симпозиум «Ребенок: творческое начало и эволюция» была так высоко оценена широкой политической, культурной и научной общественностью мира.

Инициатива болгарских детей получила название «Знамя мира» потому, что сейчас самой актуальной проблемой, волнующей человечество, является вопрос о мире. Без решения этого вопроса невозможно дальнейшее развитие на нашей планете. Создание и утверждение в международном масштабе условий мирного сосуществования различных социально-общественных систем, создание условий для сотрудничества между странами, народами и культурами является необходимостью, продиктованной самим историческим этапом в развитии человечества. Люди во всех уголках земли призваны защищать общечеловеческую цивилизацию, формировавшуюся на протяжении тысячелетий. Эта актуальная необходимость современности, естественно, породила форму и название этого крупного международного мероприятия — ассамблея детей «Знамя мира». В названии ассамблеи как нельзя лучше отразилась эволюционная целесообразность развития и существования мира. Не случайна тождественность понятий «мир» и «вселенная». Без знания законов и закономерностей вселенной, без знания причинно-следственных связей, которые находятся в непрерывном развитии и движении в рамках единой вселенной, невозможна дальнейшая сознательная эволюция человека и природы. Вот почему понятие «мир» и понятие «вселенная» в той или иной мере становятся тождественными понятиям "творческое начало", «творческое действие», единственно через которые возможно существование вселенной и ее развитие. Сознательное постижение и овладение этим началом является подлинной гарантией развития и совершенствования человека. Подзаголовок ассамблеи «Пусть всегда будет солнце, пусть всегда будет мама» — это другая краткая, синтезированная формулировка, в которой заключается сущность единого эволюционного процесса, развертывающегося во вселенной, частью которой является наша маленькая планета. Пока существуют эти главные начала и пока стремления и усилия людей и человечества направлены на их изучение, овладение ими, выражением универсальных законов и закономерностей, управляющих вселенной и развитием жизни, будут оставаться вечно живые понятия «гармония», «красота», «совершенство».

Все мы — и инициаторы и организаторы этой ассамблеи — хотим объединить усилия и стремления вокруг этой великой цели и вместе с болгарскими детьми пожелать всем детям земли — будущему человечества — быть достойными этого вечно живого, горящего и пульсирующего творческого начала, неуклонно стремиться к чистоте вечного огня, который сжигает и уничтожает все старое и плохое, всегда созидать, творить и возрождать в каждое новое мгновение красоту будущего. Пусть они будут достойны Знамени мира, пусть всегда несут его в своих руках, свободно и устремленно идут к свету и будущему.

Т. Яблонская. Род. 1917. ЛЕН.

Выставка украинских художников «Навеки вместе», посвященная 325-летию воссоединения Украины с Россией.

В. Хитриков. Род. 1922. МЫ МИРНЫЕ ЛЮДИ.

Выставка украинских художников «Навеки вместе», посвященная 325-летию воссоединения Украины с Россией.

Иван СТАДНЮК

ВОЙНА

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА

Рисунки А. ЛУРЬЕ

Блиндаж содрогнулся от недалекого снарядного взрыва, да так, что скрипнули жердевые нары на козлах, и генерал Чумаков вырвался из удушливого плена тяжкого, урывочного сна. Сразу не мог понять, действительно ли с визгом колыхнулись под ним жерди, или снаряд взорвался там, во сне: ему прямо в лицо обжигающе дохнуло пламя, разверзшее громовым ударом башенную броню, за которой он сидел у орудийного прицела. И это снилось не впервые... Какой уже раз корчится его сердце в муках перед очевидностью неотвратной гибели. Он будто сидит в непослушной, прижатой к опушке темного леса «тридцатьчетверке» и видит, как широко раззявились на него орудийные стволы немецких танков. Все почти так и было в действительности, под Борисовом: во главе своего резервного танкового батальона он пятился к лесу, нанеся опустошительный удар по тылам танкового клина немцев; надеялся, что успеет уйти под прикрытие артиллерийской бригады полковника Москалева. Но немецкие танки перехватили батальон, и Федору Ксенофонтовичу ничего не оставалось, как принять неравный бой...

Да, он тогда скрежетал от отчаяния зубами, что должен погибнуть в самом начале сражения, обезглавив своей гибелью доверенную ему войсковую оперативную группу. Что может быть горше для боевого генерала?.. Все сложилось именно так, и Федор Ксенофонтович, погасив яростью и мстительным азартом сумятицу укоряющих мыслей, ринулся тогда навстречу смерти, посылая по скопищу немецких машин снаряд за снарядом. И судьба будто удовлетворилась страданиями, которые перенесло его сердце в эти мгновения, или словно вняла его кричащим мыслям. Немцы неожиданно начали отступать, а затем вышли из боя... И теперь в сновидениях воскресает пережитое, но почему-то уродливо, рождая суеверный ужас, от которого цепенеет тело.

Но не цепенеет, не гаснет его, Федора Ксенофонтовича, мысль об этом сверхчеловеческом напряжении и бушующем кровавом шторме. Она — эта воспаленная мысль — есть его верховный судья, повелитель и в то же время зеркало состояния души, в которое он нередко смотрится и видит такое, что хочется вопить. Когда под Борисовом смерть дохнула ему в лицо, то потом, размышляя над происшедшим, тешил себя надеждой, что она, хозяйка войны, хоть на время перестанет витать над ним. Однако, как оказалось, то была тщетная надежда. Вокруг делалось такое, что любой день, каждый час могли оказаться последними в жизни Федора Ксенофонтовича. А вчера, когда на командный пункт прорвались немецкие автоматчики, он уже сам приготовился было последнюю пулю пистолета разрядить себе в висок. Но пронесло. Надолго ли?

Нет, не страх перед возможной гибелью потрясал все естество генерала Чумакова и приводил в отчаяние, а холодящая ясность того, что силы Западного фронта иссякли и Смоленск обречен. Это значило, что автомагистраль Минск — Москва в ближайшее время станет главным направлением битвы; немцы с падением Смоленска устремят к Москве несметное количество мотомеханизированных войск под мощным прикрытием авиации. Сумеют ли их сдержать?

Федор Ксенофонтович, разумеется, знал, что Ставка подтягивает свежие армии, создает новые оборонительные рубежи. Жаль, что при встрече с маршалом Тимошенко не решился подробнее расспросить его, удовлетворившись сообщением наркома, что «идут резервы». Но не повторят ли свежие части Красной Армии судьбу соединений, которые в приграничных сражениях пусть нанесли немцам тяжкие потери, но сами в конечном счете потерпели поражение, и многие из них перестали существовать? Сумел ли Генеральный штаб, испытав — куда правду девать — унижение, извлечь какой-нибудь опыт из первых недель войны и использовать его в постановке задач войскам? Ведь срочно надо вносить поправки в боевой и полевой уставы Красной Армии, по-другому располагать войска в обороне и в наступлении, стремясь к тому, чтобы постоянно, с максимальной силой, использовались все их огневые средства, а сами бы они несли меньше потерь от снарядов и мин противника. Для Федора Ксенофонтовича, как, видимо, и для других зрелых командиров, стала совершенно очевидной неприемлемость ранее принятого поэшелонного построения в глубину боевых порядков подразделений и частей до дивизии включительно! При первой возможности он попробует обосновать это на бумаге. Война показала, что наши уставы пришли в несоответствие с современными способами ведения боя...

И надо, наконец, создавать возможности, чтобы действия штабов и войск, сражения в целом, пусть даже при превосходстве врага в силах, приобретали с нашей стороны все более четко выраженную разумность, как вот в эти последние дни подвижной обороны. Силу немцев и их искусство можно активнее гасить нашим военным искусством. Ведь обороняться легче, чем наступать. Нешаблонное мышление, находчивость каждого красного командира — тоже сила... Взять хотя бы его, генерала Чумакова: сколько он упражнял свой разум в оперативно-тактических приемах действий! А случилось так, что сейчас образовалась целая пропасть между тем, что он умеет, может и что делает. И не он один, в ком без должного применения дремлет многое из того, чего достигла за последние годы советская военная наука. А немцы, пока царствует на поле боя их хорошо используемая материальная сила, берут верх, хоть и несут невиданные потери. Управлять войной должен разум, оплодотворенный наукой. Право одной силы — преходящее право, ибо даже нравственная атмосфера в советских войсках — тоже сила, а источники ее все больше пробиваются к жизни.

Нынешняя война — это не только дуэль между двумя армиями, это строжайшая проверка социально-нравственной атмосферы двух разных миров. Это смертельная схватка между фашизмом и социализмом, и победит тот, кому принадлежит будущее, а по законам жизни оно принадлежит добру и справедливости.

Где добро и чувство доброты, там просветленность ума, ясность перспектив. В то же время Федор Ксенофонтович горячо разделял суждения своего покойного академического учителя профессора Романова, постоянно твердившего, что история человечества во многом есть история войн. Следовательно, горький военно-исторический опыт, веками накапливавшийся с неумолимой последовательностью, в конечном счете утончил и возвысил человеческую мысль о способах ведения войны до подлинного искусства. И хотя войны были и будут для человечества проклятием, все-таки истинному полководцу надлежит быть если не всегда талантливым (ибо талант — редкость), то обязательно всесторонне образованным и глубоко знающим высшие достижения военного искусства, понимая при этом, какими путями, какими победами и поражениями достигалась эта высота. Он, Федор Ксенофонтович, долго собирал и складывал в копилку памяти все то, что обогащало его профессиональные знания. И пусть сейчас эти знания были похожи на деньги, только частью купюр вошедшие в употребление, он верил: это временно, по причинам каких-то ошибок и трагически неудачно сложившихся обстоятельств. Скоро все должно измениться. Должен чисто зазвенеть благородный металл военного искусства в действиях Красной Армии. Будущее подтвердит эту его веру...

Да, но война неумолима: будущего у него, Чумакова, как и у тысяч других, может и не быть... Странная это для Федора Ксенофонтовича мысль. Она — от невозможности охватить почти чудовищную грандиозность всего ныне творящегося. Она же и от зыбкости мостков, связывающих его прошлое с сегодняшним. Готовил себя к делам полководческим, а приходится выполнять роль в общем-то командира средней величины, и выполнять порой не лучшим образом.

Удрученное настроение духа иногда почти затмевало прежнюю, совсем недавнюю жизнь. Вспоминал о ней как о далекой и чужой, видел себя в ней как другого человека. Будто взглядом со стороны, даже с некоторым безразличием всматривался в клочковатую, пусть пронизанную солнцем хмарь прошлого. Каждое его тогдашнее дело, каждая забота воспринимались как самое главное и необходимое в жизни. А сейчас виделась мелкость и непрочность многого. Были ведь потоки трескучего суесловия вместо служебной ретивости, было поклонение преходящим лозунгам, приверженность к формам деятельности, которые с пылающих вершин сегодняшнего дня кажутся наивными. Да, всякое было. И ему, генералу Чумакову, в сумеречности нынешнего настроения многое вспоминается, может, не таким, каким оно было, и видится не таким, каким бы стал творить его сам, если б свершилось чудо и он вернулся во вчерашний день. Но случись даже чудо, ничего бы, наверное, что связано с рождением нового человека, с воспитанием воина, не придумал нового. Раньше тоже верил, что советский воин при защите Родины проявит высокую стойкость и верность. Но что именно так: в полный рост идти с гранатой на танк... вставать в атаку с песней, понимая, что это, может быть, последние шаги по земле... драться до последнего патрона в самом безвыходном положении... Да, все-таки прошлое было подлинно великим, если оно родило столь великого человека, наделенного неистребимым общественным инстинктом нового содержания.

Нет ничего легче бранчливо судить о прошлом, ибо налицо все его сильные и слабые стороны, все порушенное и созданное им. А каждый новый прожитый год — очередная ступень, с которой прошлое видится все в более главном. Но точно ли видится? Не бывает ли внушенного обмана зрения? Историю делают люди, значит, они и судят ее. Творя сегодняшний день, они ревниво оглядываются в прошлое, стараясь внести что-то свое, новое, важное, заметное. А их деятельность, направляемые ими политика и экономика, культура и общественная жизнь зависят от многого — от их знания, опыта, глубины ума и темперамента, от чувства времени и чувства истории вообще, от логичности отвержения одних законов и приятия других, от

Продолжение. См. «Огонек» №№ 29, 30.

наличия или отсутствия честолюбия, от множества непредвиденных обстоятельств, связанных и с тем, кто и как плодотворно вершит государственные и политические дела... Нет, имей ты хоть семь пядей во лбу, не так легко тебе будет даже с высоты времени верно осмыслить и оценить ушедшую эпоху. Отсюда многие мнимости прошлого выдаются за реальность, особенно если они удобно укладываются в рамки потребностей сегодняшнего и грядущего дней и что-то оправдывают и утверждают в них.

Значит, не надо торопиться выносить приговор отшумевшей жизни, рано еще судить, так ли готовила себя Красная Армия в предвидении войны, и все ли, например, он, генерал Чумаков, сделал перед войной, чтобы в сегодняшних боях торжествовал его разум. Сделал многое, но и многого не сделал. Однако в этом он не виноват. Виноваты все... Но тогда, по законам истины, никто не виноват? Так ли это?.. Пусть история потом скажет свое слово.

Гроздья мыслей — мимолетных, чуть прикоснувшихся к сердцу или наваливавшихся глыбой — вплетались в пеструю ленту тревог и надежд, болей и сомнений, уносили Федора Ксенофонтовича в прошлое и вновь возвращали в сегодняшний день... Подумалось и о том, что ведь существует какая-то таинственная связь между государством и отдельной личностью, между деятельностью правительства и усилиями одного человека. Не в этом ли значение и сила государства?

Эх, проснутся бы да испытать радость, что вся его боль есть дурные сновидения. Но нет: в углу блиндажа зашевелился телефонист и послышался сдавленный голосок:

— Я — «Орех»!.. Ей-богу, не сплю!..

Федор Ксенофонтович, будто освободившись от сковывавших тело обручей, повернулся на озябшую спину, даже не сдвинув сползшую на расстегнутом ремне кобуру с пистолетом и больно вмявшуюся в бок. Где-то недалеко обвально разорвался снаряд. Спиной ощутил, как вздрогнула земля, и ждал, что сейчас посыплются в лицо крошки, но вспомнил, что связисты распяли вчера на потолке блиндажа немецкую топографическую карту. После взрыва наступила окаменевшая тишина, столь непривычная для этих июльских фронтовых ночей, что в груди родилась тревога. Федор Ксенофонтович начал дремать, стараясь ни о чем не думать. Но мысли непостижимым образом вспыхивали в глубине мозга, будто крохотные искры, и вскоре разгорались, продолжая жечь его сердце. Вот он вдруг подумал о себе как о затерявшемся маленьком и беспомощном человечке; будто взглянул с высоты поднебесья на изломанную, исполосованную землю. Там, где-то далеко внизу, за пеленой дымки, среди изрытых окопами буераков и кустарников, между блиндажами и просто кротовыми норами, выдолбленными в крутостях оврагов, замаскирован блиндаж, в котором прикорнул на зыбких нарах генерал-майор Чумаков. Спит — не спит, а казнится, копается в своих мыслях, как жук в песке, страдает, будто он один и ответствен за все, что происходит на белом свете. Тьфу!..

Федор Ксенофонтович резко поднялся с нар и неожиданно для самого себя зло выматерился, позабыв, что в блиндаже телефонист.

— Что за ерундовина?! — с досадой спросил сам у себя.— Страдаю, как гимназистка. Хватит!

— Виноват, товарищ генерал! — испуганно вскочил в углу блиндажа боец с прибинтованной к уху телефонной трубкой. Он был чуть различим в отсветах пожара, падающих в блиндаж сквозь входной проем.— На секунду задремал!

— Ладно,— бросил ему Чумаков, опомнившись.

Привычно переобувал на ощупь сапоги и уже утешал себя тем, что не так уж плохи их дела, если вчера артиллеристы во главе с Рукатовым и Быхановым кинжальным ударом из засады расчерепашили больше двух десятков немецких танков. Правда, и сами подставились под прямой удар, понесли потери, однако наступление врага со стороны Красного затормозили. Надолго ли? Конечно же, не позже чем сегодня воды Лосьвинки окрасятся кровью... Подоспело бы горючее, обещанное маршалом Тимошенко... А Рукатов и Быханов молодцы! Надо будет Рукатова восстановить в прежнем звании, а Быханова к ордену представить, да не та обстановка.

Федор Ксенофонтович вышел из блиндажа в теплую полутьму, пахнущую смолой хвои. Выбрался из траншеи и оглянулся вокруг. Далеко впереди и слева полыхал большой пожар. Облачное небо румянилось от него, как от зарницы. В отсветах пожара полосатилась в медленных волнах багрово-белесая рожь, подступая к изрезанной оврагами возвышенности — командно-наблюдательному пункту генерала Чумакова.

— Товарищ генерал, попейте чаю,— услышал сзади себя тихий и какой-то ладный голос ординарца Саши Косова.— Только заварил.

Федор Ксенофонтович одобрительно посмотрел в смущающиеся глаза, в темное от загара юное лицо бойца и взял у него дымящуюся кружку.

Косов — проворный и расторопный малый, как и полагается быть ординарцу,— перешел к Чумакову по наследству от раненого генерала Ташутина. Понравился он Федору Ксенофонтовичу тем, что старался быть полезным не только ему одному, а и полковнику Карпухину и полковому комиссару Жилову. Они охотно принимали заботы Косова — посылали его на кухню, заказывали чай, поручали при переездах укладывать в машинах свое нехитрое имущество.

Отхлебывая чуть душистый, заваренный в котелке чай, Федор Ксенофонтович увидел торопливо приближающегося полковника Карпухина. Полы его плащ-палатки, накинутой на плечи, уже были мокры от росы.

— Вы что, Степан Степанович, с утра за девчатами по кустам бегаете? — усмешливо спросил генерал.

— Спускался на узел связи,— недовольно ответил Карпухин, кивнув в сторону оврага и потирая рукой небритую щеку.— Телефон в вашем блиндаже не отвечает. Если телефонист спит, сейчас отдам под суд!

— Да нет, я, кажется, задел ногой провод и выдернул конец из клеммы,— спокойно соврал Федор Ксенофонтович и окликнул стоящего рядом ординарца: — Саша, полковнику чаю! И скажи телефонисту, что шкуру спущу, если будет спать!

Взяв у Косова обжигающую пальцы кружку, Карпухин укоризненно взглянул на генерала и заговорил о другом:

— Федор Ксенофонтович, у меня такое впечатление, что полковник Гулыга умом тронулся.

— Что случилось?! — встревоженно спросил Чумаков, угадывая за всегда точными словами начальника штаба что-то чрезвычайное.

— Вам он не дозвонился, а мне наплел такой чепухи, что повторять неловко.— Карпухин вдруг как-то болезненно засмеялся и продолжил: — Или, может, так шифровал разговор на случай, если немцы включились в линию?

— Что же он нашифровал?

— Пленного везет сюда Рукатов. Большой чин. Называет себя вашим родственником.

— Кто называет?!

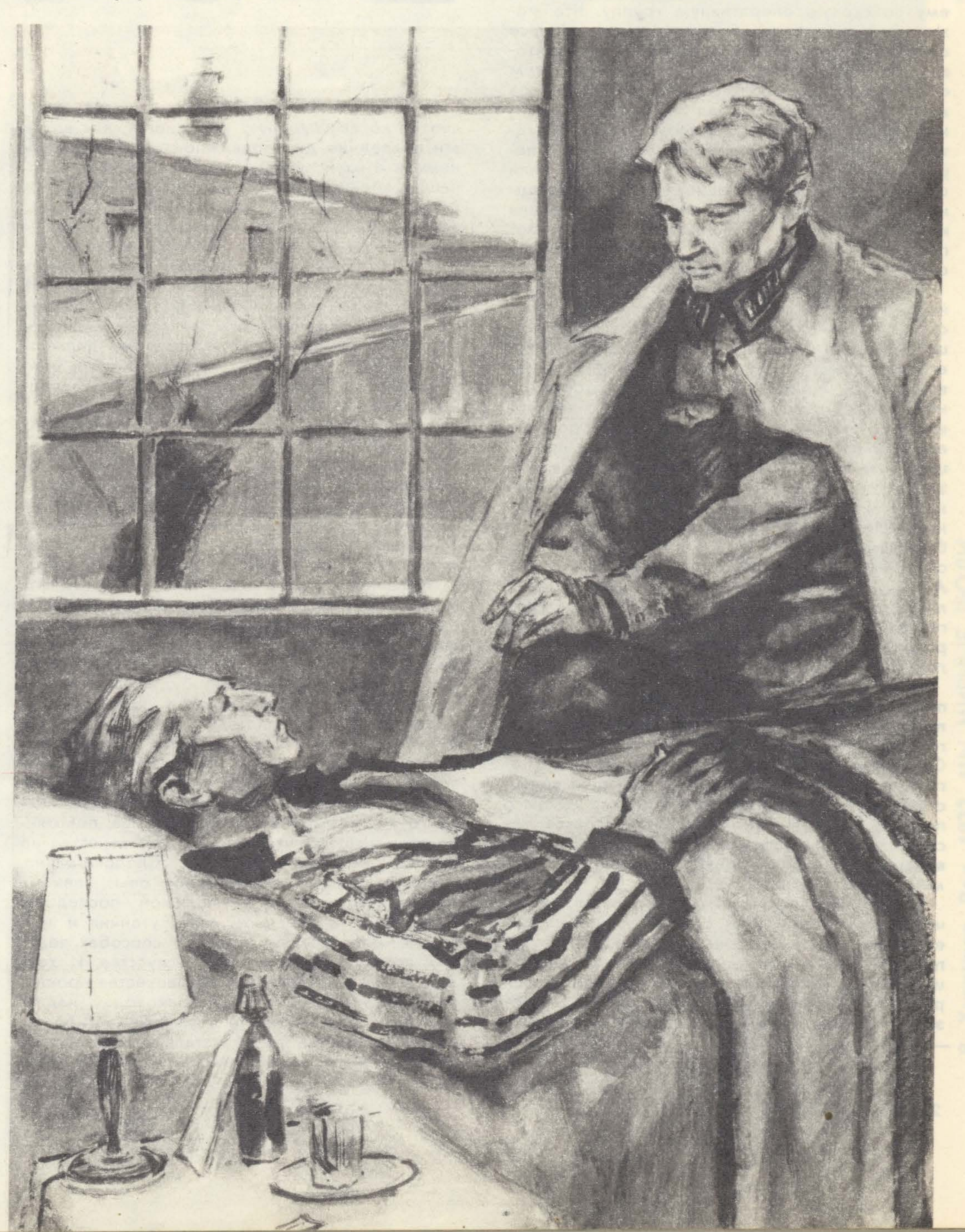
— Пленный немец.

— Немец — мой родственник?!

— И я говорю, что Гулыга очень устал и несет ахинею.

— Позвольте, а что Гулыга вам передал? — Удивлению Федора Ксенофонтовича не было предела.

— Пленный, как я понял, полковник. Откуда-то знает, что здесь командует генерал Чумаков, и просит доложить вам, что он Курт... кажется, Шернер.— Карпухин на мгновение задумался, а в это время к ним стремительно подошел чем-то расстроенный полковой комиссар Жилов.— Да, Курт Шернер! — повто-

рил Карпухин.— Гулыга докладывает, что этот Курт якобы утверждает, будто он является вашим, Федор Ксенофонтович, кровным братом.

— Этого еще нам не хватало! — с угрюмой усмешкой воскликнул Жилов, а затем сделал неожиданный для всех вывод: — Небось, опасается их фашистское свинородие, что по дороге в штаб ему красноармейцы сделают свинцовую примочку. Вот и прет околесицу: «Не расстреливайте, мол, я родня вашему генералу!»

— Курт Шернер...— будто про себя задумчиво повторил Федор Ксенофонтович.

— Дела есть поважнее! Неотложные! — Жилов оглянулся в сторону дороги, прятавшейся за кустами на дне оврага.— Горючее прибыло!

— Слава богу! — обрадованно воскликнул генерал Чумаков.

— Да, но нас ограбили! — опять перебил его Жилов.— Какой-то бандюга-майор у переправы за Днепром с группой красноармейцев под угрозой оружия завернул к себе в лес автоцистерну с дизельным топливом и бензозаправщик.

— Силой забрал?! — подавленно переспросил генерал Чумаков, а затем, сдерживая негодование, приказал: — Надо немедленно вернуть горючее, а этого мерзавца расстрелять!

— Даете мне такие полномочия? — Жилов, кипя злостью на незнакомого самоуправца, уже был готов действовать.— Прибывшие шоферы сказали, где надо искать этого майора.

— Ищите! Возьмите с собой людей.

Чумаков задумчиво смотрел вслед полковому комиссару Жилову, торопливо скользившему по травянистому, покрытому росой склону к дороге. Затем приказал Карпухину уточнить количество привезенного горючего и немедленно начать заправку, в первую очередь танков и артиллерийских тягачей, а сам вновь вернулся мыслью к захваченному в плен немецкому офицеру.

«Курт Шернер... Шернер...» — мысленно повторял Федор Ксенофонтович, чувствуя, что вот-вот вспомнит, где и когда слышал он эту фамилию.

В памяти всплыло село близ Большого Токмака на юге Украины. Там еще до революции, мальчишкой три года батрачил он у немецких колонистов... Нет, среди них не было Шернеров. А фамилия, несомненно, что-то ему напоминала. Курт Шернер... Кто же он? Где встречал его?..

Федор Ксенофонтович начал вспоминать, когда и с кем в последние годы приходилось ему разговаривать по-немецки, и вдруг словно молния осветила забытый уголок памяти...

Был сентябрь 1935 года. В районе городов Бердичев, Сквира, Киев шли большие маневры. На них присутствовало высшее руководство Красной Армии, представители военных округов. За действиями советских войск наблюдали и иностранные гости — военные делегации Франции, Италии и Чехословакии.

На маневрах выявлялись возможности взаимодействия механизированных и кавалерийских корпусов при столкновении с крупными подвижными войсками «противника», а также боевые возможности механизированных соединений при их действиях на флангах армии и в глубине обороны «противника». Сложные задачи решала авиация, в том числе выброску авиадесанта в составе целого парашютного полка,— таких масштабов еще не видела мировая практика. Полк имел задачу нанести удары по тылам и резервам «противника».

Во время десантирования батальонов на огромное поле близ Борисполя, что восточнее Киева, случилась беда с одним из членов делегации чехословацкой армии. Все иностранные гости вместе с представителями высшего командования Красной Армии стояли на дощатых настилах вышек, сооруженных у края поля близ дороги, и наблюдали, как из плывшей по небу армады самолетов вываливались черные точки, над которыми затем вспыхивали белые купола парашютов. Сотни десантников с оружием приземлялись на поле, иные прямо перед наблюдательными вышками.

Одного красноармейца порывом ветра бросило на вышку. Он не сумел натянуть стропы, чтобы уйти в сторону, и, залетев на настил, ударил сапогами в бок чешского полковника, прильнувшего в это время глазами к стереотрубе...

Полковник получил серьезные повреждения кости правой ноги с открытым переломом. Когда его после первой помощи укладывали в санитарную машину, чтобы везти в госпиталь, начальник Генерального штаба чехословацкой армии генерал Крейчи, возглавлявший делегацию, высказал пожелание, чтобы при его полковнике был переводчик. Но свободного переводчика, знавшего чешский язык, рядом не нашлось. Тогда чех-полковник обмолвился, что его устраивает переводчик, знающий немецкий.

В группе посредников оказался полковник Чумаков Федор Ксенофонтович, сносно владевший немецким. Его опеке и поручили чешского полковника — немца из Судетской области Курта Шернера...

В госпитале, во время операции, у раненого наступил травматический шок. Потребовалось немедленное переливание крови, а нужной группы под рукой не было. И Федор Ксенофонтович предложил чешскому коллеге свою кровь, оказавшуюся, к счастью, совместимой.

Сейчас все вспомнилось Федору Ксенофонтовичу до мельчайших подробностей. Действительно, когда полковник Шернер пришел после операции в себя, он со слезами благодарности называл Чумакова: «Мой кровный брат Фиодор...»

Федору Ксенофонтовичу пришлось пробыть в Киевском гарнизонном госпитале при Курте Шернере несколько дней, пока ему на подмену не прислали капитана, говорящего по-чешски. До приезда переводчика они объяснялись с Шернером на немецком. Разговаривать же им было интересно: одногодки (обоим тогда исполнилось по тридцать девять лет), оба полковники с высшим военным образованием, а в мире нарастала тревога, рождавшая много вопросов.

Когда Курт Шернер узнал, что Федор Ксенофонтович выходец из Украины, а немецкий знает потому, что в детстве был пастухом у богатых немцев-колонистов, он проникся к нему особым интересом. Даже доверительно спросил, не чувствует ли себя офицер-украинец в Красной Армии туземцем, пасынком, не обходят ли его чинами, должностями, наградами. Нелепость вопросов так развеселила Федора Ксенофонтовича, что он шутки ради ответил:

«Всякое бывает. Видели на маневрах среди начальства такого высокого, как каланча? Тимошенко его фамилия. Только на год старше меня, а уже командарм — четыре ромба носит. А я все в полковниках!» Чумаков полагал, что чешский офицер знает об украинском происхождении Тимошенко.

Но Шернеру важно было продолжить этот разговор, и он, даже разобравшись потом в шутке Чумакова, стал жаловаться на свое непрочное положение судетского немца в чешской армии; будто в оправдание сообщил, что в Чехословакии поэтому и существует судетонемецкая партия со своим фюрером, ее создателем, Конрадом Генлейном, и что, с точки зрения его, Курта Шернера, Генлейн и Гитлер близки в своих взглядах на будущее Европы.

«Но ведь Гитлер, кажется, к этому будущему надеется прийти через войну, через порабощение целых народов!» — Федор Ксенофонтович стал подозревать о принадлежности чешского полковника к генлейновской партии.

«А вы разве исключаете войну как рычаг прогресса человечества?» — удивился Шернер.

«Конечно! Разрушение не может быть основой созидания, как смерть не является залогом жизни. Следовательно, война человечеству не нужна!»

«Тогда почему вы избрали себе профессию военного? Зачем Советскому Союзу мощная армия?»

Федор Ксенофонтович понимал, что наивность Шернера притворна, но все же сказал:

«Если б мы постоянно не укрепляли свою армию, мы бы обрекли себя на исчезновение. А что касается мысли о войне как рычаге прогресса, то это продукт главным образом немецкой философии восемнадцатого — девятнадцатого веков. Вы не хуже меня знаете Гегеля, Канта, Фихте, Шеллинга...»

«Верно,— согласился с некоторым удивлением Шернер.— Но вы же не отрицаете их вклада в развитие человеческой мысли?»

«Не отрицаем. В то же время мы помним, что на развитие человеческой мысли влияют и заблуждения мыслителей».

«Но ведь вы не скажете, что Гегель заблуждается, рассматривая историю как «прогресс духа в сознании свободы», приписывая этот прогресс отдельным народам, сменяющим друг друга по мере выполнения своей миссии?..»

«А вы полагаете, как я понял, что вновь пришла пора начать выполнять свою миссию немецкой нации?» — Федор Ксенофонтович, боясь обидеть собеседника, придал своему голосу шутливый тон.

«Если вы под «миссией» подразумеваете войну, то я не смею говорить утвердительно».— Слова Шернера прозвучали фальшиво.

«Я имею в виду суждения Гегеля о том, что война якобы сохраняет нравственное здоровье народов, предохраняет человеческое общество от гниения, подобно как движение ветров не дает загнивать озеру?»

«А вы не судите о великой философии Гегеля, глядя на нее сквозь чужие и притом слабые очки! — обидчиво воскликнул Шернер.— Вы почитайте его в оригинале, и вам ничего не останется другого, как согласиться и даже изумиться, что война и сопровождающие ее бедствия действительно развивают нравственные силы. Если бы не было войн, то такие качества человека, достойные восхваления, как храбрость, терпение, твердость, самоотвержение, презрение к смерти,— все это исчезло бы с лица земли!»

«Вы забыли начать с того, что мир, как состояние общества,— едко заметил Чумаков,— ведет к роскоши, роскошь развивает чувственность, а чувственность рождает изнеженность и эгоизм».

«Верно! — Шернер не уловил иронии Чумакова.— Народ со своей цивилизацией может дойти до такого распада, разврата, что только крайняя опасность государству в состоянии пробудить его силы! Гегель это доказывает всем строем своих неоспоримых мыслей, всеми средствами логики!»

«Тут вы не совсем точны.— Чумаков снисходительно засмеялся.— Я вам пересказал суждения, правда, подражающие Гегелю, Фридриха Ансильона, одного из прусских министров, последователей в международной политике Меттерниха. Впрочем, в нашем споре князь Меттерних ни при чем».

«Да, Меттерних был врагом России... Но вы читали Жана Пьера Фредерика Ансильона?!» — Шернер был, кажется, не столько изумлен, сколько уязвлен, ибо осведомленность русского офицера в тех проблемах, которые занимали умы философов и дипломатов прошлого века, не вязалась с его, Шернера, представлением о русских вообще.

«Нет, для чтения доктринерства Ансильона не стоит тратить времени,— ответил Чумаков.— Я почитывал идеалиста Пьера Прудона, который, размышляя над мудрствованиями Ансильона, все-таки доказывал, что человечеству не нужна война».

«Вы согласны с Прудоном?»

«Мы, большевики, согласны с Марксом, который утверждает, что война выносит окончательный приговор социальным учреждениям, которые утратили свою жизнеспособность».

«Значит, большевики не отрицают войны?!» — Курт Шернер обрадовался, будто загнал своего соперника в угол.

«Конечно, не отрицают,— согласился Чумаков.— Но мы, не отрицая справедливой войны, предпочитали бы, чтобы государства разрешали конфликты не на поле брани, а за круглыми столами мирных переговоров. А если уж соперничать, то соперничать в мудрости и дальновидности правительств и в прогрессе, процветании народов».

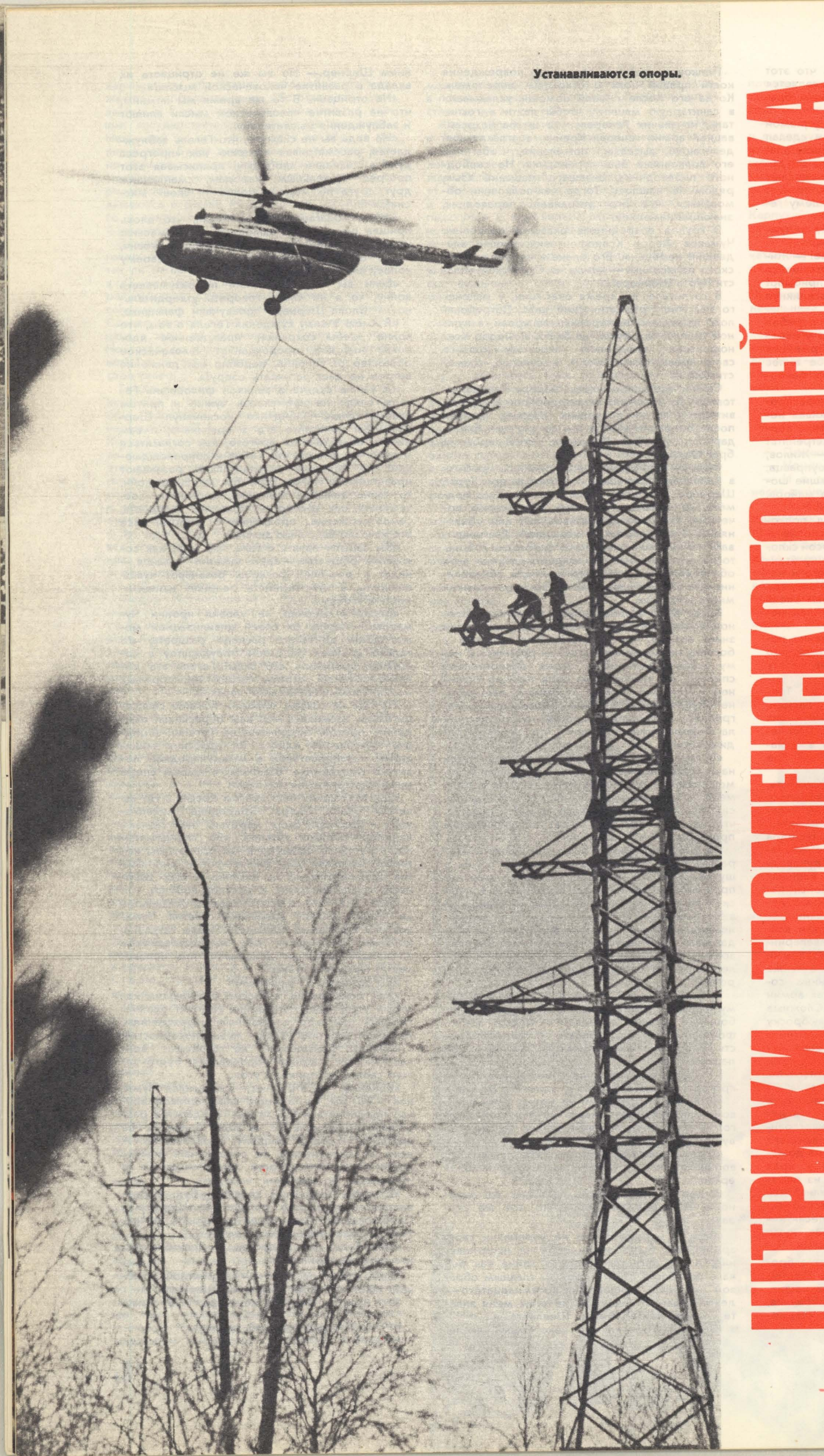
«Фиодор, брат мой кровный, будьте реалистом! — с досадой воскликнул Шернер.— Приближается час, когда мудрость правительств будет выражаться в войне».

«Это будет не мудрость, а безумие тех, кто развяжет войну».

«Время нас рассудит»,— с приятной улыбкой закончил спор полковник Шернер.

Это было в Киеве в сентябре 1935 года...

Продолжение следует.

Устанавливаются опоры.

ШТРИХИ ТЮМЕНСКОГО ПЕЙЗАЖА

Юрий КОЗЛОВ,
фото Г. КОПОСОВА
специальные корреспонденты «Огонька»

Мне хорошо знаком силуэт Тюменской области, не единожды виденный на картах и стендах почти в каждой организации, имеющей отношение к освоению природных богатств Сибири,— у нефтяников, газовиков, строителей железнодорожной магистрали. Трест «Запсибэлектросетьстрой» не исключение. Там карта вырезана на черной, покрытой лаком деревянной панели. Города, озера, дороги, реки... Не карта — художественная резьба! Я долго пытался определить, что же все-таки напоминает эта область своими очертаниями, пока, наконец, не нашел — ладонь! Поделился наблюдением с управляющим трестом Игорем Алексеевичем Киртбая.

— Возможно, и ладонь,— согласился он и на мгновение задумался,— но тогда наши линии электропередачи — линии жизни на этой ладони. Во всяком случае, будущее области по ним смело можно предсказывать...

Линии жизни... Да, именно такие ассоциации вызывают ЛЭПы сверху, когда пролетаешь над ними на вертолете. Среди пустынных снежных равнин, мелколесья прямая, как копье, просека. Вдоль просеки серебристые стежки опор и натянутых проводов. Когда светит солнце, зайчики весело бегут по проводам, а опоры напоминают добрых великанов, которые дружно взялись за руки, чтобы передать далеко на север электричество...

— Как формулируется одна из основных задач нашего треста?— сказал И. А. Киртбая.— Опережающее строительство линий электропередач и подстанций для развивающейся нефтяной и газовой промышленности. Вдумайтесь в слово «опережающее»... Выходит, наши люди в некотором смысле первопроходцы.

О людях из «Запсибэлектросетьстроя» и пойдет речь...

Мне посчастливилось увидеть, как поднимаются в небо металлические опоры ЛЭП на строительстве магистрали Сургутская ГРЭС — Холмогоры. Устанавливала опоры бригада электролинейщиков Рифа Муратшина — одна из лучших в «Запсибэлектросетьстрое».

СУРГУТ — ХОЛМОГОРЫ

Высокая, сверкающая на солнце опора лежала тогда, словно поверженный рыцарь в доспехах. С трудом верилось, что небольшой оранжевый трактор сумеет сдвинуть ее с места: от опоры к трактору тянулись металлические тросы. Но вот трактор дернулся, тросы натянулись, опора чуть приподнялась над землей — все за-

мерли. Только стук мотора был слышен да ветра свист. По неожиданной тишине, по напряженным обветренным лицам, по папиросам, выкуривающимся в две-три затяжки, чувствовалось, что настал момент, венчающий усилия всей бригады.

Пошел трактор...

Словно ожив, металлическая башня подняла голову, осмотрелась. Рывок! Еще рывок! И вот уже прямо в синее небо плывет вершина опоры, а «ноги» крепко становятся на сваи. Опора замирает и навеки становится частью северного тюменского пейзажа.

Итак, высоковольтная линия Сургутская ГРЭС — Холмогоры сделала еще один трехсотметровый (таково, как правило, расстояние между опорами) шаг на север. Бригада собирает инструмент, готовит к передвижению технику. Идем с бригадиром Рифом Муратшиным в бытовку. Там паяльная лампа подогревает большую кастрюлю с бригадным обедом.

У Рифа богатейший опыт строителя. В Тюменскую область приехал из Башкирии десять лет назад. В Уфе был бригадиром монтажников. Монтировал заводы в Тольятти, Череповце, Нижнем Тагиле. Еще раньше учился в Москве: окончил четыре курса инженерно-строительного института.

— Спрашиваете, почему так много ездил? Не только из-за заработка. Дело себе искал!— Риф смотрит на меня.— Да, профессия была — и неплохая профессия,— а вот настоящего д е л а, такого, чтобы не только руки, но и душа в нем участвовала, не было...

Рифу тридцать шесть лет. Ладная, стройная фигура. Он, что называется, мужчина в расцвете сил. Усы и коричневое от мороза и солнца лицо придают ему вид несколько экзотический. Эдакий капитан дальнего плавания...

— Не думал, что надолго останусь в Тюмени,— продолжает Риф,— просто мне повезло. Сразу попал под начало к Игорю Киртбая. Он тогда был главным инженером мехколонны. Чем же сразу расположил? Качествами, которые, к сожалению, не всегда встретишь у нынешнего руководителя,— инициативностью, готовностью идти на разумный риск, настойчивостью в достижении цели. Киртбая, кроме того, хороший воспитатель. Проявлять смекалку, думать о завтрашнем дне, решать задачи кратчайшим путем — постепенно это становилось нормой жизни коллектива. Инертным, пассивным работникам, привыкшим действовать с оглядкой «как бы чего не вышло», работать было трудновато... Думаю, уже тогда начал складываться костяк будущего треста «Запсибэлектросетьстрой». В нашей бригаде, например, половина людей уже лет восемь вместе работают. Росли, можно сказать, с трестом. С двадцатью видами опор дело имели. Как только их не монтировали! С помощью кранов, вертолетов... На Локосовском месторождении ставили плавающие опоры на понтонах. Любое, самое сложное инженерное решение нам сейчас подавай — опробуем! Потому что самим интересно... Но все это, естественно, пришло не сразу...

...Воздух над паяльной лампой как будто плавится. Кажется, тонкая, невидимая занавеска дрожит над входом в бытовку. Сквозь «занавеску» в небе видна маленькая черная запятая, к ней прикреплено подобие хрупкой этажерки. Вскоре выясняется, что это вертолет несет на трассу секцию очередной опоры. Километрах в двадцати от Сургута трестовский полигон. Оттуда вертолеты разносят секции опор по всей трассе.

— Недавно за день,— сказал Риф, провожая взглядом вертолет,— одиннадцать опор поставили... А были времена, за месяц столько не ставили... Почти без простоев сейчас работаем. Что значит простой в наших условиях, скажем, зимой, когда согреться негде? Это не на юге под солнышком лежать... Одной работой греемся. Как снабжение обеспечено, как участки работы подготовлены, сколько запчастей дают к технике — по этим показателям люди измеряют отношение к с е б е. Если они в трудных условиях все от себя зависящее делают, то, естественно, и от других того же требуют! И это закономерно... Мы зимой в поселке нефтяников на Восточно-Моховом месторождении жили. Так вот, помню, едем на трассу, по радио сводку погоды на ближайшую неделю передают — мороз обещают. Верите ли, обрадовались ребята, что весна запаздывает. Раз мороз, значит, успеем линию до Холмогор довести. Растает снег, болото будет. Встанет на болоте техника. А нам до Холмогор шестьдесят одну опору тогда оставалось поставить. И не в том дело, что торопились бригадный наряд закрыть, нет! Здесь другое... Г р а ж д а н с к а я заинтересованность в результатах своего труда. Простые рабочие мыслят категориями и интересами большого треста, а значит, в какой-то степени и государства!

Риф замолчал, а я подумал, что ведь именно об этом говорилось в недавнем постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы»: «Советский человек должен ясно сознавать общественную значимость своего личного участия в выполнении народнохозяйственных планов, ускорении научно-технического прогресса...»

С УЧАСТИЕМ ПСИХОЛОГОВ

Вспомнил прежние посещения «Запсибэлектросетьстроя»...

Как обычно, огромное количество текущих задач стояло тогда перед трестом, а управляющий Игорь Киртбая тратил время на разработку новой системы управления. Заключаются договоры с учеными из Института... психологии Академии педагогических наук СССР, проводится анкетирование, на участках и в самом тресте идут социологические исследования. Во втором корпусе строится диспетчерская нового типа...

— Чем вызвана необходимость иной системы управления?— объяснял тогда Киртбая.— Масштабностью целей, задач, стоящих перед трестом. Создание топливно-энергетического территориального комплекса — как величественно звучит! И нам здесь отведена не последняя роль. За четыре года трест вырос почти в четыре раза, и это только начало! Бытует мнение: растут объемы работ — растут потери. Нет! Потери растут, когда система управления устаревает, когда она не поспевает за новыми методами производства. Растут масштабы деятельности предприятия — должна к а ч е с т в е н н о расти и система управления. Мы проводили специальные исследования. Брали, допустим, бригаду, занятую забивкой свай. Когда бригада была обеспечена в с е м — дневная выработка составляла 20—23 сваи, а средняя фактическая — 8—10 в день... Так мы подсчитали, что возможности этой бригады используются в среднем на 45 процентов. Провели аналогичное исследование в бригадах, устанавливающих опоры,— там на 60 процентов. И дело здесь не только в нехватке нужных материалов, сколько в недостатках системы управления. Десятки бригад разбросаны по территории огромной области. Как тут за всем углядеть? Какое уж тут оперативное руководство? Так наметилась первоочередная задача — полная диспетчеризация...

Больше года прошло с того времени. Я снова прилетел в Сургут.

Светили яркие звезды, и молодой месяц резал серпом край неба. Если ехать из Сургутского аэропорта на автобусе, первая остановка будет называться «Электросети». Там и находится трест «Запсибэлектросетьстрой». Несмотря на поздний час, люди еще работали. Я вышел из автобуса.

Небо над Сургутом светилось зеленым и красным. Чуть ниже бежали волнистые светлые зигзаги. Весеннее северное сияние, яркие звезды — все это рождало картину сказочную.

К Киртбая сразу попасть не удалось. Он вел прием по личным вопросам. На диванчиках перед дверью сидела молчаливая очередь.

Прием по личным вопросам закончился поздно вечером. Вхожу в кабинет Киртбая. Он устало трет ладонями виски и протягивает толстую рукопись в красном переплете:

— Вот, первые экземпляры перепечатали на машинке...

«Сургут» — самоорганизующая система, устанавливающая рациональное и гибкое управление трестом «Запсибэлектросетьстрой»— написано на титульном листе. С уважением взвешиваю на ладони внушительную рукопись, заверенную печатями Института психологии Академии педагогических наук СССР и треста.

МАКСИМУМ ОТДАЧИ!

Идем в новую диспетчерскую. В большом круглом зале тихо. В центре зала за радиопультом дежурный. Ходим вдоль стены, скрытой таблицами.

— Здесь,— Киртбая обводит рукой стену,— информация, как обстоят дела на любом участке, в любой бригаде.

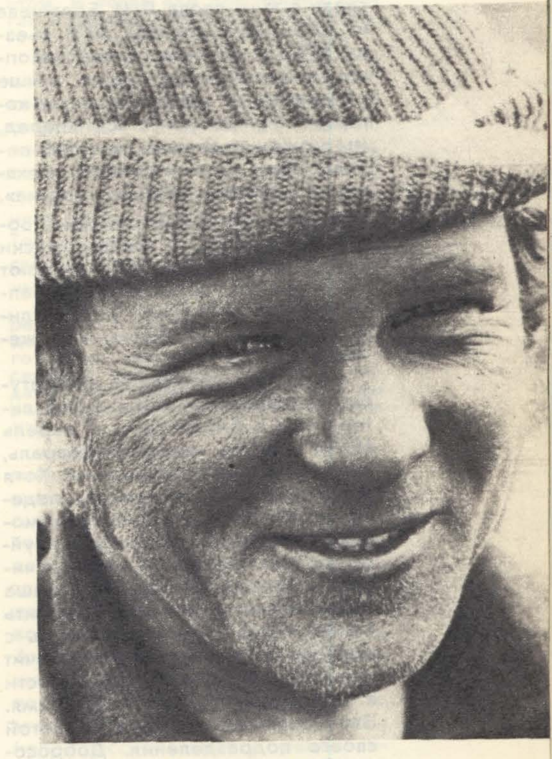
Наша диспетчерская призвана воссоздавать н а г л я д н у ю картину дел на всех участках, фиксировать ежедневно меняющуюся панораму всего строительства. Чем наша диспетчерская принципиально отличается от обычной? Помимо оперативного руководства, она дает возможность принимать решения! Мы здесь планерки теперь проводим. Приходишь в диспетчерскую, и сразу ясно, кто отстает, почему отстает и какие меры надо принять...

Впрочем, сам Киртбая рассматривает диспетчерскую лишь как одну из сторон новой системы управления. По его мнению, для естественного выполнения плана большие цели треста должны обязательно совпадать с целями каждого отдельно взятого работника. Рабочий — бригада — управление — трест — министерство — государство — к такой взаимосвязи надо стремиться, утверждал Киртбая. Но на пути к этой взаимосвязи вырисовывался комплекс проблем, которые и была призвана решить самоорганизующая система: внедрение поточно-скоростного метода строительства, перевод всех подразделений на хозрасчет, новые критерии планирования — не от достигнутого, а от упущенных возможностей, внимание к социально-психологической устойчивости коллектива, учет стремлений отдельных людей, участие каждого работника в управлении производством...

— Новая система,— говорит Киртбая,— призвана во всех звеньях предприятия побуждать лю-

Управляющий трестом «Запсибэлектросетьстрой» Игорь Киртбая ведет совещание.

Монтажник Владимир Шабельник.

В диспетчерской.

дей работать с максимальной отдачей, проявлять инициативу, ощущать взаимосвязь с делами всего коллектива. Ведь любое, даже самое хорошее начинание пропадет, если к нему нет интереса, если оно, что называется, не вызрело в недрах коллектива, если нет в нем настоятельной потребности... У нас такая потребность есть! Приведу только один пример. Недалеко от здания нашего управления построен цех металлоконструкций, который в общем-то тресту иметь не положено. Он был построен по инициативе молодых инженеров Анатолия Щепёткина и Александра Бабаяна за счет сэкономленных средств. Зачем этот цех тресту? А дело в том, что конструкции для ЛЭП везут издалека. После многочисленных погрузок и разгрузок многие поступают к нам на площадки в непригодном состоянии. Мы вправе их списать. Но тогда монтажники будут сидеть без дела! В цехе же конструкции ремонтируют, подгоняют — и они идут в дело. Я бы мог привести множество аналогичных ситуаций, когда проявленная инициатива помогала решать, казалось бы, неразрешимые хозяйственные проблемы. Это свидетельствует, что новая система попала на благодатную почву — каков-то будет «урожай»?

Потребность в инициативе сейчас огромная,— продолжает Киртбая,— а Тюменский Север — площадка для экспериментов. Ни одна страна не знает подобного размаха работ в таких суровых условиях... Часто вспоминаю в связи с этим слова Л. И. Брежнева из Отчетного доклада XXV съезду КПСС: «Теперь, когда накоплен немалый опыт, когда лучше обозначились направления, по которым нужно двигаться вперед, мы можем и должны ускорить перестройку хозяйственного механизма. Такова общая задача».

...Опять хожу по коридорам. Вообще коридоры, стенды, доски информации во многом отражают дух здешней организации. «Запсибэлектросетьстрой» явно отличается «лица необщим выраженьем».

«Новости технической литературы. Поступление технической литературы в библиотеку за апрель 1979». Не за январь, февраль, март, а именно за апрель! Хотя всего-то первая апрельская неделя прошла! «Или: «Заповеди молодых специалистов: «Суммируйте то, что вы знаете, чему учитесь и что делаете сами, и ваша способность познавать и творить будет расти. Помните, работать с полной отдачей — это не значит лишь выполнять свои обязанности в установленное рабочее время. Это означает — жить работой своего подразделения. Добросовестное отношение к работе позволяет легче преодолевать трудности... Элегантность в одежде, культура речи и внешнее обаяние в рабочей обстановке не являются помехами и не могут служить основанием для отрицательного суждения о специалисте...»

С утра в круглом зале дежурит старший диспетчер Анатолий Паршов. Если вчера вечером была относительная тишина, то сейчас каждую минуту на радиопульте вспыхивают огоньки, и Паршов отвечает по рации: «Я мастер! Как слышите?» И голос его густеет, становится начальственным.

Анатолию двадцать семь лет. В службе главного диспетчера с самого начала, с марта 1978-го. До этого три года работал технологом в техотделе, еще раньше был дежурным инженером на подстанции — ДИПом («Почти дипкурьером»,— шутит Анатолий). Он здешний, вырос в Ханты-Мансийске. Потом уезжал учиться в Челябинский политехнический институт. Окончил, вернулся и сразу попал в «Запсибэлектросетьстрой».

Паршов подтянут, любезен. Без видимого напряжения ведет дела в диспетчерской. Чувствуется, человек на своем месте.

— В чем еще отличительные особенности работы нашей диспетчерской? Ну, например, выходит на связь начальник отдаленного участка. Каких-нибудь деталей ему не хватает. Связываю его с начальником функциональной службы, ведающей этими деталями. Говорят. Потом связываю их с начальником транспортной службы — решают, как на место детали доставить. То есть за несколько минут сейчас решаются вопросы, на которые раньше дни уходили... А моя задача — следить, чтобы подобные переговоры завершались согласием. Не договорятся — здесь и доля моей вины! Помочь людям сориентироваться, подсказать, где какие имеются резервы, вывести из затруднительного положения... Это помимо, так сказать, прямых задач — составления ежедневного рапорта о ходе работ на трассах, обобщения информации, поддержания связи со всеми участками... То есть диспетчер сейчас непосредственно принимает участие в управлении производством. Ему предоставлены большие права. Не случайно же в нашей трестовской иерархии главный диспетчер — четвертая строчка после управляющего, главного инженера и заместителей...

— Работать диспетчером, наверное, хлопотнее, чем технологом?

— Когда дело нравится,— ответил Анатолий,— как-то не обращаешь внимания, хлопотное оно или нет... В техотделе у меня был стол, чертежи, обычная работа... Скажу честно, скучно было! А здесь мой стол — вся Тюменская область! Все видишь, все знаешь, где что происходит. Надо только не бояться самостоятельные решения принимать... Все нити производства у тебя в руках. Кто лучше ситуацию знает? Ответственность, конечно, большая... А с другой стороны,— Анатолий кивнул на разноцветные линии, плавно поднимающиеся вверх на настенных таблицах,— ответственность больше, работать интересней... Жить своей работой начинаешь! К нам каждый год восемь — десять молодых специалистов после институтов приходят... Встречают хорошо. Дают возможность выбрать место по душе. Иди, пробуй! На то ты и молодой! Ну, а уж потом изволь трудиться с максимальной отдачей, скидок не будет... Здесь такой стиль...

Уезжаю из Сургута. Дорога идет мимо трассы Сургутская ГРЭС — Холмогоры, там, где бригада Рифа Мураташина. Дел у нее впереди еще много. Но уже близок день, когда завершится монтаж проводов и электроэнергия придет в поселок нефтяников, в Холмогоры.

Я вспоминаю лозунг «Запсибэлектросетьстроя»: «Мы вдохнем в этот край энергию!». Вспоминаю людей, с которыми встретился в эти дни: Игоря Киртбая, Рифа Мураташина и его бригаду, Анатолия Паршова. Каждого из них можно в некотором роде считать первопроходцем. Игорь Киртбая собирается руководить огромным трестом по новой системе. Риф Мураташин готов опробовать любое инженерное решение по установке опор. Анатолий Паршов старается стать диспетчером нового типа. Думаю о том, что никакая, даже самая идеальная система управления не поможет, если у самих людей нет инициативы, нет стремления делать свое дело как можно лучше, нет ощущения значительности своей работы. Думаю о том, что электроэнергия есть следствие другой энергии — человеческой,— а ее, пожалуй, не менее сложно было вдохнуть в этот край. И именно в бережном и разумном отношении к человеческой энергии видится залог настоящих и будущих успехов «Запсибэлектросетьстроя»...

интервью «огонька»

ЗАБОТЫ

М. И. ЦАРЕВ,
народный артист СССР,
Герой Социалистического Труда

Эпоха развитого социализма, ее события и люди, конфликты и проблемы, ее свершения и трудности — как все это отображается сегодня искусством театра!

И какие задачи ставит перед театром принятое ЦК КПСС постановление «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы»!

Корреспондент «Огонька» обратился к Михаилу Ивановичу Цареву, председателю ВТО, художественному руководителю Малого театра и, наконец, просто известнейшему мастеру современной сцены, создателю многих масштабных образов, только что сыгравшему заглавную роль в шекспировском «Короле Лире».

— Однозначных ответов, как и скоропелых решений, быть не может,— говорит М. И. Царев.— Тут прежде всего нужна очень большая совместная работа всех деятелей театра по осмыслению гигантской идейно-творческой программы, поставленной перед нами Центральным Комитетом КПСС. Поставленной не на один день, а на многие годы. И хотя осуществлять ее придется не «с нуля», потому что работа театра, работа ВТО, как и всех творческих союзов, шла повседневно и с достаточным напряжением сил,— все же мы отчетливо видим необходимость дальнейшего коренного улучшения идейного, политического воспитания и образования художественной интеллигенции. А это благотворно скажется на идейно-творческом воздействии Театра на зрителя.

Постановление ЦК КПСС — новый этап в идеологической работе партии; оно ставит перед нами, повторяю, задачу *повышения качества*, а значит, эффективности всей нашей работы. Творческие союзы находятся на переднем крае идеологической борьбы. Значит, постановление ЦК КПСС обращено к каждому из нас *впрямую*.

Партия и народ ждут от театров, от актеров талантливого отображения героических свершений Советской страны. Ждут произведений, непримиримых к нашим идейным противникам. Основная же задача социалистического искусства — отражение позитивных процессов нашего времени, отражение созидательной мощи народа.

Думаю, можно сказать, что театральный процесс в Российской Федерации шел по восходящей линии. Конечно, он сложен и противоречив. Он отмечен не только удачами. Но это закономерно. Такова сама диалектика развития, движения. В целом же театр сегодня переживает подъем. Убедительным свидетельством тому — огромный зрительский интерес. Любовь к театру. В который раз попали впросак горе-теоретики, пророчившие гибель театру! Сегодня о гибели нет и речи! Театр живет, театр развивается, театр нужен людям!.. Но, как это ни радостно, это в еще большей степени повышает нашу гражданскую ответственность за качество того, что мы делаем.

Я считаю, что ВТО, являясь одним из старейших творческих союзов Российской Федерации, всю свою деятельность направляет на самую активную, энергичную помощь партийным и государственным органам в повышении *идейно-художественного уровня работы театров*. Мы обязаны зорко видеть и анализировать все стороны театральной жизни, начиная от процесса создания спектакля, кончая встречей его со зрителями — и на стационаре и во время гастролей, особенно на селе.

— Понятно, что конечным результатом творческой деятельности театра является спектакль. Но ведь его успех невозможен вне пьесы. Как сегодня помогают театрам драматургии? Что появилось на сцене интересное, новое или пусть даже хорошо освоенное «старое»?

— Деятельность столичных театров у всех на глазах... Нас же в этом отношении особенно радуют театры автономных республик.

Назову хотя бы прославленный академический театр имени Камала в Татарии. Хорошо, интересно работает этот коллектив; с блеском идет у них «Белая ворона» Туфана Минулина. Башкирский академический театр имени Гафури, успешно гастролировавший в Москве, привозил ряд новых значительных работ, в том числе пьесы Мустая Карима. Чечено-Ингушский те-

РОССИЙСКОЙ СЦЕНЫ

атр драмы создал своими собственными силами любопытное фольклорное произведение «Песни вайнахов». Даргинский театр талантливо осуществил «Пэпо» Сундукяна, а Карачаево-Черкесский — «Оптимистическую трагедию» Вишневского... Перечень этот можно было бы продолжать и продолжать. Однако в этом нет нужды. Мы видим, как идет процесс, характеризующий рост самих театров, и рост интересов, духовных потребностей зрителя. Вместе с тем нередко встречаются пьесы и спектакли, где важные темы народного бытия решаются поверхностно, прямолинейно, без подлинного знания жизни. Приходится, например, признать с огорчением явно недостаточное внимание драматургов и театральных коллективов к военно-патриотической теме. Важнейшая дата в истории нашей страны — шестидесятилетие Вооруженных Сил СССР — не получила по-настоящему яркого, образного воплощения. Ничего нет в «запасе» у театров на тему интернациональной дружбы народов, на тему борьбы за мир во всем мире... Правда, обогащению театра в этом отношении отчасти способствовала работа над сценическим воплощением произведений наших крупнейших прозаиков. Сохраняя верность идейному и художественному содержанию прозы, преобразуя ее по своим законам, сцена нашла новое впечатляющее выражение для образов многих романов и повестей.

Рассматривая афишу театров России, не могу не сказать о фестивалях и смотрах по произведениям Л. Н. Толстого и А. Н. Островского. Эти пьесы успешно прошли на многих сценах. Особенно же радостно отметить творческую удачу коллективов Тулы и Костромы, работавших над произведениями своих великих земляков с огромным подъемом.

Сейчас мы не просто ждем новых пьес, занимая пассивную позицию. В результате ежегодных Всероссийских семинаров драматургов появились новые произведения, но, прямо скажу, пока еще неравноценные. Мало таких, где *многогранно* раскрывался бы характер героя-созидателя, решающего *сегодня* кардинальные вопросы нашей современности. Но, видимо, и поиск надо вести более активно, и в то же время проявлять терпение, отбирая пьесы талантливых молодых драматургов. Да и работать над ними надо тщательно, без излишней торопливости. Это наш далеко еще не использованный творческий потенциал.

Многие интересные спектакли появились на афише театров Российской Федерации благодаря все более крепнущему сотрудничеству с драматургами братских социалистических стран. Фестивали венгерской, румынской, чехословацкой, болгарской драматургии, драматургии ГДР ныне стали явлением традиционным. В социалистических странах успешно проходят фестивали советской драматургии. Таким образом, российский театр — с чего мы начали разговор — выглядит весьма разнообразно. И в этом живом, порою пестром разнообразии мы ясно видим все свои «узкие места» — и организационные и творческие. Ими и будем заниматься.

— И все же хотелось бы, Михаил Иванович, чтобы вы подробнее выразили свою точку зрения именно на основное направление предстоящей работы, на основные задачи дальнейшего развития режиссуры и актерского мастерства.

— Я вижу, что поиски Театра — в манере, стиле, почерке актерского исполнения — характеризуются в последние годы стремлением режиссеров (а значит, конечно, и актеров) любыми средствами уйти от так называемой театральности. Уйти либо в сторону максимального приближения к бытовой реальности, либо в сторону крайнего, иногда почти болезненного, нервного «самообнажения» героя. Стремление это, по-моему, нельзя считать позитивным. Порою оно приводит не только к стиранию, искажению драматургии, и прежде всего классики, ее жанровых драгоценных особенностей, но и к заметным потерям в самом актерском мастерстве и, как заявляют некоторые критики, к полному отмиранию понятия актерского амплуа. Дело, однако, в том, что за сотни лет своего существования Театр кропотливо отбирал не только внешние, типические приметы человеческих характеров, но очень продуманно и четко соотносил их с определенными типами актерской индивидуальности. Это и выразилось в понятии «амплуа»... Наверное, не следует так уж особенно ратовать за возрождение актерских амплуа в старом значении. Но вряд ли можно приветствовать и такое, с позволения сказать, «новаторство», когда режиссеры — вместо создания многосложных сценических образов — нарочито назначают на роли героев заведомо неподходящих, якобы «оригинальных» по внешним и внутренним данным исполнителей. Этим «новаторством» они, конечно, удивляют зрителей, но и заставляют их на протяжении всего спектакля мучительно привыкать к явному несоответствию актера и воплощаемого им образа героя. Я уж не говорю, каково актеру!.. Точно так же не могут встретить ни понимания, ни одобрения попытки нарушать, изменять жанровую природу многих драматических произведений, особенно классических пьес. Опять-таки нарочито разрушая в них сложную систему жизненных, идейных взаимосвязей, заложенных автором, постановщики подобных спектаклей лишают произведение четкой идейной определенности в соотношении добра и зла, правды и справедливости. Следовательно, гибнет подчас и самый смысл пьесы... Думается мне, не на этих путях следует искать подлинных глубин постижения мира и человека. Не в этом заключается новаторство современного театра, его воспитательная, идеологическая миссия. Мастерам старшего поколения особенно следует помнить, что их увлечения и ошибки — всегда пример для творческой молодежи. А за воспитание именно молодых талантов мы в ответе: об этом весьма отчетливо сказано в постановлении ЦК КПСС.

— Но молодежь воспитывается не только эмпирически, не только на примерах мастеров. Идет и непосредственная учеба, практическая работа с молодежью?

— Необходимо усилить эту работу, начиная с режиссеров.

Состав режиссуры в течение последних лет значительно обновился. Произошла смена режиссерских поколений. Сегодня многие считаются молодыми; почти половина состава главных режиссеров российских театров в возрасте сорока лет. А среди очередных режиссеров больше половины молодых. Этому нельзя не порадоваться. Хотя, конечно, сорокалетний возрастной рубеж более чем условен для понятия «молодая режиссура».

Образовательный уровень режиссуры, безусловно, повысился. Сегодня в театрах РСФСР насчитывается более 80 режиссеров с высшим специальным образованием. Но за этой благополучной цифрой скрывается и другое: образование многих режиссеров, в том числе и главных, ограничивается общим средним. А это значит, что говорить о благополучии в подготовке и расстановке режиссерских кадров пока еще рано. Не лучше дело обстоит и с актерским составом. Многие артисты в городских театрах вообще имеют только среднее образование, не говоря уж о какой-либо специальной подготовке... Все это обязывает нас отнестись к организации профессиональной учебы в театрах со всей серьезностью!

Очень большую роль могут сыграть *творческие лаборатории* под руководством ведущих мастеров советской режиссуры. В последние годы расширился контингент этих лабораторий за счет театров Нечерноземной зоны, Сибири и Дальнего Востока; чаще проводятся выездные занятия, углублена их тематика. Однако и здесь тоже есть задачи нерешенные. Самые лаборатории ведь задуманы прежде всего для углубленного изучения серьезных творческих проблем: теории режиссуры и актерского мастерства, системы Станиславского... Но постепенно они превратились в некие семинары по текущим вопросам. Поэтому лабораториям нужно вернуть необходимый им, подлинно лабораторный, характер.

— Скажите несколько слов, Михаил Иванович, о малых сценах. Их становится ныне много, не правда ли?

— Да, так называемые малые сцены получили весьма широкое распространение. Они существуют во многих театрах. Явление это оправданное и закономерное, поскольку малые сцены дают большую возможность роста молодежи. Нужно только одно, чтобы спектакли (создаваемые чаще всего в порядке эксперимента на малых сценах) несли те же высокие идеи и выполняли те же насущные задачи **коммунистического воспитания**, что и спектакли, идущие на основной сцене. Увлечения и поиски следует не то что ограничивать, но чутко и бережно направлять в необходимое русло, помогая созданию глубоких и серьезных произведений.

...Особенно важно заметить, что молодые актеры, иногда имеющие уже хорошую техническую подготовку и способные (по внешней линии) выполнить самое сложное задание режиссера, оставляют зрительный зал холодным и равнодушным. Они теряют власть над душами людей, потому что, владея техникой, неспособны овладеть, *сделать своими* души сценических героев. Реалистический театр жестоко мстит за пренебрежение его главными законами, мстит за уход жизни человеческого духа на сцене, о чем говорил Станиславский.

Именно поэтому мне хочется обратиться к моим молодым коллегам: совершенствуйте свое мастерство! Пусть ваше тело будет гибким и послушным, голос — подвижным и выразительным, но ни на секунду не забывайте главного: вы — актеры лишь тогда, когда способны жить на сцене жизнью ваших героев, заставить зал плакать и смеяться, дать зрителям высшее наслаждение театра: почувствовать и понять человеческую душу. Не забывайте об этом. И тогда вам обеспечена долгая и прекрасная, полная актерского счастья жизнь в искусстве...

Требующая полной самоотдачи, наша жизнь никогда, до самого конца, сколько бы ни было в ней свершений, не может стать цепью легких удач. Не может проходить от спектакля к спектаклю «без сучка и задоринки». Она подчиняет себе человека целиком. Только тогда он преображается в своего героя и покоряет зрительный зал.

— Михаил Иванович, одухотворенность этих преображений порадовала публику на премьере Малого театра «Король Лир». Отчасти в связи с премьерой позвольте задать последний вопрос: как вы расцениваете театральную критику?

— Думаю, что критика оперативная, призванная точно и объективно, с партийных позиций рассматривать явления современного театра, отстает от задач и требований времени. Рецензии на спектакли появляются с большим опозданием. Оценка спектаклей не всегда серьезно аргументирована. Анализ актерских работ по большей части отсутствует. Если на периферии встречаешь просто элементарную неподготовленность, непрофессиональность рецензентов, то в театральной прессе Москвы и Ленинграда часто видно не только непонимание замысла, но и субъективизм, влияние мотивов, посторонних искусству. Особо следует упомянуть об оценке спектаклей театров, приезжающих на гастроли в Москву.

В кулуарах критики обычно высказывают довольно серьезные и верные претензии к качеству спектаклей, а на обсуждении все сводится к скороговорке, а то и к комплиментам. Но гастроли — отнюдь не повод для праздничной шумихи. Это всегда своего рода экзамен для театра, проверка качества его работы, его художественных возможностей и, главное, его идейно-творческого направления, его воспитательной роли. Следовательно, повышение уровня театральной критики — задача столь же неотложная. Наша театральная критика обязана полнее и глубже выполнять нелегкую обязанность беспристрастного арбитра.

Таковы в самых общих чертах наши самые главные, самые насущные заботы. Они, как видите, касаются всей театральной сцены. Единого Театра страны.

Игорь ДОЛГОПОЛОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Огромное большинство людей в юности ощущают окружающий мир, несмотря на все превратности судьбы, все же восторженно. Такова магия молодости: душа полна надежд на светлое будущее, веры в свои силы, в доброе начало... И этот запас восторженной веры и любви хоть и истрачивается с годами, но каждый импульс, напоминающий чем-то о юности, как бы дарит нам утраченную свежесть. Великую роль в этом колдовском процессе возвращения к собственной молодости чувств играет искусство и, как ни удивительно, творчество древних. Очевидно, именно дистанция времени со щемящей остротой дает нам возможность понимать сегодняшний день, наше бытие. Казалось бы, невероятно, но именно творчество наших предков, порою наивное, иногда грубоватое и откровенное, их острый и правдивый пластический язык дают нам ключ к видению мира без предвзятости и с особой зоркостью. Да, искусство пращуров, пронизанное легендами, сказаниями, мифами, вызывает у нас поток ассоциаций неповторимых и ярчайших. Потому человек XX века часто полон беспокойным желанием побродить по площадям и улицам старых городов, любуясь дивными пропорциями и силуэтами древних арок, колонн, сводами полуразрушенных храмов. Так же полны тайных чар и находки археологов, добывающих из немой мглы спящей земли, из бездны небытия прекрасные создания человеческого гения... Так, трепетно взирая на шедевры старины, мы словно слышим зыбкий зов из глубины столетий, ощущаем свою отдаленную, но все же живую причастность, родство с этим давним-давним, полузабытым прошлым... Как будто проснувшись от долгого и глубокого сна, с какой-то невероятной пронзительностью, словно совершенно вновь мы видим, видим вчера, сегодня и... завтра. Так глубоки, необъяснимо таинственны силы искусства былого.

Руины старого Рима, древние усыпальницы Самарканда и белогрудые храмы Руси — все это будто говорит нам: берегите красоту, цените и верьте в прекрасное, заложенное в человеке, в самой природе...

Такое же неотразимое, незабываемое впечатление оставила у меня в душе выставка «Скифское золото», которая в свое время экспонировалась в Москве, в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

Дикая прелесть ковыльных степей. Девственная неистраченность буйной плоти природы... Изобильны, почти нетронуты были дары земли. Могуч был и сам человек, живший в ту пору. Вся родниковость целинного воздуха, жар южного солнца, неукротимость степного ветра — все это кипело в крови кочевника, всадника, истинного сына просторов. И когда мы любуемся щедеврами искусства скифов, то первое, что чарует и покоряет нас,— это движение, заложенное в каждом из творений. Динамика, движение — упругое, как тетива, натянутая до отказа.

В этих произведениях, иногда таинственных по значению, а иногда откровенных, с наивной простотой рассказывается о народе. О его нелегкой, насыщенной трудами и битвами жизни... Но что бы мы ни разглядывали на этой выставке из найденного во многих курганах нашей Отчизны, мы везде ощущаем мышечную плоть движения — пусть то будет прыжок пантеры или оленя или просто диалог воинов. Обаяние скифского искусства в крайней обнаженности и откровенности. Любой сюжет поражает почти детским желанием рассказать, поделиться своими впечатлениями, и тут нельзя не заметить, что острота восприятия мира тоже напоминает нам лучшие черты творчества детей по своей раскрытой функциональности, по раскованности, по точности и свежести ощущения. Особо это изумляет в произведениях «звериного стиля», где с удивительными, доведенными до предельной точности пониманием и художественным вкусом изображены любимые герои — звери: пантеры, олени и мифологические грифоны... Весь этот сонм «зверья» — от крошечного кузнечика до могучего льва — ослепительно ярок и колоритен, доходчив и правдив. И еще, еще раз хочется подчеркнуть, что все движется, осязаемо и слышимо. Так убедителен и правдив язык древнего искусства скифов, столь непохожий на закованное в цепи канонов искусство с берегов старого Нила.

Вспомните выставку, побывавшую у нас в Москве,— «Сокровища гробницы Тутанхамона». Величавую немую статику, колдовскую застылость египетского искусства, постигшего секрет замедленных ритмов. В этом царстве полуулыбок, полупоклонов, чуть заметных знаков рук все как бы покрыто всевластной тайной жреческих культов, сковывающих человека-раба. «Боги»... Во имя этой страшной, мрачной и, по существу, бесчеловечной мощи и созданы были все эти бесценные изваяния. И ни один папирус не сможет рассказать больше, чем маленькая статуэтка-ушебти или безмолвная золотая маска юного фараона, столь рано покинувшего грешную землю... Да, часами я глядел на это море с остановившимися волнами, словно заколдованное злым волшебником... Таково творчество Древнего Египта, глубочайшее по мастерству,— превращать музыку жизни в тишину и покой надгробий... И лишь гений художников, разрушив каноны, иногда создавал чарующие образы своих современников — людей... Так из тьмы веков дошли до нас шедевры Амарны.

Экспозиция «Скифского золота» была в тех же залах Музея изобразительных искусств, где были выставлены «Сокровища Тутанхамона»...

Должен вспомнить об одной любопытной жанровой сцене, которую мне довелось наблюдать.

По огромному светлому центральному залу музея с произведениями скифского искусства буквально ползал у стендов высокий, седой, худощавый мужчина в строгой черной паре. Это был сэр Поп Хенесси — бывший директор Британского музея... Я много слышал и читал о крайней сдержанности британцев. Но почтенный сэр Поп Хенесси не мог скрыть своего восторга. Он счел нашу экспозицию блистательной и обещал сохранить ее досконально в Лондоне, куда «Скифы» должны были вскоре отбыть.

Не могу забыть улыбающуюся Ирину Александровну Антонову — директора музея, ибо англичанин, хваля нашу экспозицию, делал замечания по оформлению заокеанской выставки «Скифского золота», так как оно своей помпезностью иногда подавляло оригиналы.

...Велики степи... От Волги до Дуная. Необозримые. Бескрайние. Голубые, зеленые волны душистых трав. Высокое, гулкое небо с неспешно плывущими громадами облаков... И вдруг летят кони. Мчатся полчища скифов. Рвется на части напоенный ковыльным ароматом упругий воздух вольных просторов, сжатый до пределов бешеной скачкой тысяч и тысяч всадников, как бы сросшихся навечно со своими конями... Как понять сегодня жителю каменных громад городов Запада, застывших в неподвижном вихревом движении машин, усыпленных зловещим смогом, расслабившихся от пассивного участия в беге моторов, ошалевших от грохота жизни, как понять, как ощутить эту великую тишину степей, как почувствовать тугой воздух, окутывающий плотно скачущего всадника, всем существом, каждым мускулом тела участвующего в этом поистине магическом беспощадном движении-полете, начинающемся у него чуть ли не с первых детских лет и составляющем саму его, кочевника, жизнь!

Вслушайтесь в ритмы «Богатырской» симфонии Бородина, и вы почувствуете всем нутром этот неумолкающий, непрестанный бег тысяч коней, это завораживающее своей непреклонностью движение человека в степи... Юные зори нашей Отчизны. Они взошли над равнинами Великих степей, опоясавших на юге чуть ли не пол-Европы и Азии... Недели надо было скакать, чтобы, начав свой путь от предгорий Урала, достичь берегов древнего Борисфена — Днепра, а ведь это были только южные пределы Родины. На севере — леса, леса. Озера, полноводные реки. Древние города и села.

Итак, вернемся к скифам.

Скифы... Неведомо откуда пришли они, но вскоре отдаленный гул и трепет земной тверди напомнили, что скифы не сон, а суровая явь. Они сразу заставили уважать себя окрестные народы. Глухой топот их многотысячных полчищ долетал до Афин... Скифские стрелы с тяжелыми бронзовыми наконечниками били в цель, их короткие мечи сокрушали врагов. Казалось, нет силы, которая была бы способна укротить их буйную изначальную мощь. Подобно весеннему разливу, они затопили бескрайние равнины юга нашей земли и докатились до владений греков.

Дикое изумрудное раздолье, и над ним, как призраки, неслись темно-багровые, в всполохах пожарищ всадники. Розовые от вечерних зорь кони бесшумно скользили в сизой мге. Казалось, что этот колдовской полет нельзя было ограничить, так неудержим и неумолим был этот бег...

И когда над степью вставал бесстрашный бледный месяц, он видел внизу, в степи тысячи алых звезд... Едкая гарь от костров и медоносный аромат полевых трав и цветов сливались с терпким запахом конского и людского пота и кобыльего молока.

Скифы...

Геродот пишет: «По рассказам скифов, народ их моложе всех». Они, скифы, говорят, что их отец Зевс, а мать — дочь реки Борисфена, Днепра, земли их необъятны и богаты. «В области, лежащей еще дальше к северу,— говорит Геродот,— от земли скифов, как передают, нельзя ничего видеть, и туда невозможно проникнуть из-за летающих перьев. И действительно, земля и воздух там полны перьев, а это-то и мешает зрению». Вот как в легендах описан снег.

Еще один миф, изложенный Геродотом.

Однажды Геракл, гоня быков Гериона, прибыл в неведомую страну. Там его застали непогода и холод. Закутавшись в свиную шкуру, он заснул, а в это время его упряжные кони (он пустил их пастись) чудесным образом исчезли... Геракл, проснувшись, стал искать коней и, проблуждав долго, прибрел к пещере, в которой он нашел дивное существо смешанной породы — полудеву-полузмею. Он спросил у нее о своих конях. Та засмеялась и сказала, что кони у нее. Но она не отдаст их, если Геракл не станет ее мужем. Так и было. Но Геракл томился и скучал. Тогда женщина отдала коней и сказала: «Вот у меня три твоих сына, что мне с ними делать?» «Когда увидишь,— отвечал Геракл,— что сыновья мои возмужали, то лучше всего поступи так: посмотри, кто из них сможет вот так натянуть мой лук и опоясаться моим поясом:..»

Забегая вперед, скажем, что это смог сделать младший сын, по имени Скиф. Он носил на поясе золотую чашу.

Изображение его матери вы могли увидеть на выставке.

«Праматерь скифов»... Спокойно, улыбчиво лицо богини. Она знает силу своих чар. Полногубая, с открытым лицом, обрамленным прядями длинных волнистых волос. Змееногая. Одетая в свободные, с просторными складками одежды. Змеи венчают ее убор и как бы заканчивают композицию налобника. Да, налобника вихрастого скифского коня с распущенной гривой, мчащегося по степям Придонья.

Гребень из кургана Солоха. Сцена сражения. Начало IV века до н. э. ● Горит. Футляр для лука и стрел. Конец V—начало IV века до н. э.

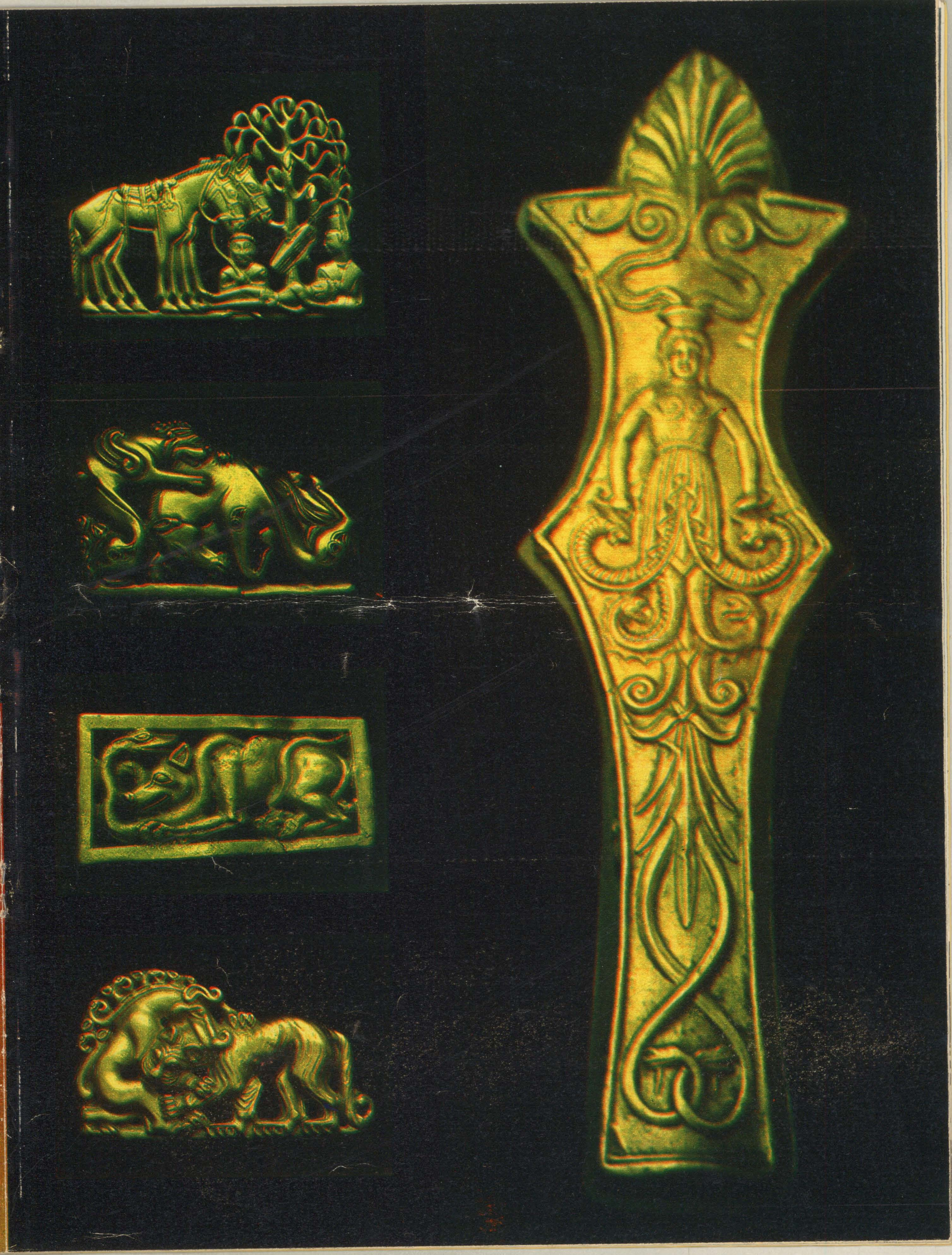
НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Олень из кургана близ станицы Костромской. Конец VII — начало VI века до н. э. ● Пантера. Накладка на щит. Из Келермесского кургана ● Предметы из коллекции Петра Первого: отдыхающий воин; грифон, нападающий на лошадь; зверь, борющийся со змеей; тигр, напавший на рогатое животное ● Конский налобник из кургана Цимбалова могила. IV век до н. э.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

ИСКУССТВО СКИФОВ

Каждый скиф знал, что он сын этой непобедимой и мудрой богини. Знал и верил.

Пустынный центральный белый зал музея... Экспозиция «Скифского золота»...

...Раскрылась тяжелая стальная дверь сейфа... И вот у меня в руках «находка века» — знаменитая, прославленная пектораль из царского кургана... Она похожа на сдвинутый золотой серп луны, редчайшая по ювелирной точности реалистического изображения людей, цветов, зверей, чудовищ. Я вглядываюсь в три ряда изображений: быт племени, степь и битва зверей и чудовищ... Вьются, вьются полевые цветы, стрекочут в степи кузнечики, лают собаки, блеют овцы, звенит, звенит струя молока, крякает утка — звуки мирной жизни... И вдруг я слышу рев льва, яростный вой грифонов, стоны раненых лошадей — мифическая битва. Кабаны, львы, пантеры... И опять взгляд скользит вдоль по золотым трем рядам — жеребенок сосет матку, теленок пьет молоко, шьют рубаху скифы, в правой руке бородатого дяди иголка с ниткой, рядом колчан — драгоценный горит. Его можно разглядеть подробней на одной из витрин...

Как современны эти бородатые длинноволосые мужчины! Мы их встречаем на улицах Европы и Америки, а порою у нас. Мода движется по спирали... Время, часы истории идут вперед...

На небольшом пространстве пекторали — цепь трагедий: лев убивает оленя, грифоны терзают лошадей, пантера нападает на кабана, собака гонит зайца. Таков внешний круг пекторали рядом с кругом мира—цветами и юными соколами. И еще круг — летит утка, чешется телок, блеет козел, упрямится овца перед дойкой. Сидит, задумавшись, перед кувшином скиф... Во всем скрыто движение, наблюденная жизнь, выполненная с редким изяществом и соблюдением внутреннего какого-то бесхитростного благородства. Безусловно, пектораль — шедевр мирового класса. Это потрясающей силы документ времени, в котором будто слышен то прерывистый, то мерный пульс бытия... Как-то Гоголь писал, что в малой вещи может быть заключено большое историческое содержание. Эти слова как нельзя более подходят к этой редкостной находке археологов. Пектораль энциклопедична по глубине и правдивости информационного материала, отражающего как в зеркале жизнь и легенды целого народа.

Собака, заяц, кузнечики... И мне вдруг приходит на память запись Геродота о походе царя Дария на скифов.

Вот вкратце этот рассказ.

В истории мира многое связано с образами женщин... Так, однажды великий царь Дарий беседовал со своей супругой Атоссой, которая с присущей слабому полу прямотой высказала молодому повелителю, что ему пора прославить себя великими подвигами.

— Жена! — ответил Дарий.— Все, о чем ты говоришь, я и сам думаю совершить. Я ведь собираюсь перекинуть мост с нашего материка на другой и идти на скифов.

Не будем описывать дальнейшие перипетии разговора с лукавой Атоссой. Суть дела в том, что через некоторое отмеренное судьбой время Дарий начал свой поход на скифов. Он привел после многих событий свои войска к берегам реки Теар. Расположившись станом у бегущих вод, царь велел воздвигнуть столб с надписью: «Источники Теара дают наилучшую и прекраснейшую воду из всех рек. К ним прибыл походом на скифов наилучший и самый доблестный из всех людей — Дарий, сын Гистаспа».

Поставив себе этот скромный монумент, Дарий повел своих воинов к Истру — Дунаю. Перейдя широкую реку, воины хотели сломать мост, но советники отговорили царя делать это. Мост оставили. Аргумент был прост: скифов трудно найти и достичь, можно заблудиться и погибнуть.

Тем временем скифы, посоветовавшись с соседними племенами и узнав от них, что поддержки ждать нечего, стали действовать по-своему. Они решили не вступать с противником в генеральное сражение. Скифы стали медленно отступать, угоняя скот, засыпая колодцы и источники, уничтожая траву. Они отходили к Донцу — Танаису и Азовскому морю — озеру Меотида. Войска Дария видели только хвосты скифской конницы, увлекавшей врага в глубь степей. Так без единого сражения полчища Дария оказались на пустынных землях у реки Сал — Оар и Дона — Сиргиса. Потом скифы, находясь все время впереди на день перехода, отступили на север и завели противника на земли меланхленов, андрофагов, невров. Эти племена в страхе бежали, а скифы заманивали полчища Дария все дальше в свою землю. Конца войне не было видно, и Дарий написал царю скифов Иданфирсу письмо:

«Чудак! Зачем ты все время убегаешь, хотя тебе предоставлен выбор...» Далее Дарий предлагал Иданфирсу либо сражаться, либо сдаться.

Ответ гласил:

«...Я и прежде никогда не бежал из страха перед кем-либо и теперь убегаю не от тебя... У нас нет ни городов, ни обработанной земли. Мы не боимся их разорения и опустошения и поэтому не вступили с вами в бой немедленно... Тебе же вместо даров — земли и воды — я пошлю другие дары, которые ты заслуживаешь...» Сурово и с огромным достоинством ответил скиф всемогущему Дарию.

Шло время, и персы гибли от лишений и нужд. И вот настал день, когда в стан Дария прибыл глашатай и привез странные дары царю — птицу, мышь, лягушку и пять стрел; ничего не объяснив, умчался... Собрали совет. И после долгих споров мудрецы так расшифровали эту загадку: «Если вы, персы, как птицы, не улетите в небо, или, как мыши, не зароетесь в землю, или, как лягушки, не поскачете в болото, то не вернетесь назад, пораженные этими стрелами».

После этого отряд скифов отправился к Истру — Дунаю и упросил охранявших мост ионян уйти, разрушив переправы. Они обещали... Тогда скифы стали готовиться к решительному открытому бою с врагом.

...И вот я живо представляю себе картину «Перед сражением». Утро. Свежий колючий ветер гонит волны седого ковыля. Сомкнули ряды конники, тесно стали отряды скифской пехоты. Ждут сигнала... Вот-вот начнется страшная битва с жестоким и сильным врагом. И вдруг... сквозь ряды скифов проскочил заяц. Воины тут же бросились за ним. Немая тишина утренней степи взорвалась от веселых криков погони.

Дарий спросил, что это за шум у неприятеля. Узнав правду, царь сказал: эти люди глубоко презирают нас, и мне теперь ясно — мы правильно рассуждали о скифских дарах (лягушка, мышь и пр.). Я сам вижу, в каком положении наши дела...

И персы отступили с поля боя, оставив раненых и скот. Вечером полки ушли, а оставленные разожгли костры, скот ревел, и этим они обманули скифов... Однако вскоре ложь была раскрыта, и отряды скифов помчались коротким путем к переправе через Истр — Дунай, чтобы отрезать путь к отступлению Дария. Они застали у реки ионян и... неразрушенную переправу. Скифов обманули. Тогда они стали стыдить лжецов. Ведь те поклялись сломать переправу. И снова, получив клятвы и заверения в верности, скифы удалились на поиски войск Дария. А ионяне еще раз солгали. Они разрушили лишь часть моста у скифского берега. На длину полета стрелы... И стали ждать.

Читаю Геродота и вижу.

Ночь. Тишина. В непроглядном мраке катит свои воды Истр. Войска Дария, изможденные бегством, застыли на берегу. Ужас объял их. Моста не было. Переправа была разрушена. Позади земля скифов. Голод и ужас неизвестности. Впереди желанная цель. Но моста нет... Зажгли факелы, и кровавые языки заплясали на воде. Дарий повелел найти египтянина, обладавшего зычным голосом. «Зови ионянина Гистиея»,— повелел царь. Несметные полчища застыли... Египтянин подошел к самой воде. Черная влага мерцала у его ног. Жуткая тишина ползла по берегу. Ни шороха, ни звука.

«Гистией, Гистией, Гистией!» — трижды проревел египтянин и без сил упал на песок. «Гистией, Гистией!» — прокатилось по Истру и замерло вдали. «Гистией!» — ответило коварное эхо... И вновь молчание... И вдруг, как в сказке, из ночной мги показались корабли. Плыл Гистией. Дарий и его войска были спасены от верной гибели.

Правда, история не всегда прощает предательство. Вскоре расторопный Гистией был убит...

Может быть, не стоило тревожить страницы летописи Геродота, если бы они не давали нам такой полной картины того времени, в котором причудливо сплетались жестокие реалии и романтика легенд и сказок. Чего стоит эта история с дарами-загадками скифов или простодушный по своей достоверности факт с охотой на зайца, сыгравшего такую роль. Я на миг представляю себе эти многотысячные полки скифов, сверкающие золотыми украшениями, колчанами-горитами, бляхами, насечками... Так оживают экспонаты стендов выставки. Так становится понятной чудесная пектораль... Собака гонит зайца. Лев и пантера, разрывающие кабана... И многое другое...

Есть еще одна неоценимая черта строк истории Геродота. Они рождают поток ассоциаций во времени значительно более близком. Эти фальшивые клятвы и нарушенные договора. Трусость и подлость. Храбрость и честь. Все это будто описано не века и века тому назад, а совсем недавно...

Но вернемся к нашим скифским экспонатам, дающим такую пищу для раздумий и преподносящим истинную радость познания.

Пектораль... Я вслушиваюсь, вглядываюсь в это чудо пластики. Летит высоко в небе птица. Что-то напевает веселый скиф. Сосет вымя матери теленок. Ржет молодая кобыла, кормит жеребенка. Доит корову скиф. Спит коза... И снова летит птица. Поток жизни... Будни, пахнущие полынным горьким ветром, кострами, молоком, пóтом. Пектораль — незамкнутый круг. На миг остановился бег бытия. И снова вьются цветы, щебечут птицы, стрекочут кузнечики... Двое скифов. О чем они так увлеченно беседуют? Рядом битва коней с грифонами. Они раздирают своими страшными когтями нежную плоть. Горячую, живую. Не символизирует ли это битву скифов с врагами?.. Рядом пантера и лев убивают дикого кабана... Художник дает полный простор зрителю. Думай. Обобщай...

Искусство древнего мира Греции внесло свою красоту в первозданный мир скифов, и от этого соединения античной мудрости с буйной и простодушной фантазией детей степи родилось нечто небывалое, оригинальное, художественное... Казалось, в этой золотой пекторали использован привычный декор античности, но какой новый аромат, какую новую окраску лиричности обретают эти заученные завитки и орнаменты под талантливой рукой мастера! Как странны и в то же время чудесны неожиданные сочетания совершенно полярных сюжетов в рамках одной композиции. Этот контраст мирного жанра со страшной картиной кровавых схваток возможен лишь в творчестве новом, своеобычном. И, безусловно, сложность сплетения фигур, их ракурсы говорят о высочайшем уровне мастерства.

Греческая античность... Ее влияние на детей степей было довольно сильно. Но скифы строго охраняли свой образ жизни. Они покупали греческие изделия и заказывали художникам, мастерам многие предметы домашнего обихода. Украшали оружие и боевые доспехи... Но скифы жестоко наказывали своих людей, изменивших обычаям и законам. Так они сохраняли самобытность и цельность своего народа.

Греки и скифы... Скифы, греки и славяне? Являются ли скифы нашими предками? На этот вопрос ответить крайне сложно. Только такой большой поэт, как Блок, мог утвердительно сказать: «Да, скифы-мы!» Но это не аксиома. Это всего лишь поэтический домысел. Но что достоверно — скифы жили на нашей земле, они оставили нам любовь к песням, к быстрой езде, к тому размаху, который поражает всех в русском характере. Умение выжидать, упорство в достижении цели, веселость нрава, храбрость... Где-то мы стоим на пороге истины. Но фундаментальная наука должна иметь достойные доказательства. Многое уже сделано, но многое еще надо совершить. Такова правда.

Есть фантастические догадки, что герой греческих мифов Ахиллес — славянин. Но оставим рассуждения специалистам-историкам, как ни заманчиво сказать «да!»...

Витрины... витрины...

Бронзовый переносный потемневший котел. Бронзовые тяжелые наконечники стрел, похожие на ультрасовременные формы суперреактивных самолетов или ракет... Войлочные ковры, чепраки, крытые тканью,— все эти предметы показывают нам походный быт кочевников, связанный с постоянным движением.

Мир и война жили бок о бок в судьбе скифов. Они особо не искали битв. Но само время требовало защиты от набегов воинственных соседних племен, не давало ни минуты покоя.

Пектораль. Нагрудное украшение и ее деталь из кургана Толстая могила. IV век до н. э.

В витрине — маленькие золотые украшения-бляшки...

Петру Первому преподнесли в подарок золотую бляшку — первую из шедевров, найденных в земле Тобольской губернии. Царь немедля повелел создать «сибирскую коллекцию» и собрать ее в кунсткамеру. Так, по существу, было положено начало нашей отечественной археологии.

На черном бархате лежит золотая пантера. Древняя ночь блестит в ее черном зрачке. Зверь поджал могучие лапы. Напрягся, как пружина, тяжелый хвост, бьет по крутым бокам хищника. Страшен оскал клыков. Еще миг — и с диким рычанием пантера прыгнет и разорвет жертву... Но что это? На гладкой поверхности золотой лопатки зверя темная ямка. Глубокая вмятина, как кратер лунного метеорита... В одну минуту словно упала пелена веков, и я услышал пение стрелы, летящей из огненной гущи битвы. До меня долетел острый визжащий звук удара металла о металл. Но стрела упала, не пронзив щита, на котором когда-то возлежала могучая пантера, и воин-скиф был спасен... Такова строка ненаписанной истории...

Пантера перед прыжком — образ, любимый скифами. Они видели в этом изображении что-то близкое своей судьбе — судьбе кочевника, вечно напряженного, ждущего в любой миг опасности, а может, и гибели и готового к отпору, к битве. Скифам было не занимать храбрости.

...Может быть, олень, этот гордый круторогий зверь, собрав в клубок свои могучие мышцы, прижав к спине рога, летит в прыжке, спасаясь от пантеры... Я не знаю. Хотя возможно, что оленя сейчас догонит стрела охотника и он падет, взрывая землю... Все это было давно. Но одно ясно сегодня. Ни одно фото, ни одна кинокамера не может дать такой символики, стремительности, полета, ужаса смерти, заложенного в широко раскрытых глазах, состояния страшной опасности, битвы за жизнь. С какой-то первобытной силой изваян этот олень. Он как бы стал уже художественным знаком покоренной беды или преодоленной гибели. Это мог создать только большой художник...

Гребень из кургана Солоха. Взгляните на этот маленький золотой Парфенон. Все есть в нем: и фронтон со сражающимися воинами и тонкие, ажурные колонны. Самое неожиданное, что этот гребень никак не является предметом женского обихода. Он должен был расчесывать.... бороду сурового воина. Такова истина, а мне, грешному, уже чудилось, как ведут беседу скифские девы, раскинув по плечам волнистые косы...

Даешься диву, сколько энергии, таланта, мастерства вложено в этот в общем-то довольно прозаический предмет. Вот еще один пример, что скука в искусстве вызвана не лапидарностью заданной темы, а порою нежеланием, неумением вложить душу и выдумку в любую полезную человеку вещь... Такой урок нам дает скифский мастер, один из первых дизайнеров земли...

Глухо шумит белый зал музея. Шорох шагов. Неясный говор, шепот сливаются в неясный гул, и тебе вдруг начинает казаться, что ты слышишь и ощущаешь незримый и неосознанный бег времени, ускользающий от нас. В этом упорном, напряженном внимании сотен и тысяч людей, в их порою наивном желании сразу понять и как бы проникнуть в загадку чужой и далекой эпохи, в их поистине глубоко человеческом стремлении познать суть творчества далеких предков и есть та постоянная людская любознательность, которая движет человечество, всех, от мала до велика, вперед... История — это воистину дар для пытливых и разумных зрителей и читателей. Посмотрите, сколько молодых напряженных, с глубокими складками раздумий лиц находятся у витрин выставки «Скифы». Сколько желания постичь, убедиться в правоте или неправоте всяких теорий заложено в эти думы. Как сияют глаза при виде сокровищ мировой культуры, найденных на нашей земле. В этом — истинная гордость большого и мощного народа.

Я вижу слезы радости на глазах людей пожилых: буйное, жизнерадостное искусство скифов вернуло им молодость, заставило горячее бежать кровь, вдохнуло новые силы, энергию. Встреча с искусством как бы вернула им частичку юности, заставила вспомнить страницы бытия.

Да, поистине всесильна магия красоты, созданной в незапамятные, далекие времена.

И, как ни странно, вся эта атмосфера реальности ювелирного исполнения, а с другой стороны, сказочности мира легенд и мифов оказывалась близка зрителю. Потому что за всем этим стояла родная природа, огромные бескрайние степи, леса и реки нашей Отчизны, и дух этих просторов был близок и дорог, по сути, почти каждому посетителю. И, пожалуй, это было наиболее убедительным ответом на все споры ученых мужей.

Выставка «Скифское золото» в Соединенных Штатах Америки пользовалась огромным успехом. Страницы прессы широко освещали грандиозную удачу этой экспозиции, проходившей по линии культурного обмена между нашими странами. Зрители оставили восторженные отклики в книге записей. Это триумф!

...На фоне черного неба — бархата витрин словно восходят десятки раскаленных золотых звезд далекой эпохи, и мерцание этих древних светил словно отражается на лицах тысяч людей... Холодный свет зимнего московского солнца, струящийся через стекла плафона, никак не может пригасить эти сверкающие звезды скифского искусства.

...Не хотят люди уходить из колдовского мира старины. Им хочется еще и еще подышать воздухом древних степей.

Раздался продолжительный звонок... Свет юпитеров погас. Синие глубокие сумерки вошли в зал.

— Время истекло! — гулко разносятся слова в белом зале.

И все же стоит длинная очередь. И сотни людей проходят мимо золотого месяца пекторали. И я вижу отраженный свет прекрасного на лицах.

Гаснет московский вечер... Меркнет плафон. И все ярче и ярче разгораются огни творений «Скифского золота». Они не меркнут. Двадцать с лишним веков отделяют нас от поры их рождения, но ни мгла подземного заточения, ни всесильная машина времени не могли погасить вечную красоту искусства древних скифов...

Резко звенит последний звонок... И снова мы в XX веке.

До свидания, скифы!

РИСКОВАННЫЙ ОБГОН

В «Полосе отчуждения» герой поставлен в условия потрясения, нервного шока: только-только он, ученый-физик, человек безупречной репутации, возвращаясь на собственном автомобиле из южного отпуска, разбился по своей вине вдребезги, причем сам остался невредимым и целым, а жена и дочь Леля — теперь на волос от смерти. Полоса отчуждения — это то, что одновременно и отделило его от среды и заставило глядеть на нее с некоей остраненной точки.

Все повествование развивается вокруг двух больничных кроватей в маленьком городишке Плавске, в нескольких сотнях верст от Москвы («Так мало оставалось!»), и сперва начинает казаться, что лишь самоуничижение героя, его нравственная мука, а также история болезни пострадавших (тяжелые переломы, ушибы) составляют содержание и форму этого на первый взгляд камерного произведения. Но это не совсем так.

Говорят: идеи, если им приспело время, витают в воздухе. От себя добавим, что они еще к тому же обязательно отражаются в искусстве, даже тогда, когда оно этих идей впрямую и не выражает. Повесть Михаила Годенко нельзя причислить к разряду литературных произведений, сегодня уже прочно заявивших себя темой «Человек и НТР», но соотношение, прочная живая связь с этой темой здесь налицо. Она составляет в «Полосе отчуждения» самое ткань повествования, его фабулу и в данном случае заявляет себя бедой, психологической и бытовой драмой человека, не умозрительно, но живой болью ощутившего последствия машинного века.

«Помню, — размышляет герой, — у дедушки была мышастая лошадка. На ней и пахали, и сеяли, и убирали... Она бережно носила меня на своей хребтистой спине, переплывала со мной речку, скакала по лугу. Если я падал, останавливалась передо мной, как вкопанная, — никогда не наступила ни на что живое.

Сейчас у меня машина. Я считал себя намного выше дедушки, считал себя всесильным властелином, которому подчиняется и время и пространство. И разбился! Мышастая не дала бы мне разбиться, она не железная, она живая, она понимала человека, а машина меня не поняла. Я тоже ее не понял. Мышастая кормила семью, машина объедает нас: на ее содержание, эксплуатацию, ремонт уходит пропасть денег! Мышастая удобряла землю, машина отравляет ее. Подсчитано, что, пробежав одну тысячу километров, автомобиль истребляет такое количество кислорода, которого хватило бы одному человеку на год. Я проехал не много — всего семьдесят тысяч километров. Не много проехал, но успел отравить целую человеческую жизнь».

Подобные признания, правда, несколько запоздалы, ибо все уже случилось.

Стиль «Полосы отчуждения» может показаться несколько напряженным, аритмичным, но он как бы подчинен психологически напряженному содержанию самой вещи и потому оправдан. Иногда «предгрозовая» атмосфера повести разряжается, становится прозрачной и лирической, например, там, где описан Крым, Карадаг, место жизни Максимилиана Волошина. Здесь другой мир, здесь чистый, сухой жар солнца, горы, степь, горячий ветер, море, и тот, кто приходит на могилу поэта, обязательно оставляет на красной гранитной плите отполированный волной камень — знак вечности и гармонии.

«Волошинская» главка — контрапункт, щемящая нота покоя и порядка, неожиданно врывающаяся туда, где царят теперь нравственный разлад и смятение.

Михаил Годенко поставил себе сложную задачу: проанализировать психологию и чувства своего героя в момент жизненного слома, если хотите, поворотной точки всей судьбы, ибо душевное перерождение здесь очевидно. Как будет дальше складываться эта судьба, нам неизвестно — финал повести, по сути, вопросителен. Однако и начало открывается вопросом: «Зачем я пошел на обгон?» Тот самый обгон, который подвергает риску не только физическое существование человека, но и его совесть.

А. БАСМАНОВ

Михаил Годенко. Полоса отчуждения. Повесть, «Наш современник», 1978, №№ 9—10.

О ПЕРЕЖИТОМ

На страницах размером, быть может, чуть крупнее листков настольного календаря вместилось на редкость объемное содержание. Выпущенная в серии «Писатель и время» книга принадлежит перу известного общественного деятеля Ал. Романова и посвящена полувековой истории десяти пятилеток. Но при этом, будучи построена во многом на материале личном, на воспоминании о событиях, пережитых самим автором (как раз полвека тому назад начавшим свою собственную журналистскую деятельность на первых стройках первой пятилетки), читается книга легко, с интересом. На мой взгляд, она являет весьма оригинальный образец сочетания гражданственного (порою научного) анализа политики и экономики, хозяйственных успехов страны с лирически задушевным, живым и теплым о них размышлением.

Крутой, напряженный путь, которым шла страна к нынешним дням, эпохе развитого социализма, был испытанием не только сил и воли молодого Советского государства и всего народа, но и каждого отдельного человека. Сегодня автор может с законной гордостью оглянуться на этот путь: он и сам шел по нему вместе с друзьями, первыми стахановцами, о чьих рекордах писал свои первые очерки. Недаром же он и доселе хранит свои первые беглые записки в журналистских блокнотах, первые напечатанные статьи... Но вовсе не к мемуарному жанру относятся сегодняшние публикации автора: он, писатель, остающийся боевым газетчиком, располагает и нынче такими же боевыми, оперативными материалами, свидетельствующими о «шагах саженьих» десятой пятилетки; материалами, полученными, как всегда, что называется, из первоисточника: на тех же заводских площадках, куда много лет назад являлся молодой журналист за информацией.

В апреле 1946 года Ал. Романов, например, писал в «Правде», что автомобильный завод в Горьком изготовил первые десятки необходимых стране грузовиков «ГАЗ-51»... А сегодня в парткоме завода автору рассказывают о миллионах выпускаемых здесь машин — грузовых и легковых, имеющих самую высокую международную оценку. Мы знакомимся с нынешними автозаводцами, и нам передается отношение к ним автора, который сердечно признается: «Я люблю этих людей — их, право же, нельзя не любить. Они создали великолепный завод, а завод, в свою очередь, создал их — создал такими, какими ныне их знает вся страна».

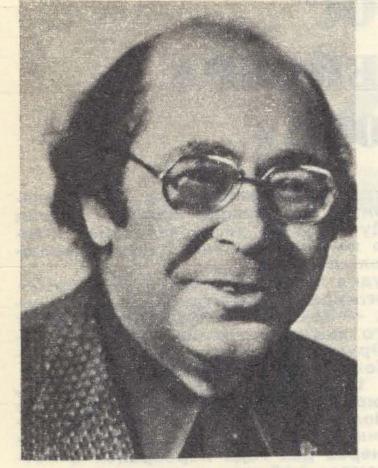
Приводя эти задушевные строки — ничуть не выпадающие из повествования, а, напротив, необходимые ему и вполне отвечающие его стилистике, — хочу еще раз обратить внимание на естественную, непринужденную интонацию авторского разговора с читателем. Она выдержана от начала до конца книги, маленькой по объему и формату, но большой по смыслу.

Н. ТОЛЧЕНОВА

Алексей Романов. По ступеням пятилеток. М., «Советская Россия». 1979. 96 стр.

АБДАРРАХМАН АЛЬ-ХАМИСИ

ГИМН СВОБОДЫ

Абдаррахман аль-Хамиси — крупнейший поэт современного Египта и всего Арабского Востока, один из зачинателей социалистического реализма в египетской литературе. Убежденный сторонник революционного обновления родины, он неоднократно подвергался арестам и гонениям как при короле Фаруке, так и после прихода к власти Садата; в последние годы Хамиси вынужден был покинуть страну и жить в изгнании.

Абдаррахман аль-Хамиси известен также как драматург и композитор, новеллист и кинорежиссер. Он ведет большую общественную работу, принимает активное участие в движении сторонников мира и в Ассоциации писателей Азии и Африки.

Хамиси — верный друг нашей страны.

●

Я воскликнул, цепями звеня:
— О свобода, раскрой мне объятья,
В этом мраке смогу устоять я,
Только искорку веры храня.
Так гори же в зрачках у меня!

Из-за черных решеток тянусь
Я на вольный простор, вопрошая
У безбрежности двух полушарий,
Отчего я в неволе томлюсь
И в цепях окровавленных бьюсь.

Небо, слышишь? Я твой соловей,
Звуки песен мне душу терзают.
Эти песни — крови солоней,
Пальцы бед и страданий играют
На печальной свирели моей.

О свобода, как часто на зов твой,
От соблазнов мирских отрешась,
Уносилась, ликуя, душа
К недоступной черте горизонта,
Смертоносных пустынь не страшась.

О свобода, в тюремном окне
Ты лучом мою мысль осветила;
Разбуди же и чувства во мне.
Дай простор для полета и силу,
Крылья дай, чтоб парить в вышине!

Вот я цепи постылые рву,
Одолев заточения беды,
И, гордясь долгожданной победой,
Обнимаю тебя наяву
И тобой, словно верой, живу.

Ты прекрасна. Во имя твое
Я бы кровь свою пролил. Без страха
На костер бы взошел и на плаху.
Ты — как песня. И в звуках ее
Жизнь сплетается с небытием.

Справедливости вечный маяк,
Ты идешь, как суровый судья,
По следам тирании и гнета,
И позорного рабства тенёта
Разрывает десница твоя.

Наступила бы счастья пора,
Если б только законы добра
Навсегда на земле воцарились,
И народы планеты добились
Для себя одинаковых прав.

Ты — бесценнейший дар бытия,
Тайна жизни, раскрытая миру,
И, тобой очарованный, я
Проносил свою скромную лиру
Там, где слышалась песня твоя.

Нет дороже тебя ничего:
Наверху неземного блаженства
Обретаю в тебе совершенство.
Ты — истоки труда моего.
Ты — биение пульса его!

ЧЕЛОВЕК

Что хочет сумасшедший ураган
От гордого, прямого человека?
Ему ль сломить того, кто судьбы века
В борьбе со злом
Поверг к своим ногам!
Он всколыхнул призывом
Шар земной,
Он в клочья изорвал завесу мрака,
И жизнь предстала сказочно иной,
С рассветным пеньем птиц,
С голубизной,
С надеждами, воскресшими из праха.
Он верой победит любую боль,
Без колебаний жертвуя собой,—
Над ним не властны
Пытки и гоненья.
Он воспевает счастье и любовь,
И песнь его
Звучит сквозь поколенья,
Поэтов вдохновляя вновь и вновь.
Он победит отчаянье и страх,
Грядущее земли — в его руках,
Разбитых в кровь в неистовом сраженье.
Стальная воля
Светится в глазах,
В душе горит
Огонь святого мщенья
За все страданья, беды и мученья
Родной страны,
Потопленной в слезах.
Сквозь пламя
По тернистому пути
Идя в порывах яростного ветра,
Он в опаленном сердце пронести
Сумел свою любовь
Росинкой светлой.
Пусть труден путь —
Он не замедлит шага
И пред врагами
Не опустит флага.

ГРЯДУЩАЯ ВЕСНА

Я унес тебя в сердце, Египет,
От родимых отплыв берегов,
Я укрыл тебя в нем от врагов,
Предрекавших нам скорую гибель.
На распутьях бессчетных дорог
Только верой своею безмерной
Я от скверны тебя уберег
И от рук торгашей лицемерных.

Пусть сейчас, тяжела и страшна,
Давит стужа на плечи народа —
Час настанет,
И снова весна,
Как всегда, не замедлит с приходом!

МЯТЕЖНАЯ НАДЕЖДА

Египет!
Ты живешь в душе, как звук
Рыдающей мелодии мавваля[1],
Как пытка нескончаемой печали...
О, если б слезы пролитые вдруг
Для родины живою влагой стали!
Я верю — муки приняты не зря,
Я вижу: долгожданная заря
Полотнище над миром поднимает,
И мой Египет цепи разрывает,
И богатырской поступью шагает
К рассвету
Через горы и моря.
О родина!
Сквозь слезы и печаль
Для всех, лишенных крова и одежды,
Ты озаряешь пасмурную даль
Зарницей полыхающей надежды.
Да сгинут годы мрака, как межа,
Распаханная плугом мятежа!

ВЫСВОБОЖДЕНИЕ

Я вытопил слезы,
Как чистый янтарь,
Из сердца, сведенного лютою болью.
Они окропили собою алтарь
Тех мыслей и чувств,
Что зовутся судьбою.
Мой храм был воздвигнут на этих слезах,
Греховным он выглядел
В чьих-то глазах,
Но я эту стену неверья разрушил
И истину внес
В их смятенные души.

Я — певчая птица!
Страданья и муки
Летят над землею напевом любви,
Исполнены нежности чудные звуки,
Рожденные ритмом горячей крови.
О жизнь!
Я проникся к тебе обожаньем,
Сады твои тенью меня окружали,
Мне солнце светило,
И звезды дрожали,
Как блестки
На черной трепещущей шали.
Задумчивый мрак,
И сияние утра,
И море в волнистой игре перламутра —
Все это навеки вошло в мою душу,
И связь сокровенную я не нарушу.
Просторы небес в пестроцветном
убранстве
Зовут меня в даль неизведанных
странствий,
Ночами короны созвездий хмельных
Горят для меня
В волосах их густых.

О ночь!
Сколько раз я к тебе припадал,
Шатаясь от звуков
Пьянящей свирели,
Как часто я солнечный свет изумлял
Волшебным напевом,
И росы горели,
Когда над лугами мой голос звучал.
Цветы в хороводе послушном сплетались,
Навстречу заре лепестки раскрывались,
И песня летела,
Как птица крылата,
Влекомая волнами их аромата.
Спросите у страсти о песнях моих,
Спросите у радости и у печали,—
Они изначальны, как мир изначален,
Живые, звучали они для живых.
Малейшая черточка жизни земной
Себя обретала в звучании этом,
Я был им захлестнут,
Как гулкой волной...
Нельзя запереть за решеткой стальной
Стихию свободного духа поэта!
Так песни мои не боятся свинца,
Им жадно внимают людские сердца,
Они, словно лавы поток раскаленный,
Во тьме прожигают свой путь непреклонно.

Перо!
Я покорно внимаю тебе,
Пусть радость и муки
В строке оживают
И вечно для всех поколений сияют,
Как памятник страшной и сладкой судьбе.
Я кровью своею тебя напоил,
Тобою взлелеяно чувств многоцветье,
Я пел обо всем, как умел,
Но ответь мне:
Изменой хоть раз я тебя осквернил?
Я вижу — жиреют бездушные туши,
Таясь пауками по пыльным углам,
Они норовят паутиною душной
Опутать, как саваном, наши тела.

[1] Мавваль — музыкальный инструмент.

Тупою, чудовищной глыбою мяса
Ползет по планете их тяжкая масса.
Но солнце сияет,
Струится река.
Смогли ли они осушить ее воды?
Смогли ли они разметать облака
И выпачкать грязью лицо небосвода?
Иль солнце сумели они погасить
И жизнь задержать в ее шествии вечном,
Иль в пепел сумели они превратить
Горячее сердце в груди человечьей?
Их ярость бессильна,
Они не запрут
Те чувства, что в мыслях и сердце живут!
Я прочь отшвырнул одеянье льстеца,
Оно, словно саван, мне давит на плечи,
Пусть ими я буду убит, искалечен,
Но песню мою допою до конца.

И, словно в награду за муки певца,
Сорвались с предметов
Фальшивые маски,
И жизнь убрала покрывало с лица,
И в мире зажглись небывалые краски.
И снова меня ощущенья влекли
За зыбкую грань повседневности тленной,
И снова сомненья терзали и жгли
Мне душу,
И я уносился с земли
В туманный простор
бесконечной Вселенной.
О жизнь!
Я пришел к твоему алтарю
С молитвой любви, обожанья и счастья,
И песню простую свирели звучащей
Я, словно любимой, тебе подарю.

Равнины,
Люблю ваш волнистый простор,
Люблю вас, долины и горы седые,
С луною делю я скитанья ночные,
А утром зари разжигаю костер.
Вот в легкое облако я превратился
И в птицу, несомую парою крыл,
Вот дождиком легким я проморосил...
Я весь этот мир
Сквозь себя пропустил,
И радугой радостной он заискрился.
Свобода!
Собою меня напои,
Хмелею от счастья, владея тобою,
Лечу в беспредельность,
А там, за спиною —
Лишь тюрьмы,
Да стражи,
Да цепи мои.

НА БЕРЕГУ МОРЯ В АЛЕКСАНДРИИ

О сладость улыбки!
О моря чарующий ритм!
Я знаю, иные рассудка
В любви не теряют.
Но эти глаза...
Но огонь, что под кожей горит,
Сжигает мне душу
И светом весь мир озаряет...
Молю о пощаде —
Так жарок очей твоих хмель,
Молю о пощаде
И плачу, о встрече тоскуя.
Когда бы не ты —
Не рыдала бы эта свирель,
Напевом мучительным
До крови сердце бичуя.
Раскинулось море,
В вечернее впав забытье,
И радостный берег
В лучах догорающих млеет,
В ликующем мире
Лишь бедное сердце мое
У кромки прибоя
Обугленной птицей чернеет.
О, если б я мог хоть однажды,
Подобно отливу,
Вернуться к утраченным дням,
Безмятежно-счастливым!
Лечу зачарованно
В пламя твоей красоты,
Обнявшей весь мир,
Озарившей чертог его темный
Весенней зарницей.
Отныне судьба моя — ты,
Лесная певунья,
Живущая в кронах сплетенных.
Я — твой,
Я волшебными звуками флейты моей
Тебя очарую...
Ты слышишь — я полон печали,
Она неразлучна со мной
До конца моих дней.
Длинна моя ночь.
Одиночества мрак нескончаем.

РУБАЙЯТ

●

Углем была темнота, но, зарей подожженный,
Угль запылал. И увидел наш взор изумленный
Сущность вещей, и, прозревшие, поняли мы,
Что красота — это лик бытия отраженный.

●

Спросили: кто лучше из двух королей?
Ответьте сначала, который подлей?
Где легче погибнуть — в петле иль на плахе?
Намного ль умней дурака дуралей?

●

Коль недоумок царствует подчас,
В невежество, как в тогу облачась,
Мы виноваты в том, что покорились
Ничтожеству, дурачащему нас.

●

Когда я погружен в любви очарованье,
Нисходят на меня прозренье и познанье,
Становится душа прозрачней и мудрей...
Не знавшие любви — мертвы, как изваянья.

●

Едва лишь жизнь пред нами расцвела,
И дивная мелодия влекла
Пригубить, как вино, любовь и радость,—
Смерть друг от друга нас оторвала.

●

О врачеватель, укажи лекарство от печали!
Когда бы женские глаза ее причиной стали,—
Любую боль перенести я смог бы в отдаленье,
Тоску по родине моей ты вылечишь едва ли.

●

Я вспомнил нашу яблоню: она
Зимой в небытие погружена,
Но воскресает с вешними лучами...
Нам, людям, эта участь не дана.

●

Приходим в мир — все те же ветры в нем,
Долины зеленеют под дождем,
Стоят веками скалы, не старея...
А мы через мгновение умрем.

●

Мой друг сидел в саду, напоминая мне
Лишь крошечный мазок на ярком полотне.
Но вот он побежал — и жизнь вдохнул в картину,
И сад очнулся вдруг, как от толчка извне.

●

О удивленность вечная моя,
В бескрайнем море — верная ладья,
Ты светишь мне во тьме, и я владею
Ключом к сокрытым тайнам бытия!

●

Скажи, зачем счастливый взор слезой туманится порою,
И радость в краткий миг любви бывает смешана с тоскою,
Зачем лохматых туч табун на свет зари ненастье гонит?
Затем, что радость и печаль нераздельны меж собою.

●

Сколько лет мне? Двенадцать часов!
Каждый день я, как мир этот, нов,
Я и завязь и плод поколений.
Сколько лет мне? Десятки веков!

Перевел с арабского
Сергей ГОЛУБЕВ.

МАТРОС С КРЕЙСЕРА «АВРОРА»

Супертраулер, построенный на николаевском судостроительном заводе «Океан», назван «Константин Душенов» в честь человека, который всю свою жизнь посвятил флоту, революции, партии большевиков.

На спуск судна приезжали сын Душенова — Юрий Константинович, капитан I ранга в отставке, и внук — Константин Юрьевич, курсант Ленинградского высшего военно-морского училища имени Фрунзе. Они рассказали много интересного о Константине Ивановиче.

Родился он 10 августа 1895 года в бедной, многодетной крестьянской семье, в деревне Ивановское, Вологодской области. Двенадцатилетним мальчиком ушел из дома на заработки в Вологду, а через два года перебрался в Петроград и устроился рабочим химических складов. Знакомство с большевиками, чтение запрещенных газет, прокламаций определили его дальнейший путь. К моменту призыва на действительную службу в Балтийский флот в 1915 году он уже хорошо разбирался, какая из партий защищает интересы рабочих и крестьян.

Матроса Душенова сначала определили в Кронштадтский экипаж на обучение, а потом направили на транспорт «Русь». Следующим местом службы стал крейсер «Аврора», где его избрали членом судового комитета.

Константин Иванович участвовал в штурме Зимнего дворца, был связным между судовым комитетом крейсера «Аврора» и Смольным — штабом революции. Когда Зимний дворец был взят, матросу Душенову поручили отправить в крепость арестованных министров Временного правительства и возглавить охрану дворца.

В 1918 году Константин Иванович стал членом партии большевиков.

Во время гражданской войны моряк с «Авроры» сражался в рядах Волжской военной флотилии, затем командовал Саратовским и Астраханским военными портами. За большое мужество и отвагу командующий Волжской флотилией наградил его именными золотыми часами. После окончания гражданской войны Совет Труда и Обороны назначил Душенова особо уполномоченным по углублению фарватера Волги, чтобы ускорить доставку в глубь страны бакинской нефти. Задание было выполнено.

Учился К. И. Душенов в Военно-морской академии, служил на кораблях Балтийского флота, был начальником штаба морских сил Черноморского флота.

Когда наша страна начала создавать на Севере свой флот, в 1935 году командующим Северной военной флотилией, позже преобразованной в Северный флот, был назначен К. И. Душенов.

Флагман I ранга К. И. Душенов много вложил силы и энергии в строительство Северного флота. Ведь приходилось оборудовать причалы, строить дороги и жилые дома. И все это в труднейших условиях Заполярья.

Командующий флотом проявлял большую заботу о быте моряков и их семей. По его указанию на Север завезли коров, чтобы дети могли пить свежее молоко, а для выращивания зеленого лука и других овощей были построены теплицы.

В декабре 1935 года К. И. Душенов был награжден орденом Красной Звезды, а в марте 1938 года — орденом Красного Знамени. Среди моряков Северного флота и жителей Мурманской области К. И. Душенов пользовался огромной популярностью, он был депутатом Верховного Совета СССР первого созыва.

Жители города Североморска назвали одну из центральных улиц города его именем и избрали К. И. Душенова первым почетным гражданином города.

Сейчас супертраулер «Константин Душенов» находится в своем первом промысловом рейсе. Бороздя моря и океаны, он с честью несет на своем борту флаг нашей Родины и доброе имя ее славного сына.

С. ГАРБУЗОВ,
инженер завода «Океан»

Николаев.

К. И. Душенов, матрос крейсера «Аврора».

К. И. Душенов, флагман I ранга, командующий Северным флотом.

Возвращение резидента

Олег ШМЕЛЕВ
Владимир ВОСТОКОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

Линда Николаевна завернула в вощеную бумагу половину сваренной курицы, сделала несколько бутербродов и налила в термос крепкого чаю. Она хотела положить все это в свой старый кожаный портфель, но Брокман сказал, что с портфелем неудобно, и она дала вместительную клеенчатую сумку.

Брокман взял с собой тяжелый железный секач, который Линда Николаевна употребляла для разделки мяса, а пока она ходила на кухню, он вынул из нижнего ящика стола коробку с батарейками и положил ее на дно сумки. «Спидолу» он тоже взял.

Полдень застал Брокмана в районе села Пашина, на опушке густого леса, километрах в полутора от шоссе.

Секачом он снял верхний слой земли в развилке между корнями стоявшего особняком дуба, вырыл глубокую ямку и положил в нее коробку с батарейками. Потом засыпал, уложил дернину на место, оставшуюся землю собрал на газету, отнес в сторону и разбросал.

Сколько он ни смотрел, разыскивая им самим только что заложенный тайник, никаких следов обнаружить не смог. Он сфотографировал несколько раз дуб и подходы к нему.

Отойдя от дуба подальше, он сел в тени, съел курицу, запил чаем из термоса и пошел к шоссе. Двухчасовой автобус привез его в город.

Больше Брокман ни разу не покидал дом Линды Николаевны. По-прежнему они вечерами занимались каждый своим любимым делом — она смотрела телевизор, он слушал радио, а за завтраком, обедом и ужином разговаривали о том о сем.

Однажды зашла речь о городе К., и Брокман спросил, нет ли там у Линды Николаевны родственников или друзей. Нет, таковых не оказалось. У нее нигде не было родственников, все давно умерли, а друзей она не заводила.

Тогда Брокман попросил объяснить, как можно на два-три дня устроиться с жильем в городе К., если человек не хочет идти в гостиницу. Линда Николаевна не была специалистом по этой части, но высказала предположение, что лучше всего потолкаться возле какой-нибудь гостиницы, там наверняка бывают люди из местных жителей, сдающих комнаты приезжим, так как в гостиницах любого города во все времена года постоянно висит табличка «мест нет», и это служит газетным фельетонистам дежурной темой.

Из разговора Линда Николаевна поняла, что ее Иван (у нее, между прочим, язык не поворачивался называть Брокмана Иваном, и она утешала себя тем, что это, без сомнения, не его настоящее имя) не будет вечно сидеть в четырех стенах.

Движение наметилось в субботу, 27 мая.

Вечером, как всегда, Брокман через наушник слушал радио, а Линда Николаевна смотрела телепередачу. По окончании программы «Время» она выключила телевизор и пошла в кухню — ей захотелось чаю. Тут же к ней присоединился и Брокман.

Электричества они не зажигали — еще горели над городом малиновые отсветы заката. Лицо Линды Николаевны в этом мягком, рассеянном, не дающем теней свете выглядело молодым, и Брокман вспомнил ее портреты, которые ему показывал Монах.

Он попросил ее прикрыть окно. Потом сказал:

— Завтра вам придется съездить в Москву.

— С удовольствием,— согласилась Линда Николаевна. По тону Брокмана она чувствовала, что начинается нечто серьезное, и обрадовалась.

— Вы знаете Большую Бронную улицу?

— Конечно.

Он назвал номер дома и продолжал:

— Войдете в подъезд. Там внутри над дверью, на уступе, будут лежать ключи. Возьмете их.

— И все?— весело удивилась Линда Николаевна. Она и в самом деле готова была к чему-то трудному, даже отчаянному.

Брокман не разделял ее повышенного настроения.

— Надо очень осторожно,— сказал он.— Возьмите сначала такси, покатайтесь. Оглядываться не обязательно, но проверьте, чтобы никто за вами не шел.

— Вряд ли будут за мной следить. Я четверть века сижу в норке тихо-тихо.

— Я говорю про обратный путь тоже. Чтобы от дома на Большой Бронной за вами никто не пошел.

— Понимаю.

Вот таким образом Линда Николаевна послужила дополнительным предохранителем в цепи, так старательно оберегаемой от короткого замыкания.

Она привезла Брокману три ключа, завернутых в какую-то записку. Это было в воскресенье. А в понедельник, 29 мая, он велел ей отправиться в Москву и купить для него билет на поезд до города К. Линда Николаевна сказала, что можно взять и на самолет, хотя там тоже придется постоять в очереди, но Брокман настаивал на поезде, не объясняя при этом, что услугами «Аэрофлота», который своих пассажиров обязательно регистрирует по паспорту, ему пользоваться нельзя.

Сезон летних отпусков уже набрал силу, и в железнодорожных кассах столицы было вавилонское столпотворение. Линда Николаевна уехала в девять утра, а вернулась в девять вечера с билетом на скорый поезд на 4 июня.

Она нашла Брокмана встревоженным и недовольным. Оказывается, без нее приходил какой-то человек.

Брокман был в своей комнате, когда услышал, как хлопнула калитка. Он знал, что у соседей в это время пусто — взрослые на работе, дети с утра убегают на речку, потому что стоит сушь и жара, а в пионерлагерь они уедут в июне.

Мужской голос негромко позвал: «Линда Николаевна! Линда Николаевна!» А потом, не дождавшись ответа, этот человек пошел в обход дома и по пути заглядывал в окна. Увидев, наконец, Брокмана, он поздоровался и извинился за вторжение. Вижу, говорит, все окна настежь, а никто не откликается. Поэтому решил посмотреть, не в саду ли хозяева. Когда Брокман сказал, что Линда Николаевна уехала по делам в Москву, человек просил передать, что приходили из редакции городской газеты. Одна машинистка у них в отпуске, другая заболела,— так они хотели узнать, не выручит ли Линда Николаевна.

Ничего необычного в этом не было. К ней обращались с подобными просьбами не первый раз и не только из редакции — нехватка машинисток в последние годы сделалась хронической.

Но этот довод не убедил Брокмана. Ему показалось, что посланец редакции был излишне любопытен — совал нос со двора во все комнаты, будто что искал.

Это тоже было естественно — ведь он искал ее,— но Линда Николаевна попросила описать внешность приходившего. Приметы не совпадали ни с кем из тех, кого она знала в редакции.

Вот почему эту ночь оба они, хозяйка и жилец, спали плохо. А наутро, не помыв даже посуду после вялого завтрака, Линда Николаевна отправилась в редакцию.

Ответственный секретарь встретил ее как избавительницу. Да, да, они посылали к ней с нижайшей просьбой помочь и надеются, что она, как всегда, выручит их в трудную минуту. «А я думаю, кто же это приходил,— между прочим заметила она,— как будто незнакомый кто-то». Да нет же, это их старый заведующий хозяйством, которого Линда Николаевна прекрасно знает. Просто он два месяца как бросил курить и вот поправился, растолстел так, что ни одна одежка не лезет, весь гардероб менять надо.

Линда Николаевна взяла кипу рукописей и ушла, обещав отстучать все к завтрашнему утру.

Ее рассказ о походе в редакцию успокоил Брокмана.

Линда Николаевна, прибравшись в кухне, села за свою бесшумную электрическую машинку с широкой кареткой.

На следующий день им предстояло расстаться ненадолго — на три-четыре дня, как уверял Брокман. Поезд отправлялся из Москвы в 21.40.

Линда Николаевна прикинула, что успеет, не торопясь, приготовить ему на дорогу кое-какую закуску.

...В воскресенье, 4 июня, Брокман выехал в город К. Он взял старый кожаный портфель Линды Николаевны, в который положил «Спидолу».

Глава 20

ТРИ ЛИСТА ИЗ УЧЕНИЧЕСКОЙ ТЕТРАДИ

Последние полгода Николай Николаевич Нестеров был занят тем, что он называл своим основным фондом, то есть чисто научной работой. Ради этого он даже отошел на время от преподавательской деятельности, которую очень любил, и попросил на целый семестр освободить его от лекций. Проблема, которая не давала ему покоя вот уже лет десять и за решение которой он то брался вплотную, то, почувствовав тщету очередной попытки, откладывал до лучших времен,— эта проблема наконец-то начала ему раскрываться, и он,

Продолжение. См. «Огонек» №№ 17—29.

с головой захваченный поиском наиболее экономных решений, ведущих к цели кратчайшим путем, работал почти как в лучшие свои годы, вновь ощущая прежнюю одержимость. Его мысль и дух жили самой полной жизнью. Естественно, все это было глубоко внутри, в герметично упакованном вместилище мысли. И так же естественно, что, целиком поглощенный этой внутренней работой, Николай Николаевич совершенно не вникал в происходящее вокруг. Он не всегда внимал даже голосу жены, приглашавшей к обеду.

Тем не менее, когда Ольга Михайловна рассказала мужу, что произошло с подругой их дочери, Николай Николаевич испугался.

— Боже, какое несчастье,— сказал он кротко.— Но почему это случилось именно с ней? Такая славная девочка...

— Все они славные,— отрезала Ольга Михайловна.— Лучше посмотри-ка сюда.— Она жестом разгневанных античных героинь показала на середину комнаты, где на полу аккуратно были разложены кофты, юбки, платья, шарфы и прочие предметы женского туалета.

Разговор происходил в комнате Галины, которая в данный момент отсутствовала, вызванная в милицию. А перед тем Ольга Михайловна произвела генеральный осмотр всей квартиры, в том числе и кабинета Николая Николаевича, чего он и не заметил, и извлекла из шкафов, столов и секретера вещи, спрятанные дочерью от ее глаз.

Николай Николаевич, поправив очки, посмотрел, следуя указующему персту жены.

— Прости, моя дорогая... Это какие-то образцы.

Тут Николай Николаевич наконец уразумел, что жена по-настоящему взволнована, она даже перестала контролировать мимику своего лица.

— Глупец! Это наряды твоей обожаемой дочери.

— Ну и что же? Она хочет их выбросить?

— Кажется, это я их выброшу.

— Не понимаю, дорогая... Какая связь?

Ольга Михайловна сделала глубокий вдох и спросила более спокойно:

— Не ты ли покупал ей эти дорогие тряпки?

— Помилуй, ты же знаешь, я совсем не разбираюсь в дамском конфекционе.

— Ну да, ты просто даешь ей деньги. Тайком от меня. И вот результат.

— Если девочке нравится одеваться получше... гм-гм... поразнообразнее, что ли... помоему, нет ничего предосудительного... Ты сама...

— Не обо мне речь,— остановила его Ольга Михайловна.— Ты слепец.

— Почему ты так сердишься?

— Почти все это я нашла у тебя в кабинете. Она прятала от меня. Тебе это нравится?

— Но сделай одолжение, объясни, пожалуйста... Ведь ты говорила об этой бедняжке... Как соотнести одно с другим?

— Скажи честно, ты знал об этом складе у тебя в кабинете?

— Впервые вижу.

— Значит, она скрывала и от тебя.— Ольга Михайловна прикусила губу и задумалась. Потом продолжала упавшим голосом: — Значит, все это еще хуже, чем я думала.

— Но что хуже и что ты думала? — искренне озабоченный, спросил Николай Николаевич.

— Когда все чисто, человеку нечего скрывать. Я давно подозревала, эта Светлана затянула нашу дочь в какие-то свои темные делишки. Она же торговый работник. Вот и доторговалась.— Ольга Михайловна встала, нервно хрустнула пальцами и прошлась вдоль стены.— А наша-то растяпа! Телка несчастная! Скотина безрогая!

— Помилуй, Оля, зачем же ты так? — Николай Николаевич всегда смущался, если его супруга в сильном расстройстве вдруг забывалась и помимо воли употребляла лексикон своих молодых лет, когда она еще не обручилась с ним, академиком Нестеровым.

— Ты все сюсюкаешь, а тебе бы выпороть ее вожжами — был бы прок.

— Но у нас в доме нет вожжей,— стараясь вернуть ее из сферы несбыточных пожеланий на рельсы реального, мягко сказал Николай Николаевич.— Ты считаешь, тут какая-то криминальная история?

— Наше счастье, если не так. Галина сама ни на что такое не способна, но откуда нам знать, чего там натворила эта Светлана? Я только уверена — эти проклятые вещички скомбинировала она.

Ольга Михайловна, будучи не совсем справедливой по отношению к Светлане Суховой, и не подозревала, насколько в общем-то была близка к истине, ставя в связь лежавшие на полу дорогие наряды и несчастье, случившееся со Светланой, несчастье, поставившее семью Нестеровых в совершенно неподобающее положение — вплоть до того, что их дочери оказывает специальное внимание уголовный розыск. А если бы ей был известен подлинный источник всех этих модных тряпок, у нее, вероятно, разыгралась бы мигрень, от которой мог бы расколоться земной шар, не говоря уже о ее слабой, многострадальной голове.

— Ты намерена их выбросить? — высказал догадку Николай Николаевич, кивнув на вещи.

— Хочу облегчить работу милиции.

— Неужели дело зашло столь далеко?

— Во всяком случае, пока мы тут рассуждаем, наша тихоня дает показания в угрозыске. Могут и с обыском прийти.

Видя, что муж взялся рукой за сердце, Ольга Михайловна побежала в спальню и принесла из своей замечательно богатой аптечки баллончик с валидолом. Отвинчивая крышечку, она мимоходом (мысленно) похвалила себя за то, что благоразумно не сообщила мужу о перстне, принесенном однажды Галиной и купленном за смехотворно недорогую цену. Этот перстень она швырнула сегодня дочери под ноги, приказав отдать прежней владелице «за так», без возврата денег, чтобы и духу его в доме не было.

Николай Николаевич от валидола отказался. Справившись с минутной слабостью, он спросил:

— В чем ее обвиняют?

— Ни в чем, не волнуйся,— поспешила успокоить Ольга Михайловна.— Им же надо побеседовать с Галиной. Как-никак лучшая подруга. Сделать тебе кофе?

— Да, пожалуйста. Но ты уверена?..

— Она скоро вернется. Этот следователь, что звонил, сказал: на час, не больше. Не будем терзать себя напрасно. Придет — расскажет. Не она же ударила Светлану.

— Но, может быть, нам надо поговорить с милицией? Раскрыть им облик нашей дочери...

— Посмотрим, чего они хотят. Если начнутся глупые придирки, тебе придется вмешаться. А вообще нам надо немедленно уехать.

Николай Николаевич виновато развел руками.

— Но это так некстати... У меня много начато...

— Я говорю о нас с Галиной. Ты можешь не ехать.

— Ты имеешь в виду Алушту?

— Конечно.

Возвращение Галины после ее беседы с Орловым и Семеновым уже само по себе возымело успокаивающее действие на встревоженных до крайности родителей. А сообщение о том, что милиция вовсе не против ее отъезда в Крым, вернуло им душевное равновесие — если не в полной мере, то в значительной.

Вопрос с отъездом был решен немедля. Надо было кое-что сделать, кое-что купить, поэтому отъезд назначили на субботу, 3 июня. Николай Николаевич позвонил своему секретарю и попросил устроить два билета на самолет. Ольга Михайловна велела Галине уложить валявшиеся на полу вещи в старый чемодан и поставить его в темную комнату-кладовку (окончательную их судьбу она собиралась определить и объявить после), а сама сходила к Васе — так они звали Василису Петровну, старую няню Галины и домработницу,— которая по случаю приезда к ней в гости собственного сына с семьей из Смоленска взяла себе отпуск. Добрая Вася согласилась дважды в неделю захаживать на квартиру для готовки и уборки, чтобы Николай Николаевич не одичал на холостяцком раздолье.

В субботу, 3 июня, Ольга Михайловна с дочерью улетели в Крым утренним симферопольским самолетом.

Николай Николаевич, с плохо скрываемым удовольствием проводив их, эгоистически предвкушал, как продуктивно сумеет он использовать свое благословенное домашнее одиночество. Но все его виды на покой рухнули в тот момент, когда он, приехав из аэропорта, клал в свой маленький несгораемый ящик, встроенный в секретер, незаметно переданный ему дочерью перстень. Галина ничего ему не смогла объяснить в присутствии повышенно бдительной матери, шепнула только: «Спрячь, пожалуйста». И он считал себя обязанным свято исполнить просьбу, не вдаваясь в причины, побуждавшие его дочь отдать ему на хранение драгоценную безделушку. Ему доверена тайна — дело его чести блюсти ее. Он бы презирал себя, если бы мог рассуждать иначе.

Он не успел закрыть ящик, когда зазвонил телефон.

Очень вежливый голос сказал:

— Это Николай Николаевич?

— Да, слушаю.

— Извините, что беспокою. Меня зовут Павел Синицын. Я работаю в Комитете госбезопасности.

Николай Николаевич хотел сказать «очень приятно», но счел это вычурным, не подходящим случаю. Он сказал:

— Чем могу быть полезен?

— Мне нужно с вами встретиться. Вы сейчас свободны?

— В данный момент да.

— Разрешите мне прийти?

— Конечно, прошу вас.

— Я буду через пятнадцать минут.

Положив трубку, Николай Николаевич подумал, что отменная вежливость этого молодого, судя по голосу, человека не мешает ему быть настойчивым. Потом он подумал, что этот звонок непременно имеет какое-то отношение к печальной истории, о которой он узнал от жены.

Когда Николай Николаевич открыл дверь и увидел перед собой действительно молодого человека, глядевшего на него внимательными голубыми глазами и ждавшего приглашения войти, приготовленный им официозный тон как-то не получился. Он сказал просто, по-домашнему:

— Вы ведь Павел Синицын? Прошу, прошу.

Павел улыбнулся, вошел, сам прикрыл дверь и сказал:

— А вы открываете настежь и даже не спрашиваете, кто?

— Но я ждал вас,— возразил Николай Николаевич.— Идемте сюда.

Павел следом за хозяином прошел в гостиную, спросил на ходу:

— Квартира у вас не заблокирована?

— Что? — не понял Николай Николаевич.

— Я говорю, к автоматической сигнализации не подсоединена?

— А-а... Нет, представьте себе. Всегда кто-нибудь дома.

— Ну и хорошо,— отметил Павел.

Николай Николаевич показал на кресла у низенького столика в углу. Но, прежде чем сесть, Павел протянул ему свое служебное удостоверение.

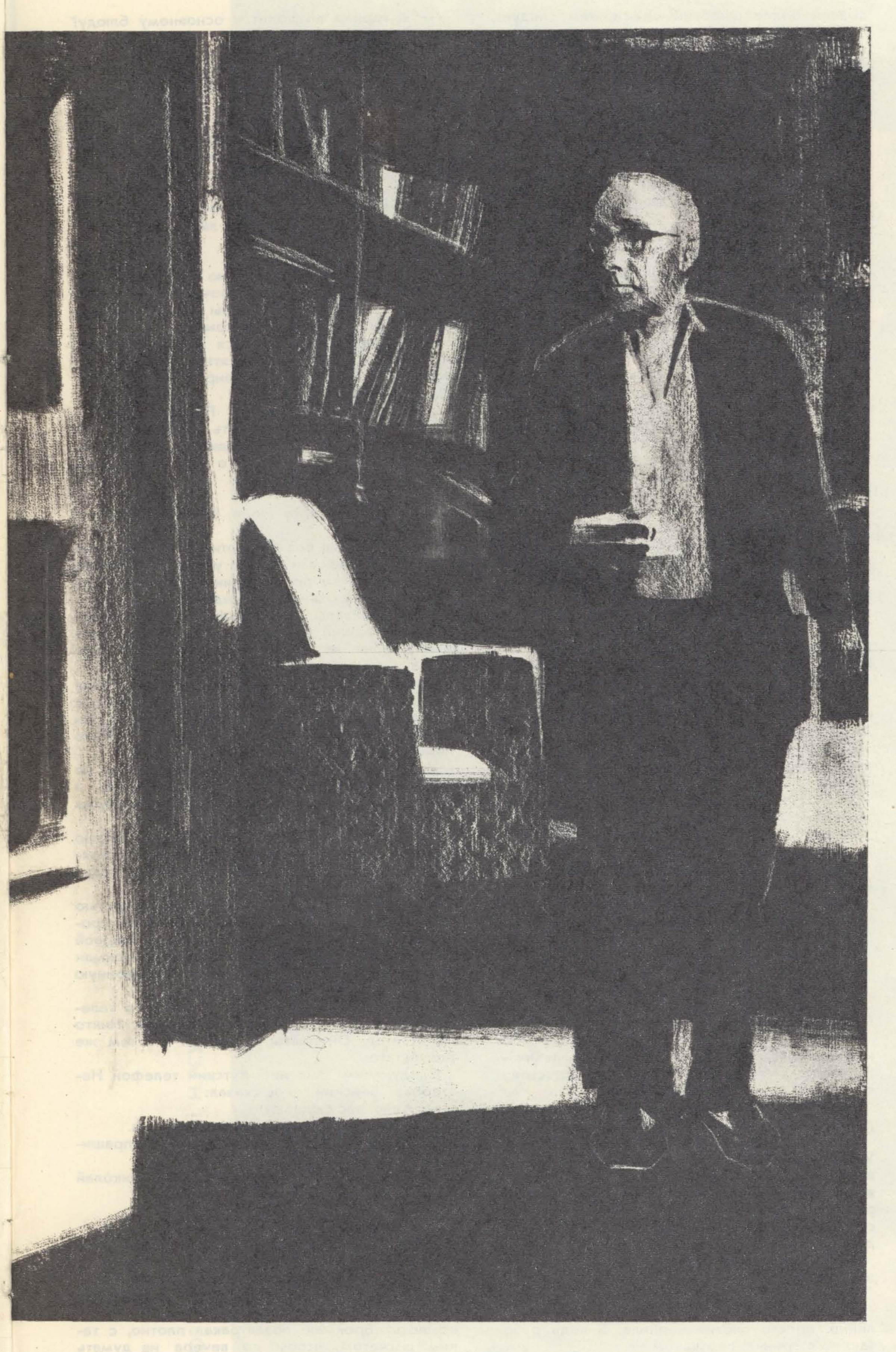
— Хоть вы и не спрашиваете у меня документов, но все-таки поинтересуйтесь.

— Ну что ж, из чистого любопытства, так сказать...— Николай Николаевич подержал книжечку в руках и вернул Павлу.— Никогда не видал ваших удостоверений.

Следуя примеру хозяина, Павел сел и весело сказал:

— Знаете, Николай Николаевич, можно смело утверждать: если бы существовало всесоюзное общество беспечности, вы могли бы в нем занимать пост президента. Ну, на худой конец — вице.

Оценив шутку, Николай Николаевич рассмеялся, но он понимал, что сказано это не из одного желания пошутить. Он всегда с глубоким уважением относился ко всем без исключения людям, исполняющим свой профессиональный долг, о какой бы профессии ни шла речь, и никогда не позволял себе ни малейшего пренебрежения к вещам, в которых сам был дилетантом. Он вообще не делил людей по признаку образования или занятий, не видел никакого принципиального различия между, скажем, физиком-теоретиком и человеком, делающим табуретки. И тот и другой может быть настоящим работником или шарлатаном. Шарлатанов Николай Николаевич не считал нужным даже презирать, они для него были пустым местом, дыркой от бублика, он называл их сокращенно РВД, что значило «рыцари вечного двигателя».

Сейчас Николай Николаевич чувствовал, что разговаривает с человеком, относящимся к своему делу серьезно. Поэтому он счел всякие околичности неуместными.

— Итак, чем я могу быть вам полезен?

— Нам с вами надо многое обсудить. Разрешите покороче?

— Чем короче, тем лучше.

— Но сначала я все же сделаю общее заявление,—снова улыбнувшись, сказал Павел.— Необходимо, чтобы вы знали: мы действуем в наших общих интересах.

— Не сомневаюсь.

— В таком случае я буду предельно откровенен, но если вам покажется, что я о чем-то умалчиваю, не осуждайте.

— Я все пойму, не беспокойтесь.

— Я знаю, ваша жена и дочь улетели сегодня в Крым. Но ведь у вас есть домработница?

— Вася? Она взяла отпуск. Оля условилась, Вася будет приходить дважды в неделю.

— Желательно это отменить. Вы можете ей сказать, чтобы она не приходила?

— Могу, конечно, но она меня не послушает,— убежденно заявил Николай Николаевич.

— Хорошо, можно, я сам поговорю с ней? Где она живет?

Николай Николаевич сходил в спальню, принес записную книжку жены, отыскал адрес Василисы Петровны. Павел переписал его и продолжал:

— Теперь два главных дела. Вы сможете уехать из города, Николай Николаевич? Как вы на это смотрите?

— Не хотелось бы,— признался Николай Николаевич.

— Я думаю, это ненадолго. Вам ведь для работы никаких приборов не требуется?

— Кроме головы,— проворчал Николай Николаевич.— А далеко ли ехать?

Павел, поняв, что с этим щекотливым делом все в порядке, обрадовался.

— Тут рядом, километров пятьдесят. Там прекрасные условия. Никто не помешает вам работать.

— И когда же?

— Прямо сегодня. Крайний срок — завтра. Но лучше сегодня.

Николай Николаевич покачал головой.

— Однако!

— Хорошо, можно завтра. Вы уж простите. Но это совершенно необходимо, уверяю вас,— горячо произнес Павел.— Мы не стали бы вас так настойчиво беспокоить, если бы имели другую возможность.

— Понимаю. Но мне надо собраться...

— Лишнего не берите. Как в короткую командировку.

— Когда вы перешагнете за шестьдесят, ни одна командировка не покажется вам короткой,— меланхолически заметил Николай Николаевич.— Но как все это организуется? Что будет с квартирой? Меня же супруга подвергнет жесточайшему остракизму. Тут все мхом зарастет...

— Не беспокойтесь. Вася после постарается. Супруга ваша еще не скоро, наверное, вернется. А за квартирой будет хороший надзор, замков никто не взломает.

— Надеюсь. А как мне ехать?

— Вас отвезут и привезут. И я действительно уверен — это совсем ненадолго. Может быть, на несколько дней.

— Уговорили. Что еще?

Павел вздохнул. Была у него такая неконтролируемая привычка, или, лучше сказать, условный рефлекс: приступая к трудному вопросу, он набирал полную грудь воздуха, словно готовился к глубокому погружению. Сейчас был именно такой ответственный момент.

— Скажите, Николай Николаевич, работа, которой вы сейчас занимаетесь, еще далека от завершения или ее можно считать в основном готовой?

— Вы знакомы с физикой, с математикой?

— Только в пределах школы.

— Тогда вы ничего не поймете.

— Но в общих чертах — на каком вы этапе?

— На всех сразу.— Николай Николаевич, когда дело касалось его работы, даже с коллегами не любил рассуждать «в общих чертах». Он не считал нужным смягчать тон, если сознавал бесполезность разговора.

Однако Павел был к этому готов. Он объяснил:

— Нам известно, что вы нашли важные решения. Но их еще недостаточно, чтобы решить проблему в целом. Вам еще много остается?

— Вопрос наивный. Даже и не дилетантский. Не вдавайтесь в существо моих занятий. Лучше скажите, что от меня требуется. Начните с другого конца.

Павлу не оставалось ничего иного, как признать свою оплошность. Сам же хотел говорить покороче...

— Вы правы. Извините, дальше постараюсь без предисловий, но одно сказать должен: вашей работой интересуется одна из иностранных разведок. Настолько, что к вашей квартире подобрали ключи.

— Поэтому я и могу быть абсолютно за нее спокоен? — в свою очередь, пошутил Николай Николаевич.

— Во всяком случае, замки останутся в целости, это большое благо.

— Так что же дальше?

— Мы должны снабдить их материалами, которые они хотят получить.

— То есть?

— Несколько формул, написанных вашей рукой. Вы ведь и дома работаете?

— И дома и на улице. Везде. Но я не оставляю записей вне института.— Насчет записей он был не совсем точен, но не придавал этому особого значения.

— Можно и оставить,— сказал Павел.

Николай Николаевич нахмурился и, подумав немного, спросил:

— Ложные?

— Да. Но нельзя, чтобы это выглядело грубо. Необходимо сделать в формулах ошибку, которую трудно обнаружить. Она должна выглядеть естественно. Во всяком случае, допустимо. Знаете, как иногда встречаются в газете ошибки в шахматных нотациях? Смотришь партию — на тридцать восьмом ходу она кончается, черные сдались ввиду неизбежного мата. Начинаешь разбирать на доске, делаешь ходы аккуратно, как написано в нотации, а никакого матового положения нет. Оказывается, на тридцать пятом ходу конь белых с эф—четыре должен делать ход жэ—шесть, а не е—шесть, как указано в газете. Опечатка. Но в принципе-то конь может и так и этак ходить. Понимаете?

— Мастер быстро найдет ошибку,— скептически заметил Николай Николаевич.

— Наверное, я взял неудачный пример. В ваших разработках можно ошибиться тоньше.

— Это не так-то легко, если задано правильное направление.

— Но все-таки возможно?

Николай Николаевич, вероятно, уже прикидывал, как это сделать. Он смотрел мимо Павла и, кажется, не слышал его последних слов.

Подождав, Павел повторил:

— Вы считаете, это возможно?

Николай Николаевич сердито взглянул на него.

— А вы умеете ездить на велосипеде?

— Вообще да.

— А если бы вам предложили изобразить неумеющего, что бы вы стали делать?

— Не знаю. Скорей всего упал бы.

— Вот то-то. И это было бы ненатурально. Только клоуны умеют падать натурально. Это такое же настоящее искусство, как умение плясать на проволоке.

— Вы хотите сказать...

— Я говорю, притвориться заблуждающимся, когда знаешь истину, совсем не просто. Сделать то, что вы предлагаете, можно. Но это потребует времени.

— Но суток довольно?

— Не знаю. Надо постараться.

— Надо, Николай Николаевич.

— Если у вас ко мне все, давайте условимся, как вы меня завтра увезете, и я бы занялся делом.

— Но это еще не все, Николай Николаевич. У вас в квартире есть какой-нибудь тайничок? Ваш личный?

— В секретере есть несгораемый ящик. Но это не тайничок.

— Разрешите взглянуть?

Они пошли в кабинет. Николай Николаевич открыл ящик. Там лежали две ученические тетрадки. Он покашлял в кулак, вспомнив собственные слова относительно рабочих записей. Но Павел сделал вид, что не догадывается, чем вызвано это застенчивое покашливание. На перстень он вроде не обратил внимания.

— Вы всегда пользуетесь такими тетрадками? — спросил Павел.

— Давняя привычка.

— Эти тетради, наверное, лучше отсюда забрать.

— Да, пожалуй.

— Но то, что мы завтра сюда положим, должно быть с гарниром. Иначе ненатурально получится.— Павел покосился на Николая Николаевича.— Извините, пользуюсь вашей терминологией.

— У меня в институте найдутся безобидные черновики.

— Хорошо бы их взять.

— Вот видите, опять время...

— Ухожу, Николай Николаевич, ухожу,— заторопился Павел. Буду у вас завтра в три, то есть в пятнадцать ноль-ноль.

Провожая его до дверей, Николай Николаевич словно вдруг вспомнил невзначай:

— Да, что я хочу вам сказать...

Павел, уже взявшись за дверную ручку, обернулся.

— Слушаю, Николай Николаевич.

— Возможно, мне только показалось... Когда вы говорили о беспечности, вы ведь вкладывали более широкий смысл, чем следует, так сказать, из вашего контекста?

Павел уже забыл, когда и по какому поводу он говорил о беспечности, потому что прошедший час был посвящен конкретному делу, слишком для него важному, чтобы помнить о каких-то привходящих моментах. Но по лицу хозяина квартиры он видел, что для него это не второстепенно.

— А какой был контекст? — спросил Павел, уже догадываясь, что имеет в виду Николай Николаевич, отец Галины Нестеровой, подруги Светланы Суховой.

— Вы упрекнули меня, что я не потребовал у вас документа.

— Это чисто нервное, Николай Николаевич. Я когда шел к вам, очень волновался... Сомнения разные одолевали... Неуверенность... Ну, хотелось как-то самоутвердиться. А человек лучше всего как самоутверждается? Когда других уму-разуму учит. Правда?

Павел опять облек все в шутливую форму, однако Николай Николаевич и на этот раз ощутил скрытый укор себе. Он сказал:

— Я ценю ваш такт. Не хотите читать мне мораль в моем собственном доме. Но не притворяйтесь и не убеждайте, будто вы не считаете меня старой размазней.— Он замахал руками, видя, что Павел хочет что-то возразить.— Да, да, так оно и есть. Кормлю, одеваю, балую, а чем дышит родная дочь — не ведаю. И самое постыдное — ведать не хочу, потому что хлопотно. Мешает. Недосуг.

Этот взрыв самоуничижения не удивил Павла.

— Не расстраивайтесь,— сказал он.— Что случилось — случилось. Дочь ваша — человек неиспорченный. А уроки всем пригодятся.— И, искренне желая поправить Николаю Николаевичу настроение, весело добавил: — Ничего, жизнь идет! А я, честное слово, о беспечности просто так сказал, ни на что не намекал.

— Вы когда-нибудь расскажете мне всю правду? — серьезно спросил Николай Николаевич.

— Обязательно! Не думайте сейчас об этом. Вам работать надо.

— Работа, работа... Что работа?! Глупец я, как скажет моя жена...

На следующий день, в воскресенье, 4 июня, Павел приехал, как говорил, в три часа.

— А я, знаете, совсем не готов,— объявил Николай Николаевич, едва они поздоровались.

Павел испугался:

— Не написали?

— Я не про это. Надо же собраться.

— Ох, Николай Николаевич, хорошо у меня сердце здоровое, а то ведь, не ровен час... Где ваша тетрадка?

— Может, у вас уже и руки дрожат? — иронически осведомился Николай Николаевич.— Вы, молодой человек, теряете свое достоинство.

— Совершенно верно. Но исправлюсь. Разрешите посмотреть тетрадку.

Николай Николаевич повел его в кабинет. Ученическая тетрадь в серенькой обложке лежала на столе. Павел взял ее. Тетрадь была в линейку. Три первые страницы усеяны цифрами и математическими знаками. Кое-где строчки зачеркнуты и перечеркнуты. Есть даже две кляксы.

— Это получилось очень натурально,— сказал Павел, показав на кляксу.

Николай Николаевич поморщился.

— Вы меня переоцениваете. Это неумышленно, просто плохие чернила. Я ведь работаю по старинке, перышком.

На столе действительно стоял прибор с двумя мраморными чернильницами, и в них были налиты фиолетовые чернила. Прибор был весь в медно отсвечивавших засохших пятнах.

— Все равно хорошо,— сказал Павел.— Теперь сделаем так... Дайте ключ.

Николай Николаевич подал ему свои ключи на железном колечке. Ключ от несгораемого ящика выделялся в этой компании тем, что был латунный и фигуристый. Павел снял его с колечка и сказал:

— Вы ведь не хотите, чтобы сейф взломали?

— Ну какой же это сейф...

— Все-таки жалко. Значит, делаем так...— Павел открыл ящик. Там лежали отдельные листки, вырванные из тетради в линейку. Вчерашних тетрадей уже не было. Показав на листки, Павел спросил:

— А гарнир подходит к основному блюду?

— Вполне.

— И ничего ценного?

— Обыкновенные расчеты.

Павел положил тетрадку поверх листов, запер несгораемый ящик и поднял крышку секретера.

— А ключик спрячем сюда.— Он открыл средний ящик стола, в котором были старые блокноты, футляры от очков, карандаши, сломанные брелоки и прочая не подлежащая учету мелочь, и положил ключ в правый дальний угол. Потом задвинул ящик и сказал с сомнением:

— А если не найдет?

— По-моему, эту железную шкатулку в секретере можно открыть зубочисткой,— сказал Николай Николаевич.— Я бы только крышку у секретера все же не закрывал.

— Вы правы,— согласился Павел и открыл крышку.— Но будем надеяться, что ключик все-таки найдут. Стол не запирается?

— Как видите.

Покончив с этим делом, Павел помог Николаю Николаевичу собрать в чемодан все необходимое, и они спустились к ожидавшей их машине. Павел сказал, что менее чем через час они будут на месте.

В понедельник, 5 июня, Брокман приехал в город К.

Поезд прибыл без четверти девять. Проспав до восьми, Брокман все же успел и побриться и выпить стакан предложенного проводницей чаю. Вагон он покинул последним.

На привокзальной площади он сел в троллейбус, шедший до центра, и через двадцать минут сошел на остановке, что напротив почтамта.

Потом постоял в очереди на такси. Взяв такси, попросил шофера ехать на вокзал, а с вокзала вернулся на троллейбусе в центр. Он проверял, нет ли за ним слежки, и ничего подозрительного не обнаружил.

У него был разработан подробный план, но сначала нужно было как следует поесть, а между тем кафе и рестораны, мимо которых он проходил, еще не открылись.

Тогда он решил заняться телефонной частью плана и отыскал на тихой улочке уютно стоящую в тени старого отцветшего каштана будку автомата.

Линда Николаевна снабдила его горстью двухкопеечных монет, и когда автомат проглотил безвозмездно три монеты, на первой же цифре включив сигналы «занято», Брокман пошел дальше и нашел другую телефонную будку.

Сначала он набрал номер домашнего телефона Николая Николаевича Нестерова. Никто не ответил. Он повторил звонок — с тем же результатом.

Следующим был институтский телефон Нестерова. Женский голос сказал:

— Алло, вас слушают.

— Пожалуйста, Николая Николаевича.

— Его нет, он в отпуске. Кто его спрашивает?

— Я по личному делу. Скажите, Николай Николаевич уехал? Или он в городе?

— Уехал.

— А семья?

— На такие вопросы мы не отвечаем. Извините.

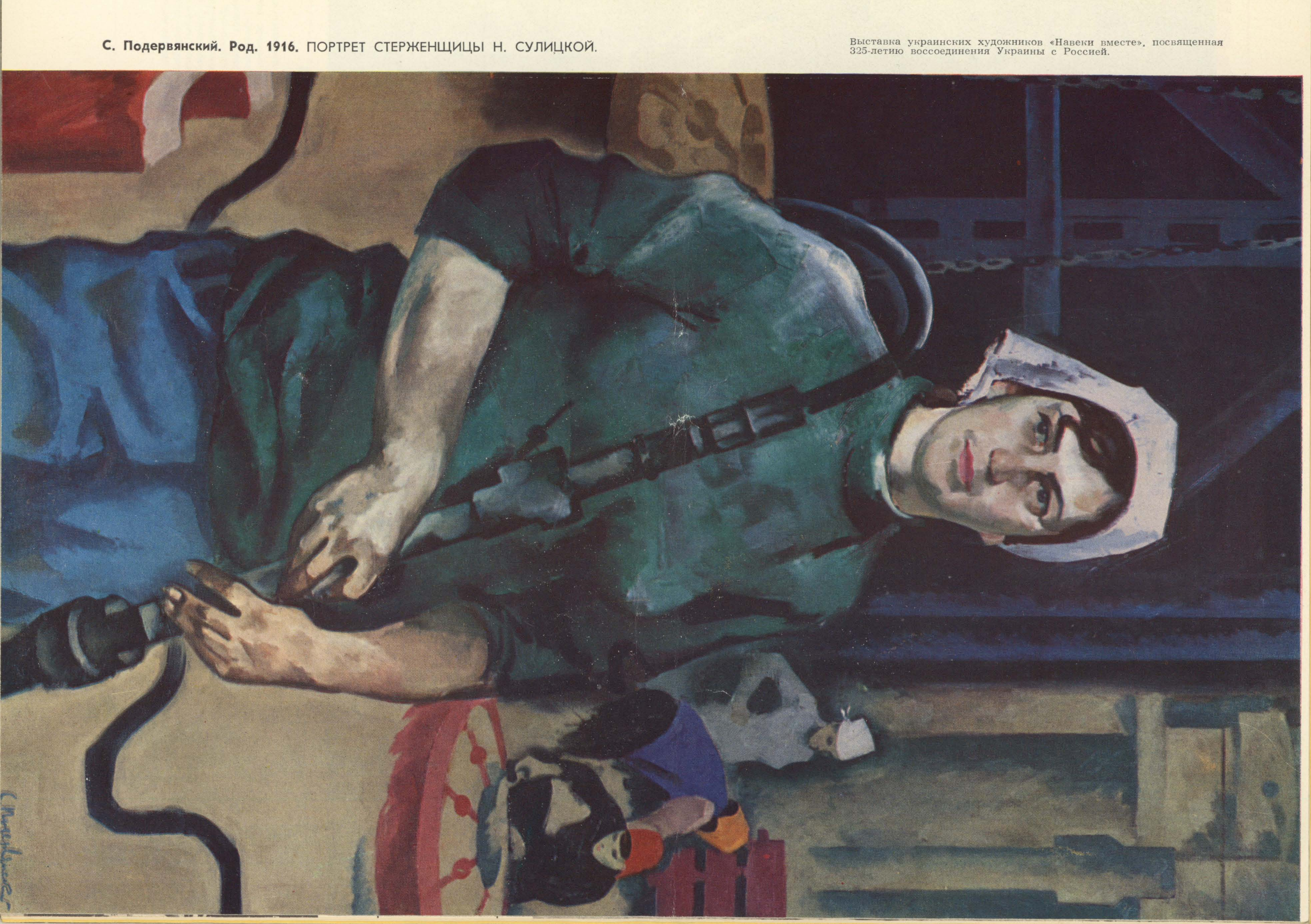
План Брокмана предусматривал и это.

Оставив телефонную будку, он отправился в кафе, присмотренное раньше,— оно уже открылось. Брокман позавтракал плотно, с таким расчетом, чтобы до вечера не думать о еде. Правда, в портфеле у него был пакет с холодной курицей, бутербродами и свежими огурчиками, положенный Линдой Николаевной. Брокман всегда отводил пище одно из самых важных мест в своей рискованной жизни.

Теперь, хорошо поев, можно было приступить к делу.

Свернув с главной улицы, он пошел по переулку, потом повернул в улицу, ведущую к реке, и, отсчитав три перекрестка, на четвертом взял вправо,— он передвигался точно по чертежу, который выучил наизусть еще перед посадкой на лайнер «Олимпик», так же как и номер автомобиля, за баранку которого он собирался сесть.

Продолжение следует.

С. Подервянский. Род. 1916. ПОРТРЕТ СТЕРЖЕНЩИЦЫ Н. СУЛИЦКОЙ.

Выставка украинских художников «Навеки вместе», посвященная 325-летию воссоединения Украины с Россией.

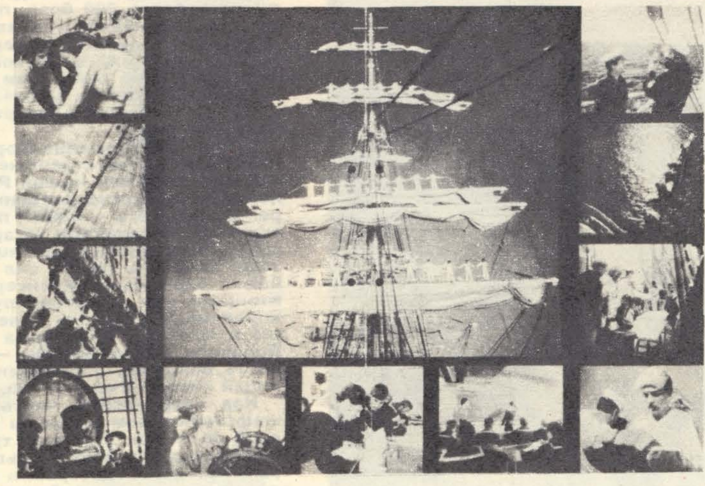

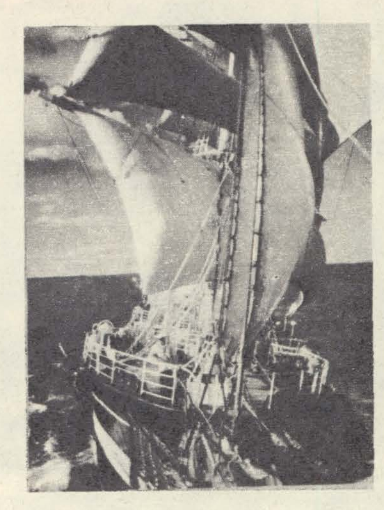
В. Кузнецов. Род. 1924. ГЕРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА М. И. КАЛАШНИКОВ С ЧЛЕНАМИ БРИГАДЫ

Выставка украинских художников «Навеки вместе», посвященная 325-летию воссоединения Украины с Россией.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ПОБЕДИТЕЛЕЙ ФОТОКОНКУРСА «ОГОНЕК»—79

Редакционная коллегия журнала «Огонек», подводя итоги фотоконкурса, объявленного в № 20 за 1978 год, присудила его участникам следующие премии:

ПЕРВУЮ ПРЕМИЮ:

Г. Костецкому (Москва) — за цветную вкладку «Вижу парус!» (№ 22, 1979).

ВТОРЫЕ ПРЕМИИ:

Л. Гурскому (Хабаровск) — за цветную вкладку «Олений край, страна вулканов» (№ 3, 1979).

В. Опалину (Москва) — за цветную фотографию «Юный житель Регара (Таджикская ССР) Женя Аксянов со своим любимцем» (№ 25, 1978).

ТРЕТЬИ ПРЕМИИ:

Р. Мансурову (Казань) — за цветную фотографию «Весна» (№ 15, 1979).
В. Воробьеву (Москва) — за цветную фотографию «Здравствуй, лето!» (№ 24, 1979).
В. Матвееву (Москва) — за цветную фотографию и черно-белый очерк «Танцует «Березка» (№ 35, 1978).

Редколлегия благодарит всех авторов, принявших участие в конкурсе, и приглашает профессионалов и фотолюбителей принять участие в новом фотоконкурсе журнала «Огонек».

Мы просим его участников присылать фотографии, рассказывающие о созидательном труде нашего народа, о том, как они работают, отдыхают, учатся, заботятся о сохранении природы и многом другом, что происходит в нашей многогранной жизни. Текущий год объявлен Международным годом ребенка, а в 1980 году в Москве состоятся XXII Олимпийские игры, и мы надеемся, что и эти темы найдут свое отражение в присылаемых вами фотографиях.

Для победителей конкурса устанавливаются следующие премии:
одна первая — 500 рублей
две вторых — по 250 рублей
три третьих — по 150 рублей.

Фотографии цветные и черно-белые можно присылать любого размера, но не меньше 18 × 24 сантиметра.

К присылаемым фотографиям необходимо дать название, фактическую подпись, дату съемки, указать свою фамилию, имя, отчество и адрес.

На конвертах пометьте: «Фотоконкурс».

Фотографии не рецензируются и не возвращаются.

Командир ракетного катера капитан-лейтенант В. Шевченко.

А. ГОЛИКОВ

Фото Ю. МИЧУРИНА

Из штаба гвардейской, дважды орденоносной части ракетных катеров видно зеленоватое с белыми гребнями волн море. Перед штабом на постаменте стоит торпедный катер времен Великой Отечественной войны. Приподняв нос и опустив корму, он словно атакует невидимого врага. В те грозные годы катерники-балтийцы провели более 200 боев, потопили 119 и повредили 39 кораблей противника. Фашисты боялись атак советских катеров и, как только обнаруживали их, с тревогой оповещали свой флот по радио открытым текстом: «Внимание! Русские москиты в море». Так что боевые традиции у гвардейцев-катерников славные, и они их свято чтут.

...Советский Военно-Морской Флот успешно выполняет ответственные задачи по защите морских рубежей нашей Родины, надежно обеспечивает ее государственные интересы на море. Основа его — наши подводные лодки, вооруженные ракетами, стартующими из-под воды, и ракетоносная авиация. Ракетные катера тоже входят в состав сил ВМФ, хотя в сравнении с огромными крейсерами и грозными эсминцами они кажутся хрупкими, безобидными корабликами. Но это далеко не так. И крейсеры и эсминцы их весьма и весьма опасаются. Поразить катер нелегко — мал, увертлив, скорость большая, а сам наносит удар уничтожающей силы и очень точно.

Над гвардейской частью ракетных катеров шефствуют комсомольцы Тамбовской и Кировской областей. Это тоже традиция. В лихую военную годину комсомольцы этих областей на свои средства построили торпедные катера и передали их гвардейцам. И названия катеров были соответствующие: «Мичуринский комсомолец», «Тамбовский комсомолец», «Кировский комсомолец».

И теперь у причала стоят ракетные катера с такими же названиями. Командуют ими отличные моряки капитаны-лейтенанты: «Тамбовским комсомольцем» — Владимир Михайлович Сивопляс, «Кировским комсомольцем» — Николай Михайлович Байрак, «Мичуринским комсомольцем» — Яков Яковлевич Рябец. А служат на катерах парни, среди которых есть направленные на флот комсомолом областей-шефов.

Современный ракетный катер — весьма сложный корабль. Он оснащен различными приборами и механизмами. Автоматика и электроника помогают морякам управлять катером и оружием. Поэтому и экипаж состоит из квалифицированных, умелых специалистов. В гвардейской части и на катерах-«комсомольцах» их немало: старшина 1-й статьи, отличник Военно-Морского Флота Сергей Матвеев, старшина 2-й статьи Иван Лапсиньш, старший матрос Юрий Земляных, матросы Евгений Зайцев, Сергей Дубовицкий, Сергей Попов, Виктор Чебулаев, Сергей Домчинский и другие. У всех среднее образование. Кто окончил десятилетку, кто техникум. Парни здоровые, плечистые.

Продолжая героические традиции военных лет, катерники добиваются больших успехов в боевой и политической подготовке. Уже шесть лет подряд гвардейская часть ракетных катеров держит переходящий приз главнокомандующего Военно-Морским Флотом за огневую и тактическую подготовку.

...Сигнал учебной боевой тревоги. Раздаются слова команды, гудят двигатели, и ракетный катер «Тамбовский комсомолец» лихо отходит от пирса. Катер набирает скорость и устремляется в открытое море. Здесь волна порядочная. Пенящиеся гребни лижут ходовой мостик, обдают Владимира Михайловича Сивопляса солеными брызгами. Но «Тамбовский комсомолец», как утверждают катерники, отличный мореход.

Берег скрылся из глаз, и командир отдал приказ: «Приступить к поиску цели». Где-то за горизонтом «противник», это корабль-цель. Обнаружить его непросто. Однако локаторщики «Тамбовского комсомольца» — профессора своего дела.

— Цель,— докладывают они.— ...Пеленг... Дистанция...

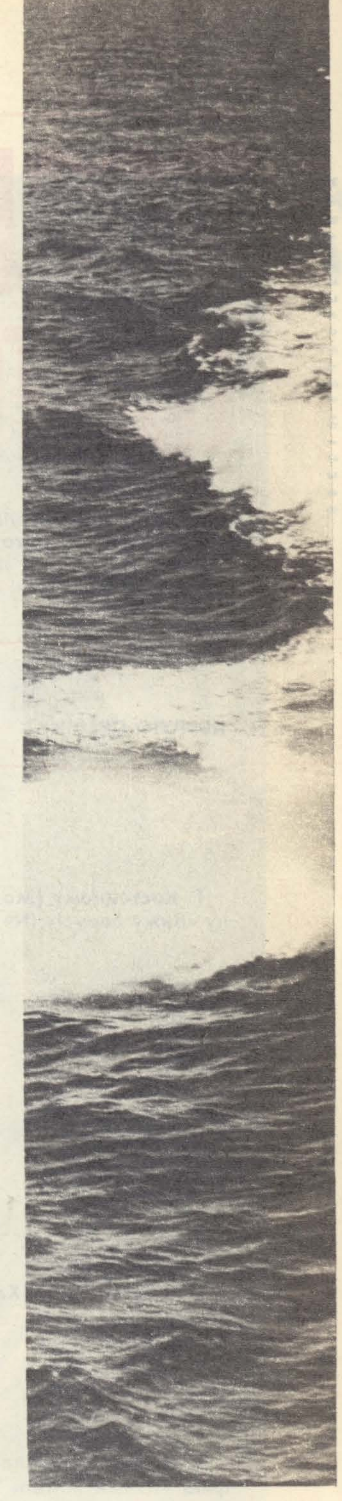
— Ракетная атака,— командует Сивопляс.

Крышки контейнеров, прикрывающие ракеты, поднимаются. Грозное оружие готово к старту. Точные приборы и аппаратура выдают данные для ракетной стрельбы по кораблю «противника». В боевой рубке напряженная тишина. Предстоит выполнить учебно-боевую стрельбу, то есть выполнить то, ради чего существует катер, ради чего обучается его экипаж, тренируется, отрабатывая все действия до автоматизма, совершает тяжелые плавания по бурному морю.

Стрелка прибора совместилась с отметкой цели. Пуск! Кажется, что за броневой стенкой оживают какие-то могучие, стихийные силы: гул сотрясает корабль, грохот и скрежет покидающих свои гнезда ракет и... тишина.

Катер выполнил стрельбу на «отлично». Ракеты точно попали в середину корабля. Будь они боевыми, от него не осталось бы и следа. Так и должно быть, говорили ловольные катерники, мы и в легковой автомобиль попадем, а не то что в корабль.

Нанеся в быстротечной атаке сокрушительный удар, ракетный катер, словно летящий над волнами, возвращается на свою базу.

На учения.

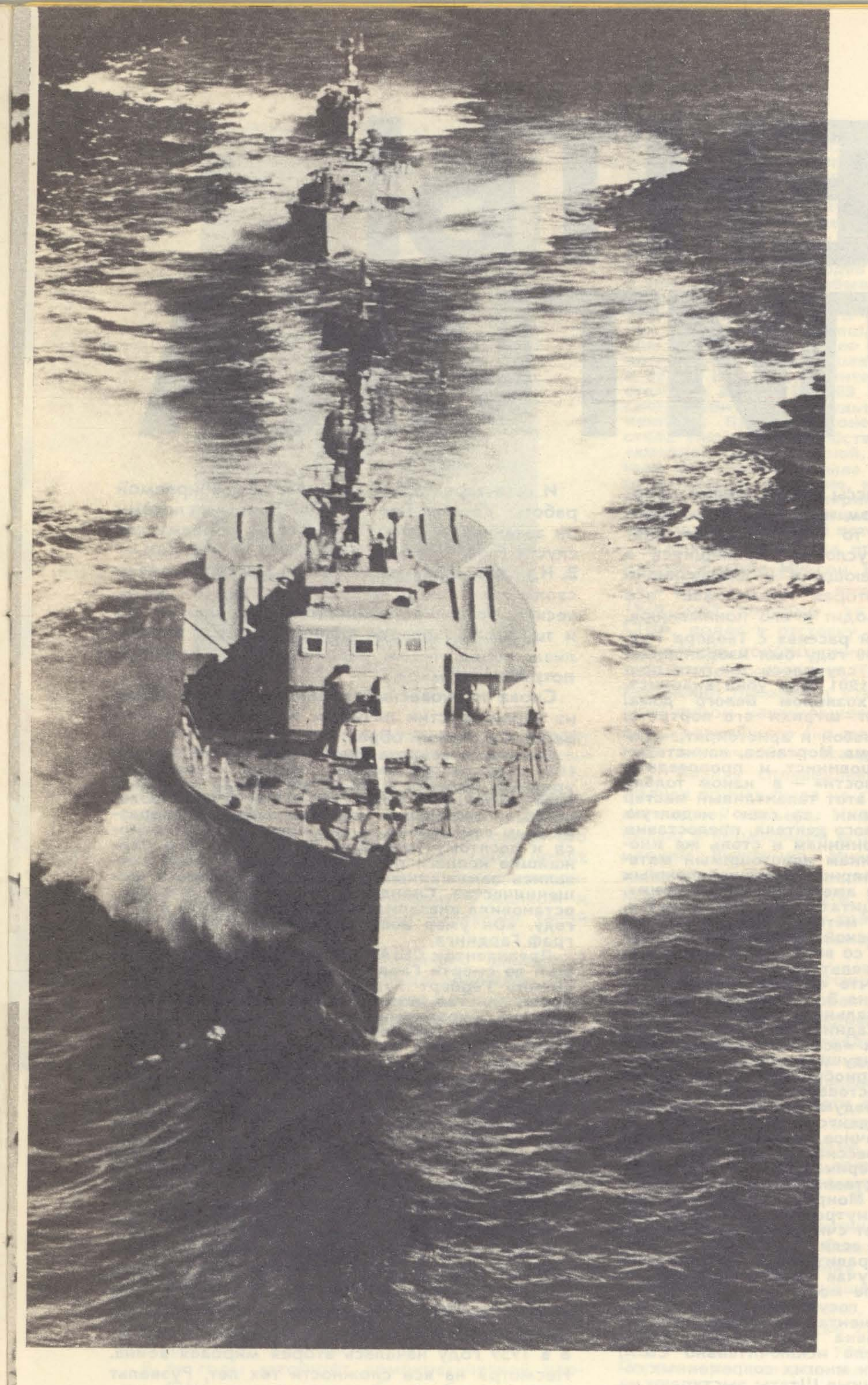

29 ИЮЛЯ — ДЕНЬ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА СССР

Командующий дважды Краснознаменным Балтийским флотом адмирал В. В. Сидоров поздравляет военных моряков дивизиона с успешными действиями.

Боевая тревога.

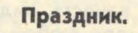
ТЯЩИЕ НАД ВОЛНАМИ

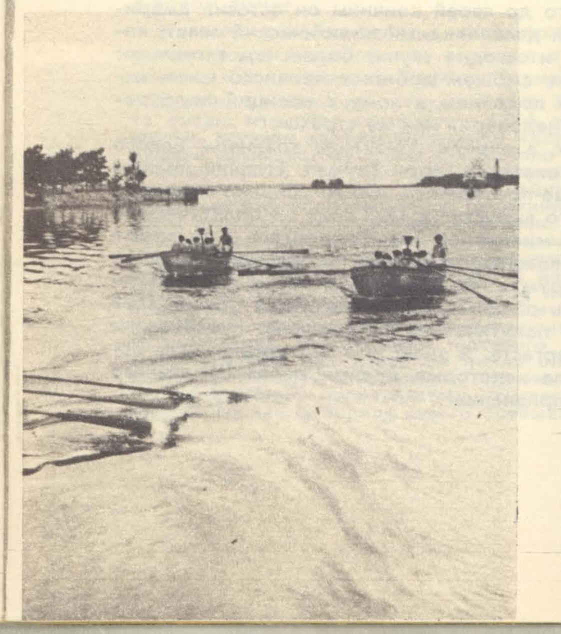
Короткий отдых в воскресный день.

Командир электромеханической части катера капитан-лейтенант Л. Березин и моторист матрос О. Дубков.

Праздник.

ПРЕЗИДЕНТЫ И ПОЛИТИКА

Владимир НИКОЛАЕВ

В последние годы интерес к международной тематике очень возрос. На то немало причин, в их числе и стремительное развитие, быстрое техническое совершенствование всех средств массовой информации. Но главное, конечно, в том, что люди стали ощущать на себе перепады политического климата нашей планеты примерно так же, как резкие скачки погоды. Стали ощущать потому, что все решительней встает вопрос: быть или не быть вообще нашей цивилизации, сможет ли человечество уберечь себя от ядерной войны, то есть всемирной катастрофы?

Советско-американские переговоры об ограничении стратегических наступательных вооружений, подписание в Вене Договора об ОСВ-2 еще и еще раз показали, что весь мир буквально живет этой проблемой, она никого не оставляет равнодушным. Развернувшееся в связи с этим договором великое противоборство между силами разрядки и милитаризма самым широким образом освещается всеми средствами информации. Причем освещается на Западе не всегда с должной объективностью, враги разрядки и советско-американского сотрудничества злонамеренно раздувают миф о «советской угрозе» и под этот провокационный шум делают все, чтобы и дальше наращивать гонку ядерных вооружений, приносящих баснословные прибыли фабрикантам смерти. Разобраться во всем этом, увидеть не только явные, но и тайные пружины дипломатии помогают капитальные работы на международные темы, без них просто трудно правильно осмыслить все те сведения, которые ежедневно обрушиваются на читателя, зрителя и слушателя. При этом надо учитывать, что международная тематика — сфера не простая. Знакомить с ней широкие массы — дело тонкое. Оно требует прежде всего глубоких знаний и доходчивости изложения. Сочетание этих двух качеств видится нам непременным условием для любой попытки основательно ввести читателя в курс какой-либо крупной проблемы. Именно этому условию отвечает, на наш взгляд, только что вышедшая книга Эдуарда Иваняна.

В этом большом труде даются политические портреты президентов США на фоне событий в мире и в Соединенных Штатах. В успешном решении автором этой сложной задачи главную роль сыграли два фактора: первый — выпукло созданные портреты президентов, второй — четкий анализ «движущих сил, стоящих за побуждениями исторических деятелей». Эту свою мысль Ф. Энгельс далее развивает так: «...Надо иметь в виду не столько побуждения отдельных лиц, хотя бы и самых выдающихся, сколько те побуждения, которые приводят в движение большие массы людей, целые народы, а в каждом данном народе, в свою очередь, целые классы», то есть в первую очередь экономические условия, являющиеся в конечном счете решающими и образующие «ту красную нить, которая пронизывает все развитие и одна приводит к его пониманию».

Э. А. Иванян. «Белый дом: президенты и политика». М., Издательство политической литературы, 1979, 383 стр.

Автор начинает свой рассказ с Теодора Рузвельта, который в 1900 году был избран вице-президентом США. Но случилось так, что президента Мак-Кинли в 1901 году убил анархист, и Т. Рузвельт стал хозяином Белого дома. Э. Иванян набрасывает штрихи его портрета:

«Лихой всадник», ковбой и аристократ, «гроза трестов» и друг дома Морганов, воинствующий империалист, шовинист и проповедник «всеобщей справедливости» — в каком только качестве не выступал этот талантливый мастер политической мимикрии за свою недолгую карьеру государственного деятеля, предоставив многочисленным сторонникам и столь же многочисленным противникам неистощимый материал для подчас полярно противоположных оценок своего места в американской истории».

В этой небольшой цитате, как нам кажется, уже виден авторский метод создания живого образа, а не политической схемы или карикатуры. Можно было бы со всей справедливостью отметить связь Т. Рузвельта с домом Морганов, вспомнить и о том, что он был шовинистом, аристократом и т. п., но Э. Иванян тут же приводит и такие официальные мнения о президенте, как «лихой всадник» и ковбой, «гроза трестов», проповедник «всеобщей справедливости»... Понятия предыдущего ряда, столкнувшись вдруг с этими, приобретают еще большую выразительность и достоверность, особенно если учесть, что в последующем весьма подробном рассказе о президентстве Т. Рузвельта автор развивает это удачное сопоставление дальше и глубже. Этот агрессивный шовинист «обогатил» теорию межамериканских государственных отношений собственной интерпретацией известной «доктрины Монро», заявив, что вмешательство США во внутренние дела стран Латинской Америки будет считаться оправданным и законным в случае, если эти страны окажутся неспособными справиться с внутренними проблемами, или в случае каких-либо действий с их стороны, которые могут вызвать вмешательство европейских государств в дела стран американского континента. Справедливая (по Т. Рузвельту!) трактовка этих весьма сомнительных условий — дело исключительно США. Вот куда уходят корни многих современных событий, когда Соединенные Штаты выступают на латиноамериканском континенте в полном соответствии с заветами Т. Рузвельта.

В 1912 году в Белый дом пришел Вудро Вильсон. На наш взгляд, автор рисует его портрет еще более щедрыми штрихами, чем портрет Т. Рузвельта. Уже заголовок раздела, посвященного Вильсону, говорит сам за себя: «Отвергнутый «мессия». Э. Иванян с большой сатирической силой пишет о президенте, который выдавал себя за посланца божьего, восстанавливающего справедливость на земле, а от дел его разило самым циничным расчетом, безграничной самоуверенностью и самовлюбленностью. Дела эти были тесно связаны с «Харвестер траст» и другими крупными монополиями. Ложь и лицемерие постоянно сопутствовали политике Вильсона и в ходе первой мировой войны. Свою службу американским монополиям президент и в те годы все так же прикрывал мантией «мессии». И тут автор опять-таки не упрощает явление, не скользит по поверхности характера, а исследует его глубоко и доказательно. Он приводит слова Уолтера Липпмана, близко знавшего Вильсона, о том, что последний действительно считал себя исполнителем воли «некой существовавшей вне его самого разумной силы». Что отнюдь не мешало Вильсону верно служить капиталу, доллару. Именно в таком ключе и раскрывается в книге суть политики этого американского президента, который вошел в историю еще и тем, что был одним из организаторов «Союза четырнадцати государств» против молодой Советской России.

И еще характерная для автора разбираемой работы деталь. Вот какими емкими словами он заканчивает главу о Вильсоне: «Восемь лет спустя (после своего прихода в Белый дом.— В. Н.) парализованный Вильсон символизировал своим состоянием не только духовное и физическое бессилие демократической партии, но и тщетность попыток реформировать капитализм перед лицом революционных событий, потрясавших мир».

Снова полновесный публицистический сплав из характеристик личности и политики! Снова верный и редкий образ!

Сменил демократа Вильсона в Белом доме в 1920 году республиканец Уоррен Гардинг. Заурядный человек и политик, всегда угождавший «большому бизнесу», игрок и выпивоха, он был, по словам его биографа, «второразрядным сенатором», а как президент «относился к десятому разряду». Мало этого. Его ближайшие коллеги по правительству вскоре оказались замешанными во взяточничестве и мошенничестве. Скандал разрастался, и его приостановила внезапная смерть президента в 1923 году. «Он умер вовремя»,— констатирует биограф Гардинга.

Президентом США стал Кальвин Кулидж, бывший до смерти Гардинга вице-президентом. Его сменил Герберт Гувер, который создал такое правительство, которое тогда пресса по праву назвала «правительством миллионеров». Это естественно, поскольку сам Гувер был выходцем из деловых кругов Америки. Гувер говорил: «Мы в Америке сегодня ближе к окончательной победе над бедностью, чем когда-либо за всю историю нашей страны». И вот ирония судьбы: самый «деловой» из всех деловых американских президентов вещал так и с таким оптимизмом накануне страшнейшего экономического кризиса! В разгар этого кризиса, в 1932 году, Гувера сменил в Белом доме Франклин Делано Рузвельт. Об этой весьма спорной, но, безусловно, одной из самых значительных фигур в истории США автор книги пишет обстоятельно и с большим знанием дела.

В 1933 году США официально признали Советский Союз. И надо сказать, что тогда далеко не все политические силы Америки выступали за это признание. Рузвельту выпала нелегкая доля: он принял страну в глубоком кризисе, а в 1939 году началась вторая мировая война. Несмотря на все сложности тех лет, Рузвельт в 1940 году впервые в истории страны был избран президентом на третий четырехлетний срок. В книге убедительно показано, что решающая поддержка ему была оказана американцами, выступавшими за укрепление международной солидарности перед лицом фашистской агрессии. При Ф. Рузвельте Соединенные Штаты вступили в войну после нападения японцев на американскую военно-морскую базу Пёрл-Харбор.

В 1944 году Ф. Рузвельт был избран президентом США на четвертый срок. И снова избиратели, отдавая ему свои голоса, выступали за скорейшую победу над фашизмом, которая к тому времени была уже близка.

Ф. Рузвельт умер 12 апреля 1945 года. Незадолго до своей кончины он оставил американцам дальновидный политический завет, который и сегодня звучит более чем актуально: «Мы не сможем добиться прочного мира, если мы подойдем к нему с позиций подозрений и недоверия или же страха».

Итак, в апреле 1945 года хозяином Белого дома оказался Гарри Трумэн, бывший до этого вице-президентом США. Широко известно, что его выпустил в 1922 году на политическую арену миллионер Том Пендергаст, в то время полновластный хозяин штата Миссури. Позднее сам Трумэн признавал, будучи не в состоянии скрыть общеизвестные факты: «Я обязан всей своей политической биографией организации Пендергаста. Я знаю, что эта организация позволяла некоторые дурные дела» (!). Ничего себе признание!

В создании образа Трумэна, как и в создании его политической биографии, автор пользуется все тем же приемом всестороннего показа человека и политика. Чего стоит, например, большая выдержка из дневника Трумэна, в которой он упивается окружающим его в Белом доме комфортом! Один такой штрих (а он, между прочим, далеко не единственный) уже красноречиво говорит о мелком и тщеславном человеке, вдруг занявшем такой высокий пост.

Э. Иванян анализирует начало «холодной войны» и пишет, что оно было положено Трумэном уже весной 1945 года. Ссылаясь на американские источники, автор рассказывает о первых шагах «атомной дипломатии» Трумэна. Именно в эту политику уходят корни, питающие и сегодня врагов разрядки, врагов Договора об ОСВ-2. Читая об этом в книге, лишний раз убеждаешься в ее актуальности, хотя, казалось бы, речь в ней идет о делах минувших дней.

Автор, как мы уже подчеркивали, не скупится на характерные детали. И верно делает! Вот еще одна из них, тирада Трумэна по поводу самобичевания и переживаний одного из создателей атомной бомбы — американского физика Р. Оппенгеймера: «Не приводите больше сюда этого чертова дурака. Не он взрывал бомбу. Я взорвал ее. От его хныканья меня выворачивает наизнанку».

В те годы авторитет демократической партии США, которым она была обязана в первую очередь двенадцати годам пребывания Ф. Рузвельта в Белом доме, помог Трумэну победить на выборах 1948 года. И в дополнение к «холодной войне» в США начался разгул реакции, навсегда связанный теперь в истории с именем сенатора Маккарти. Один из американских политиков справедливо сказал: «Наиболее очевидным из всех качеств Рузвельта был его реализм... Его преемники были движимы страхом». Американский историк К. Филиппс пишет: «Маккартизм достиг полного размера раковой опухоли уже после того, как окончился срок пребывания Трумэна на посту президента, но болезнь началась и вышла из-под контроля в те дни, когда он был в Белом доме».

В книге разоблачается и затянувшаяся на долгие годы американская агрессия в Корее, начавшаяся по личному приказу Трумэна.

Один из ближайших сотрудников Ф. Рузвельта писал, что этот президент США ушел из жизни, оставив своему преемнику «модель будущего мира, которую еще предстояло сделать действующей». Трумэн, в свою очередь, оставил после себя модель будущей войны. Естественным порождением такой политики стал в США военно-промышленный комплекс. Американский историк отмечает, что прощальное обращение президента США Д. Эйзенхауэра к нации (Эйзенхауэр сменил Трумэна в Белом доме в 1952 году и находился на этом посту восемь лет) «содержало ошеломляющее предупреждение об опасности военно-промышленного комплекса, процветанию которого он сам способствовал. Как давно он понял опасность слишком большой зависимости экономики страны от военного производства, неизвестно. Во всяком случае, в период своего пребывания на посту президента он не предпринимал никаких действий, чтобы воспрепятствовать этому, а его прощальное предупреждение было всего лишь прощальным предупреждением, и не более того. Он не предложил какого-либо средства борьбы с критикуемой им коалицией».

А военно-промышленный комплекс тем временем набирал силу. К началу 1962 финансового года на военные нужды в США расходовалось на 10 миллиардов долларов больше, чем в последний год пребывания у власти Эйзенхауэра. В то время сидел в Белом доме Джон Кеннеди, миллионер и сын миллионера. При нем «ограниченное вмешательство» США в Южном Вьетнаме получило свое дальнейшее развитие. Военно-промышленный комплекс США в своих корыстных интересах развязывал настоящую войну. В 1963 году Линдон Джонсон сменил убитого в результате покушения Джона Кеннеди. При Джонсоне война во Вьетнаме стала уже, по его собственному определению, «американской» войной, которую Соединенным Штатам надо было «выиграть во что бы то ни стало». Известно, каким позором покрыла эта авантюра Америку... В рецензируемой книге подробно освещается этот бесславный период американской истории.

В ноябре 1968 года президентом США был избран Ричард Никсон. В 1972 году он остался в Белом доме на второй срок. А в августе 1974 года, впервые за 200-летнюю историю США, подал в отставку, признав свою вину в нарушении конституции и введении в заблуждение общественности. Тридцать седьмой американский президент стал главным действующим лицом нашумевшего «уотергейтского дела», крупнейшего (но далеко не единственного!) политического скандала в истории США.

Э. Иванян справедливо отмечает, что «холодная война» была не только ровесницей политической карьеры Никсона, но также колыбелью и кормилицей его честолюбивых устремлений. Выкормил Никсона один калифорнийский банкир, а воспитал печально известный сенатор Маккарти, которому Никсон помогал в пресловутой травле всех, кто в те годы обвинялся в антиамериканской деятельности.

В канун президентских выборов 1968 года Никсон отрекомендовал себя «прагматиком и реалистом, учитывающим новую ситуацию», он объявил, что его взгляды периода «холодной войны» на мировой коммунизм претерпели изменение. В тот момент, когда Америка услышала от Никсона эти слова, она была охвачена антивоенными выступлениями, страдала от непомерных налогов и инфляции и ждала именно такого рода заявлений. Вскоре, в ноябре того же года, Никсон был избран президентом США.

Верный своей политике мирного сосуществования, Советский Союз всегда стремился к тому, чтобы отношения между США и СССР улучшались, а не ухудшались. Вот почему наша страна сделала все, чтобы состоявшаяся в 1972 году в Москве советско-американская встреча на высшем уровне стала успешной. Переговоры завершились подписанием документа «Основы взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки». Вернувшись из Москвы, Никсон заявил: «Заложен фундамент новых взаимоотношений между двумя самыми могущественными странами на земном шаре». Тогда же Никсон припомнил слова Дж. Вашингтона: «Страна, которая питает повседневную ненависть к другой, превращается в раба своей собственной враждебности». Эти слова Дж. Вашингтона стоит вспомнить сегодня тем, кто в США выступает против разрядки, против развития советско-американских отношений.

В 1973 году состоялся исторический визит Л. И. Брежнева в США. Была подписана серия новых соглашений о сотрудничестве между обеими странами. «...Курс Советского Союза на улучшение отношений с США — не какое-то временное явление,— заявил Л. И. Брежнев, подводя итоги состоявшимся в США переговорам.— Это твердый и последовательный курс, отражающий постоянные принципы внешней политики Советского государства, сформулированные его великим основателем В. И. Лениным. Это — курс, опирающийся на поддержку нашего народа».

Заканчивается рецензируемая нами книга анализом пребывания в Белом доме Дж. Форда и вступлением в него Дж. Картера. Охватывающая три четверти нашего века работа Э. Иваняна, несомненно, станет заметным исследованием, в котором удачно сочетаются наука и публицистика, и найдет благодарного читателя не только среди специалистов.

СОЧИНСКИЙ ЛЕВША

Десять тысяч крошечных деревянных черепиц размером с ноготок новорожденного ребенка потребовались народному умельцу Ивану Алексеевичу Дончакову для изготовления копии двадцатидвуглавой Преображенской церкви — чуда русского зодчества. Девять месяцев трудился Иван Алексеевич, испытывая, как он говорит, огромное наслаждение от этой работы и оттого, что приобщился — хотя бы таким образом — к бессмертному творению старых русских мастеров. А всего около трех лет затратил он, собирая с трепещущим от восторга сердцем детали миниатюры ансамбля музея-заповедника в Кижах. От обтески бревна, в громаде которого угадывал маленькие детали, и до последней зазубринки на шпиле он все сделал своими руками.

Внук и сын мастерового, он знал цену труду и умению, знал цену и тому, что будит в сердце людей рукотворное диво. Знал с тех пор, как дед Андрей Васильевич сделал ему, босоногому хлопчику из Усть-Лабы, деревянного коня и мельничку, которая

крутилась, и даже стеклянное окошечко было, через которое можно заглянуть внутрь. Что было в той забаве для станичных ребят, не имевших никогда игрушек,— можно понять! Отец же учил Ивана слесарному делу; до сих пор устьлабинцы пользуются услугами «золотых рук» старого Дончака.

Совсем молодым прошел войну Иван Дончаков, был трижды ранен и отмечен солдатскими наградами. Потом уже, имея за плечами апшеронское ФЗУ, пришел работать на Сочинский консервный комбинат имени В. И. Ленина.

«У тебя талант»,— говорили друзья и соседи, когда увидели, как Иван собрал из самшита уменьшенную в сто раз копию храма Василия Блаженного, уместившуюся на серванте.

Попала как-то Ивану Алексеевичу в руки книга о Кижах, и поехали в отпуск всей семьей на Север поглядеть на сказочные постройки. И потом не мог спать спокойно, пока не скопировал все, что видел в Кижах, своими руками.

Теперь работы Ивана Алексеевича Дончакова экспонируются в сочинском Выставочном зале, в отделе, где бережно собирают работы самодеятельных художников города, народных умельцев. «Сочинский Левша» — так назвали мастера в одной из записей книги отзывов. Есть отзывы на немецком, венгерском, арабском языках, а подписи отражают едва ли не всю географию нашей Родины, ведь в Сочи приезжают отовсюду. «Хотелось бы сделать выставку работ Дончакова передвижной», «Хорошо бы вторые экземпляры иметь в Музее архитектуры имени Щусева в Москве»,— пишут зрители.

Иван Алексеевич роется в библиотеке, читает книги по искусству и горько сожалеет, что война не дала ему времени учиться. Годы уже немалые, а сердцу все неймется — просит вдохновения, жаждет творчества. Вот задумал теперь в металле сделать копию вагона, что стоит у Новороссийска как памятник мужеству солдатскому. Сделать со всеми пробоинами, царапинами во имя памяти однополчан, не пришедших с войны.

Говорят, что Нестор, сотворивши Преображенскую церковь, закинул свой топор в озеро, сказав: «Не было, нет и не будет такой». Он не знал, что восхищенный его трудом далекий потомок через сотни лет бессонными ночами будет создавать копию храма, возвращаясь памятью к истокам русского мастерства. «Когда увидел Кижи,— сказал Иван Алексеевич,— показалось все таким родным, будто раньше где-то видел». Вот как отозвалось в его сердце Несторово дело...

А я читаю в книге отзывов: «До чего же талантлив русский народ: и тот, что построил, и тот, кто несет эту красоту людям!»

Валентина САAКОВА

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЗА СИОНИСТСКИМ ЗАНАВЕСОМ

Комиссия Совета Безопасности, которая была специально создана в феврале этого года для рассмотрения положения, связанного с израильскими поселениями на арабских территориях, оккупированных в 1967 году Израилем, подтвердила аннексионистский характер политики Тель-Авива на захваченных землях, массового изгнания арабского населения.

В опубликованном комиссией докладе подчеркивается, что насаждение израильских поселений приводит к серьезному «изменению географического и демографического характера оккупированных территорий, включая Иерусалим». Эти изменения, заявляет комиссия, следует квалифицировать как нарушение четвертой женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны и решений ООН по этому вопросу.

В ходе расследования было установлено, что на оккупированных территориях уже создано 133 израильских поселения. Земли, захваченные властями Тель-Авива для таких поселений, охватывают 27 процентов территории Западного берега Иордана и большую часть Голанских высот.

Многие из поселений являются военизированными, указывается в докладе — либо они официально поставлены под контроль израильской армии, либо там живут израильтяне призывного возраста. Тель-Авив не собирается отказываться от расширения аннексии: для создания новых поселений в течение 1979—1980 годов израильское правительство выделило еще 200 миллионов долларов. Кроме того, на эти же цели из-за границы поступают частные взносы.

Комиссия констатировала, что Израиль преднамеренно сгоняет арабов с их собственных земель. Так, с 1967 года арабское население Иерусалима и Западного берега Иордана сократилось на 32 процента. На Голанских высотах осталось лишь 8 процентов местных жителей. Тель-Авив прибегает при этом к методам как открытого принуждения, так и скрытого.

Оставшихся на оккупированных территориях стремятся заставить эмигрировать и освободить место для израильских поселений. Действия Израиля привели к пагубным сдвигам в экономическом и социальном укладе повседневной жизни арабов. Многие из них вынуждены теперь работать на своей собственной земле в качестве наемных рабочих израильских поселенцев.

На снимке: палачи и жертвы.

ЮАР

РАЗДЕЛЯЙ И ВЛАСТВУЙ

Расисты ЮАР с помощью штыков, кровавого террора и насилия пытаются сохранить власть белого меньшинства, подавить борьбу коренного населения за свободу и свои права. Наряду с этим правительство Претории, чтобы разобщить фронт противников расовой дискриминации, проводит курс на создание так называемых «независимых государств», которые строятся по этническому принципу. Согласно планам расистов, должно быть создано десять псевдогосударств, в которых правители ЮАР намерены «запереть» большую часть коренного населения страны. При этом следует иметь в виду, что 87 процентов территории ЮАР, включая наиболее плодородные земли, промышленные и культурные центры, богатейшие месторождения полезных ископаемых, останутся в пределах «белой Южной Африки».

Сначала расисты провозгласили «независимыми» Транскей, затем Бопутатсвану. Теперь очередь дошла до бантустана Венда. Как и марионеточные образования Транскей и Бопутатсвана, Венда будет служить резервуаром дешевой рабочей силы для южноафриканских и западных монополий в ЮАР и полностью зависеть от Претории в экономическом и политическом отношениях. В будущее фиктивное государство уже сейчас насильственно сгоняются с насиженных мест представители народности венда. После провозглашения «независимости» граждане Венды будут считаться иностранцами за пределами бантустана.

В настоящее время Претория сколачивает марионеточную администрацию территории. По сообщениям из Иоганнесбурга, на эти цели уже отпущено 30 миллионов рандов. «Ранд дейли мейл» предвещает, что Венда, так же как и Транскей и Бопутатсвана, не будет признана никем в качестве суверенного государства. Что же касается ее жителей, то акция режима Боты принесет им еще большие унижения и дополнительные тяготы.

Африканский национальный конгресс (АНК) Южной Африки осуждает попытки разобщить ее народ по племенному признаку. Цель этих махинаций, говорится в заявлении АНК,— расколоть национально-освободительное движение страны, ряды борцов против расовой дискриминации и увековечить апартеид.

На снимке: как и раньше, черный работает на белого. Этот белый хозяин дает «указания» рабочим-африканцам.

ГРАБЯТ МУЗЕИ

Пауль Петридес, проживающий в Париже, дожил до старости в почете и уважении. Он считался большим знатоком искусства. Однако недавно этот добропорядочный гражданин был приговорен к трем годам тюремного заключения за укрывательство краденого. Он по дешевке приобрел и продал богатым коллекционерам за несколько миллионов 18 ценных полотен, которые были выкрадены вооруженными грабителями в одном из музеев. Афера удалась потому, что Петридес изготовил фальшивые документы на эти картины (среди них было несколько полотен Ренуара).

Таких «знатоков искусства», как Петридес, насчитываются сотни. Воры-одиночки, но чаще международные банды грабителей выуживают ценные произведения искусств из дворцов и музеев и несут их петридесам . Стоимость похищенных сокровищ, по сведениям Международного совета музеев, исчисляется миллиардами. Речь идет о 53 тысячах ценных произведений, относящихся ко всем видам искусства, сообщает Интерпол.

Некоторые грабители не передают свою добычу перекупщикам, а требуют выкупа от ее владельца. В случае невыполнения требований преступники произведение искусства уничтожается. «Картины — лучшие заложники,— сказал некий Феликс Ласка, который до своего ареста возглавлял одну «европейскую банду».— Картины не говорят, не выдают тайн, надежно гарантируют миллионы». Только во Франции «грабители искусства» путем шантажа получили от музеев за последние пятнадцать лет 6 миллионов франков. По данным западногерманского журнала «Штерн», раскрываемость хищений сокровищ искусств чрезвычайно низка — она равна в лучшем случае 20 процентам.

Одним из известных полицейских детективов по розыску похищенных художественных ценностей является Роберт Волп из Нью-Йорка. Волп работает в одиночку. У него собственная сеть осведомителей среди торговцев, похитителей и укрывателей краденого. В ходе розыска Волп подвизается в ролях игрока в рулетку, сутенера, коллекционера картин, а порой и торговца произведениями искусства. Римские монеты и византийские резные изделия из слоновой кости стоимостью в полтора миллиона долларов, похищенные в Италии, поступили через Венесуэлу в руки одного нью-йоркского владельца аукциона. У Волпа был там свой негласный осведомитель, и похитители попались.

Несмотря на принятие срочных мер по улучшению системы охраны музеев, увеличению штата сторожей, количество краж не уменьшается. Чарлз Баргес из монреальского музея сетовал по этому поводу: «В течение последних лет мы дважды меняли нашу систему сигнализации. Но мы так и не получили обратно 18 полотен Рубенса, Гейнсборо и Сезанна, украденных у нас в 1972 году».

На снимке: сыщик Роберт Волп с одним из спасенных им произведений искусства.

САЛЬВАДОР

КРОВАВАЯ БОЙНЯ

«Не было предупреждения, вообще никакого предупреждения,— вспоминает американский фоторепортер.— Около 35 полицейских, вооруженных автоматами, приблизились примерно на расстояние 20 метров. Затем раздался свисток командира, и на площади перед собором прозвучали выстрелы. Демонстранты и случайные прохожие стали кричать и в панике пытались вбежать по каменной лестнице в здание церкви. Но многие из них были тяжело ранены, истекая кровью, они падали на каменные ступеньки. Это был расстрел».

Кровавая бойня произошла в Сальвадоре, небольшой стране в Центральной Америке. Кучка богачей, прибравшая к рукам все богатства страны, нещадно эксплуатирует обнищавшее население страны. Социальное неравенство проглядывает здесь на каждом шагу. 85 процентов всей пригодной для обработки земли принадлежат 14 семьям латифундистов. Больше половины взрослого населения неграмотно. Каждый третий сельскохозяйственный рабочий не имеет работы. Те, кому повезло немного больше, получают на плантациях латифундистов сущие гроши. Города окружены плотным кольцом трущоб, где живет беднота. Наличие даже в маленьких городах десятков магазинов, торгующих детскими гробами, убедительно показывает, что детская смертность здесь одна из самых высоких на континенте.

Диктаторский режим Умберто Ромеро в Сальвадоре держится на штыках национальных гвардейцев и полицейских. Массовые аресты и пытки, карательные экспедиции по деревням, оставляющие за собой трупы крестьянских руководителей и активистов, физическое уничтожение профсоюзных лидеров — все это применяется диктатором, чтобы сломить сопротивление народа тирании.

Преступная и подлая полицейская расправа, в результате которой на ступеньках собора осталось лежать 40 убитых демонстрантов, еще одно преступление реакционного режима, еще одна попытка потопить в крови выступление народа.

«Международная панорама» подготовлена по материалам ТАСС, журналов «Тайм», «Штерн» и «Шпигель».

ФРГ

МОЛОДЕЖЬ ДАЕТ ОТПОР

В немецком фольклоре немало поговорок со словом «перец». Таким вот перчиком, «оживляющим» монотонную жизнь обывателей, считали на Западе (да и сейчас кое-кто считает) существование в ФРГ всевозможных неонацистских группировок, правоэкстремистских кружков и буршеншафтов (студенческих корпораций консервативного толка). Поджигательские речи, провокации, избиение участников антифашистских демонстраций, поджоги в зданиях демократических организаций, письменные угрозы, направляемые обвинителям на процессах бывших военных преступников, и т. п. и т. д.— все это щекотало нервы бюргеров, раскрывавших по утрам газеты, исторгая восклицания вроде «Молодежь развлекается!».

Но демократическая общественность ФРГ по-настоящему встревожена как ростом этих коричневатого оттенка молодежных союзов и союзиков, так и бесцеремонностью, наглостью, с какими юнцы, не выучившие истории своей страны, отуманенные отравой из многочисленных книжек, псевдомемуаров, грампластинок, прославляющих фюрера и его рейх, проводят свои «акции» по «умиротворению левых»...

В июле 1977 года на территории Мюнхенского университета по инициативе праворадикального буршеншафта «Данубия» была зверски избита кастетами мирная демонстрация студентов, выступивших в поддержку профсоюзов. Одиннадцать человек было ранено, из них семерых пришлось отправить в больницы.

Западногерманский журнал «Шпигель» дал выразительную сцену суда над некоторыми зачинщиками расправы, состоявшегося лишь недавно, приоткрыв завесу над теми, кто же стоит за этими хулиганствующими буршами, кто направляет действия этих довольствующихся дармовым пивом и «леберкэзом» (печенка с горчицей) «соискателей знаний».

На скамье подсудимых — Макс Кершер, владелец транспортной конторы из Регенсбурга, бывший председатель НДП, три его сына и три «симпатизанта» НДП. Опыт у этих молодчиков немалый: до этого они уже не раз избивали демонстрантов с антифашистскими листовками, вышедших на улицы в годовщину захвата власти Гитлером, калечили участников предвыборной кампании ГКП, расклеивавших плакаты. «Папаша» Кершер, главный лозунг которого — «убрать левых паразитов», работал и охранником в залах на съездах национал-демократов.

Прогрессивная молодежь дает отпор проискам правых. Не так давно во Франкфурте-на-Майне в течение двух дней под открытым небом проводился необычный музыкальный фестиваль — в знак протеста против запланированного здесь же сборища неонацистов. Фестиваль собрал 30 000 человек и лучшие исполнительские силы, среди которых были звезды эстрады. По свидетельству журнала «Шпигель», во Франкфурт съехались «левые, социал-демократы, профсоюзная молодежь, пацифисты, молодые служители церкви, борцы за охрану окружающей среды, музыканты и их поклонники». Примечательно, что фестиваль молодые антифашисты приурочили ко дню, который неонаци собирались использовать для очередной «германской встречи НДП», и хотя власти города не разрешили устроить фестиваль в самом городе (он проводился на окраине в Ребштоке), это была победа прогрессивных сил над силами реакции.

Сторонники НДП, накануне запланированной встречи тщетно прождавшие в придорожных ресторанчиках разрешения властей на свое сборище, во второй половине дня подались несолоно хлебавши в городок Альценау, где, как пишет журнал, «выпустили свой пар в мелких драках». Встреча «вечно вчерашних» (по выражению «Франкфуртер Рундшау») была вытеснена музыкальным фестивалем, девизом которого стала музыка против правых.

На снимке: участники фестиваля восторженно приветствуют выступления артистов.

ЧИТАТЕЛЬ ПРОДОЛЖАЕТ РАЗГОВОР

ПОДОЖДЕМ «ЕЛЕНУ»?

Под таким заголовком был опубликован («Огонек» № 25, 1979 года) репортаж, посвященный проблеме очков. Ему предшествовало обращение в редакцию киевлянки Е. Воронько («Огонек» № 22), сетовавшей по поводу того, что она не может купить нужные ей очки. Эти выступления вызвали много откликов. Публикуя сегодня часть из них, редакция ждет ответа на репортаж «Подождем «Елену»!», на публикуемые письма руководителей Министерства медицинской промышленности СССР. Полагаем также, что читателям важно знать точку зрения по этим вопросам Министерства здравоохранения СССР, Госплана СССР и Госстандарта СССР.

* * *

— Одна из читательниц сетует на то, что не смогла заказать очки в красивой оправе. Ну и привереда же... Подайте ей очки, да еще в красивой оправе. Словно нельзя привязать очки тесемочкой... Я вот уже шесть лет ищу бифокальные стекла к очкам, а их нет. Носил бы в любой оправе! Раньше такие стекла выпускались, а теперь? Говорят, что хлопот с такими стеклами больше, чем с простыми, а цена почти одна и та же. Стало быть, от бифокальных стекол ни премий, ни благодарностей? Может, Министерство медицинской промышленности СССР решило дело просто: не выпускать бифокальных стекол?

Л. ЛАЗАРЕВ

Москва.

— Прочел в № 25 «Огонька» репортаж К. Барыкина «Подождем «Елену»?». Дело-то не только в оправах, но и в линзах, в проблеме очков в целом.

Очками пользуюсь со студенческих лет. 18 лет назад появилась необходимость иметь вторые — для работы.

Прежде было просто. Приезжаю в Москву, заказываю, а через месяц приезжаю за готовыми. Теперь не так. Во-первых, от иногородних заказы в Москве не принимаются. Почему? Если человек заказывает в Москве, значит, по месту жительства его что-то не устраивает. Иначе зачем он будет обременять себя поездкой и расходами на поездку? Во-вторых и в-третьих. Я живу в Коврове, Владимирской области. На город с населением свыше 140 тысяч человек и на район имеется одна оптическая мастерская при аптеке № 73. Раньше можно было приобрести оправы, а теперь даже заушники невозможно заменить — их нет. С тревогой смотрю на витрину, где, кроме двух детских оправ, пусто. Когда подошла моя очередь, то приняли лишь один заказ: на очки для дали. Уплатил аванс, получил квитанции без указания срока изготовления. Спрашиваю, когда зайти за готовыми? Ответ: не ранее нового года. Переспрашиваю, думаю ослышался,— до нового года еще 9 месяцев! Нет, все так — срок изготовления 8—10 месяцев... Об оправе никаких разговоров — что пришлют, то и ладно. Заказ на очки для работы не приняли — линз нет...

Конечно, модная оправа — это приятно, но когда без очков на улице знакомого не узнаешь, а дома телевизор не посмотришь, тут не будешь ждать «Елену», тут и «лягушонка» на нос повесишь, были бы линзы в ней (в оправе) нужные.

А. АЛЕКСАНДРОВ

Ковров.

— С очками дело обстоит плохо. Правда, иногда видишь хорошие очки (оправы), но только большого размера. Выбор оправ ничтожно мал, имеющиеся оправы неудобны, некрасивы и несовершенны. Мои знакомые, живущие не в Москве, нередко обращаются ко мне с просьбами — купить им очки. Но я и себе-то не могу найти подходящие. Разве у нас нет специалистов и материалов? Или средств нет? Думаю, что все есть, но, мне кажется, что Министерство здравоохранения и Министерство медицинской промышленности плохо занимаются работой по обеспечению населения хорошими очками. А ведь нуждающихся в очках очень много; как старых, так и молодых людей.

Н. БЕГРОВ

Москва.

— Приобрела оправу, которая красива, идет моему лицу, строгого цвета. И вот два года лежит у меня эта оправа: ни в одной аптеке не нашлось подходящих к ней по размерам стекол. Когда я спрашивала, бывают ли такие стекла, мне отвечали либо, что бывают раз в год, либо — не бывают вообще. Так вот я хочу задать вопрос Министерству здравоохранения, не будет ли так: выпустим новую оправу, а стекол к ней днем с огнем не найдешь? Я имею в виду «Елену», которую буду с нетерпением ждать.

С. ВОЗДВИЖЕНСКАЯ

Челябинск.

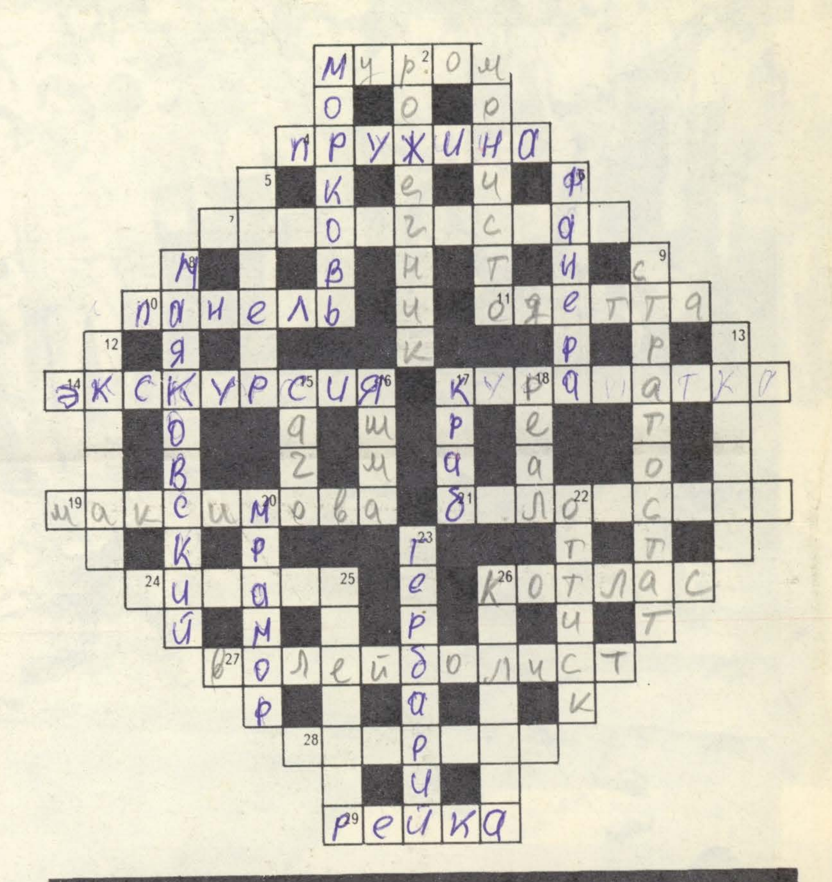
— «Огонек» упустил еще факт неорганизованного — вплоть до сегодняшнего дня — ремонта оправ. Даже винтиков запасных не бывает. Пайку сделать — тоже проблема. Достал человек с большими трудностями оправу, а случись мелкая поломка — не исправишь.

Ф. ТРЕТЬЯКОВ

Курская область.

* * *

Когда эти письма уже были заверстаны, редакция получила официальные ответы на репортаж К. Барыкина «Подождем «Елену»!». Их прислали заместитель министра медицинской промышленности СССР, а также руководители объединения «Союзмедтехника» Министерства здравоохранения СССР и Главного аптечного управления Министерства здравоохранения РСФСР. Эти письма отвечают далеко не на все вопросы, поставленные в материале. Редакция ознакомит с ними читателей в одном из ближайших номеров журнала...

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Старинный город во Владимирской области. 4. Упругая спираль, деталь механизма. 7. Симфония Л. Бетховена. 10. Конструкция, применяемая в строительстве зданий, сооружений. 11. Действующее лицо балета П. И. Чайковского «Лебединое озеро». 14. Коллективное посещение достопримечательных мест. 17. Птица, гнездящаяся в камышах и на деревьях. 19. Балерина, народная артистка СССР. 21. Советская фигуристка. 24. Герой оперы В.-А. Моцарта. 26. Пристань на Северной Двине. 27. Игрок спортивной команды. 28. Роман Ф. В. Гладкова. 29. Планка с делениями, применяемая при геодезических работах.

По вертикали: 1. Овощ, корнеплод. 2. Музыкант, исполнитель на духовом народном инструменте. 3. Ожерелье. 5. Образцовое произведение. 6. Листовой древесный материал. 8. Советский поэт. 9. Воздушный шар. 12. Озеро в Казахстане. 13. Стихотворная форма, строфа. 15. Вид крупы. 16. Ценный поделочный камень. 17. Морской рак. 18. Денежная единица Ирана. 20. Горная порода, используемая для скульптур и в строительстве. 22. Отпечаток текста, графического изображения. 23. Коллекция засушенных растений. 25. Декоративный южный кустарник. 26. Повесть К. Г. Паустовского.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 30

По горизонтали: 1. Краковяк. 6. Ипподром. 8. Директор. 10. «Гитарист». 11. Ванкувер. 13. Мармелад. 16. Градирня. 17. Клавесин. 18. Лопатень. 20. Орнамент. 24. Оклахома. 27. Спиннинг. 28. Ацетилен. 29. Украинка. 30. Инстинкт. 31. Бумеранг.

По вертикали: 2. Арматура. 3. Водевиль. 4. Апликата. 5. Косеканс. 7. Овал. 9. Клуб. 12. Магнолия. 13. Минданао. 14. Делакруа. 15. Канистра. 19. Проспект. 21. Еременко. 22. Шлагбаум. 23. Ботаника. 25. Унжа. 26. Фили.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Корабль на воздушной подушке. Он способен из моря выходить на сушу, а с суши так же легко входить в море. Сказочный богатырь Черномор!

Фото Ю. Мичурина

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Работы И. А. Дончакова. (См. в номере материал «Сочинский Левша».)

Фото Н. Козловского

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456. Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

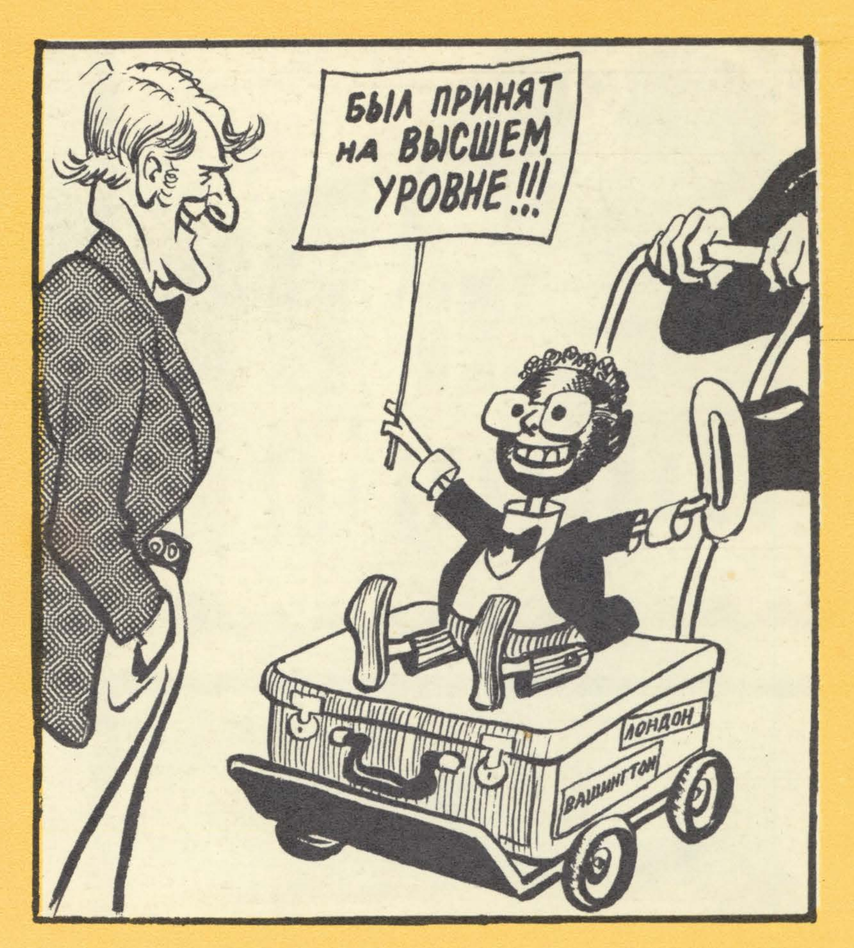
Телефоны отделов редакции: Секретариат — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 212-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 09.07.79. Подписано к печати 24.07.79. А 00681.
Формат 70×108[1]/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 1782. Заказ № 872.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Отравители атмосферы.

Возвращение «премьер-министра».

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

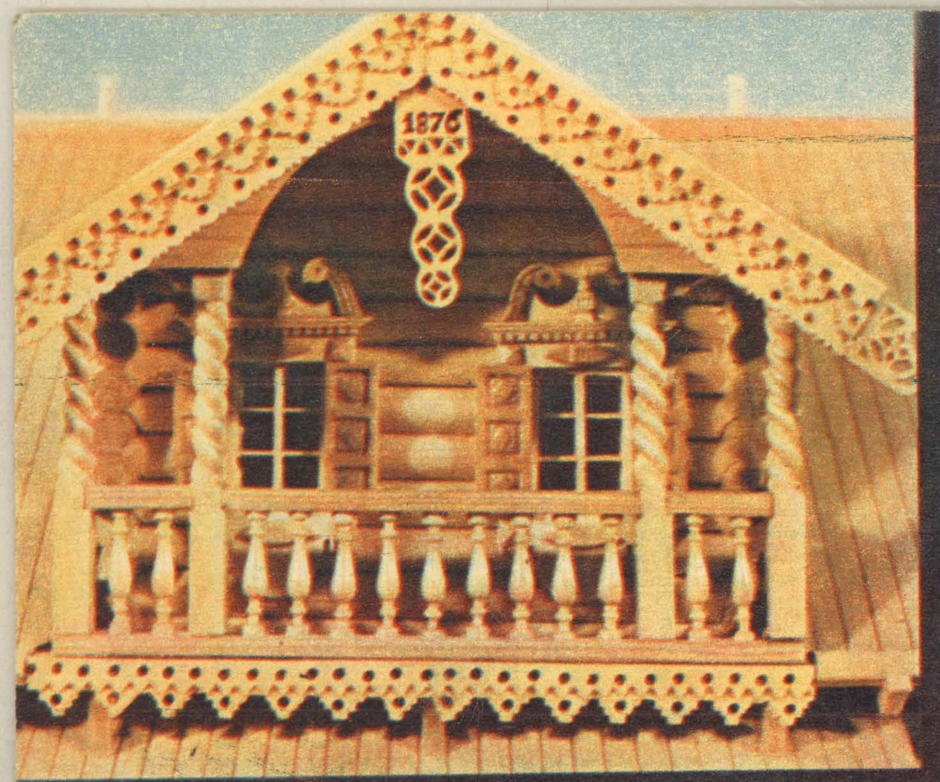
Рисунки народного художника СССР Бор. ЕФИМОВА.

Жандармские учения в Пентагоне.

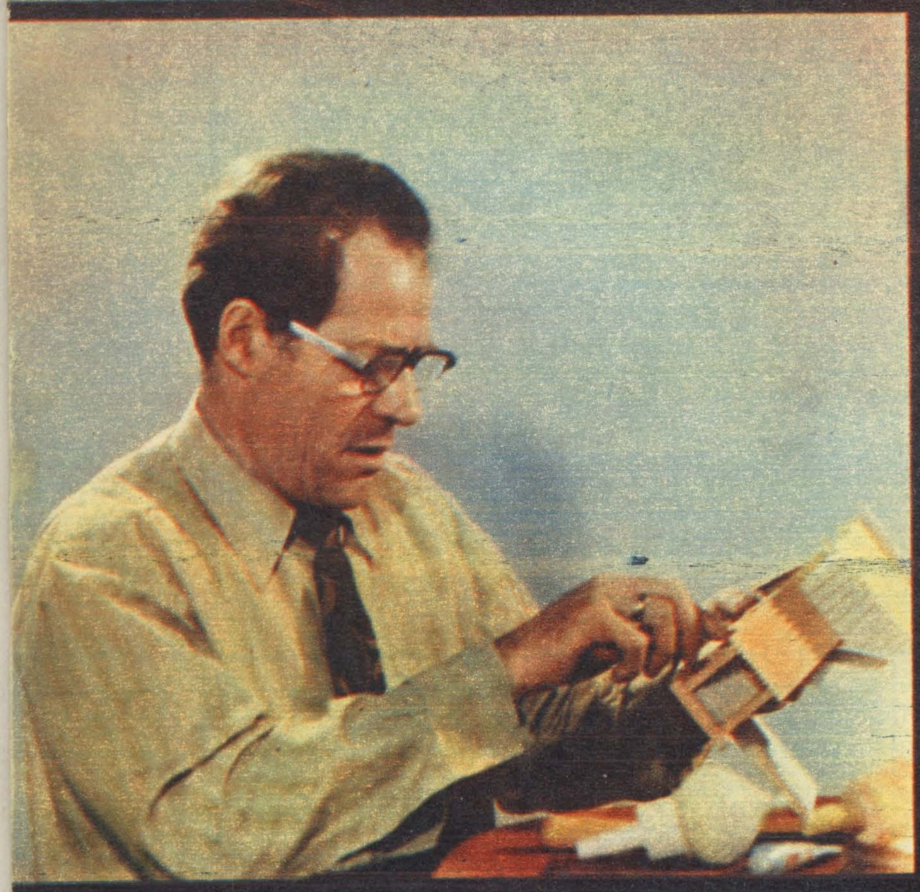
«Самоуправление» для палестинцев. (Проект Тель-Авива — Каира).

Индекс 70663

Цена номера 35 коп.